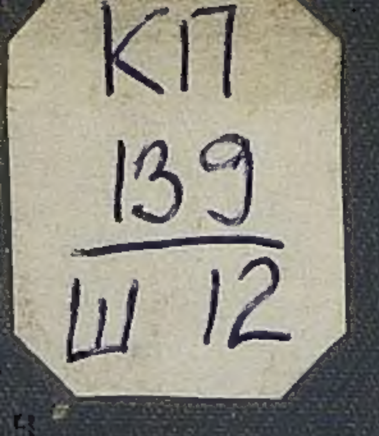
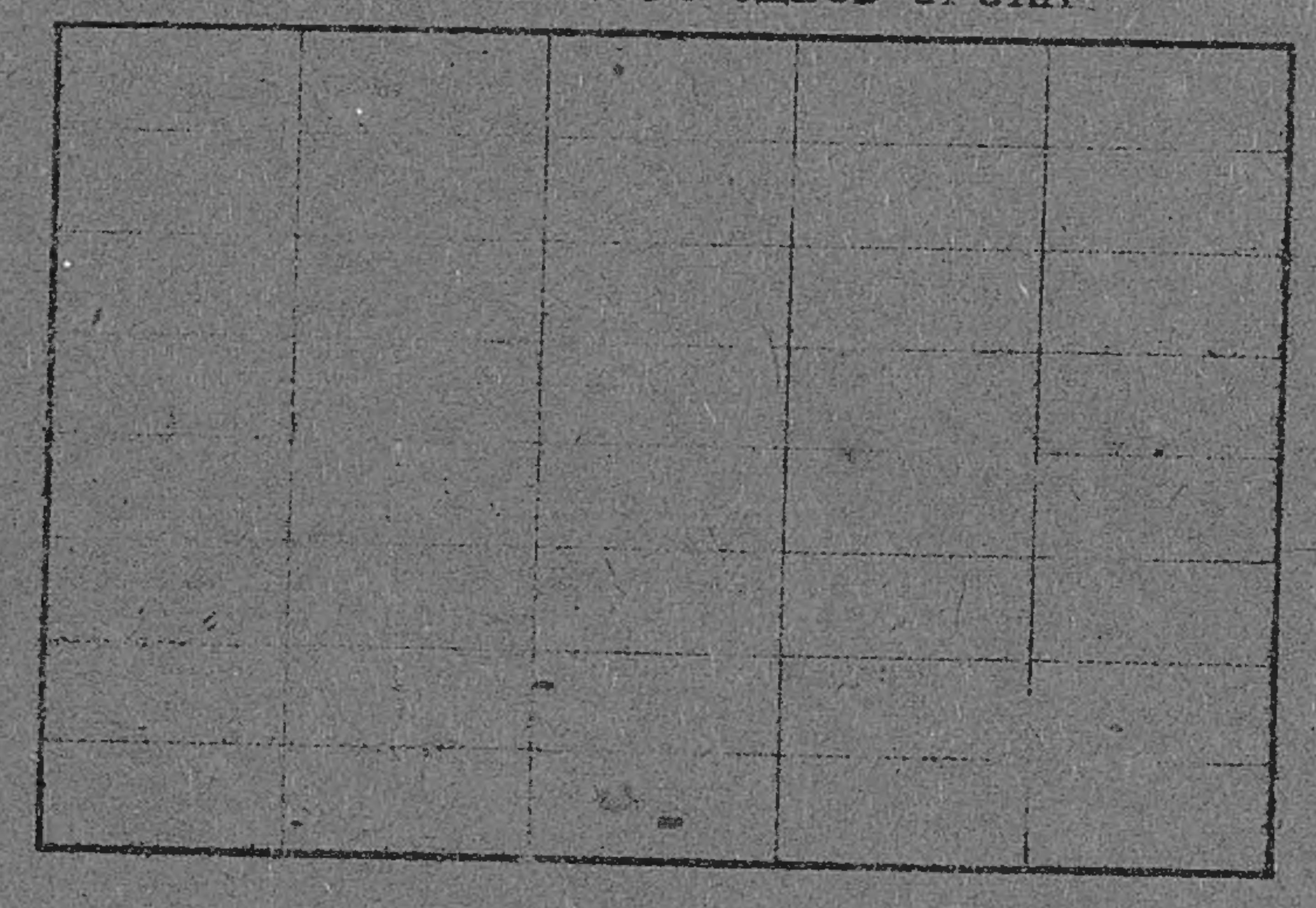

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ПРОЛЕТАРИИ

ВСЕХ СТРАН,

СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
Р С Ф С Р

...ПУСТЬ ЗНАЮТ ВСЕ, ЧТО РАБОЧИЕ СССР СТОЯТ В ПЕРВЫХ РЯДАХ РАБОЧЕГО КЛАССА ВСЕГО МИРА. ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ — ЗНАМЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА — СТАНЕТ ЗНАМЕНЕМ РАБОЧИХ ВСЕХ СТРАН...

И. СТАЛИН

Из приветствия заводу «Красный треугольник» по случаю перехода на 7-часовой рабочий день. Февраль 1929 г.

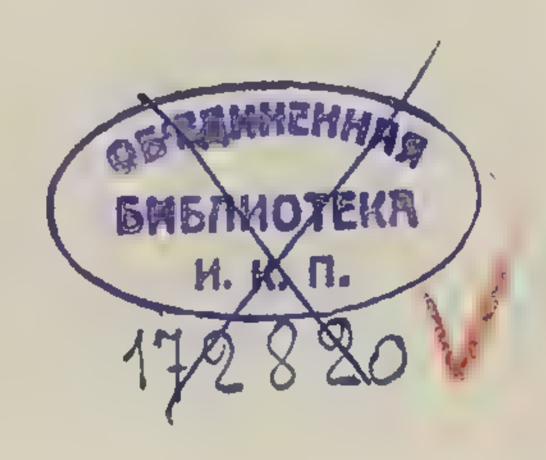
1860 — 1935

75
ЛЕТ

БОРИС ШАБАЛИН

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Под редакцией И. П. Волкова, И. Ф. Григорьева, И. Г. Попова, М. А. Рафаила, С. И. Тюльпанова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1935

Путь, который прошла вся страна*)...

Из речи тов. А. ЖДАНОВА на встрече с краснотреугольниковцами 8 января 1936 г. в Смольном.

Разрешите, сказал тов. Жданов, передать вам горячий привет от Ленинградского Комитета партии и поздравить вас с огромными достижениями, с которыми вы вступаете в 76-й год существования завода. Здесь много старых производственников, которые прошли суровую школу, хлебнули немало горя на старом капиталистическом заводе.

Треугольниковцы прошли большой путь. Он отмечен великими историческими датами. Важнейшая дата — национализация завода после Октябрьской революции, затем первая социалистическая пятилетка, освоение и реконструкция завода и, наконец, разворот стахановского движения.

Многие из вас помнят 1914 год, стачку на заводе «Треугольник» в связи с массовым отравлением работниц. Какую большую службу эта стачка сослужила нашему рабочему движению, как мощно прозвучала она и по старому Питеру и по всей стране. Треугольниковцы в этой стачке получили крепкую закалку. На-днях пойдет прекрасная картина «Подруги». Она ярко рисует жизнь рабочих и работниц «Треугольника» того времени. Я советую всем вам ее посмотреть.

Ваш завод прошел путь, который прошла вся страна. На истории вашего завода можно проследить историю борьбы рабочего класса с капиталом, — и огромные трудности, и успехи, и тот замечательный победоносный рост, который вся страна вместе с вами пере-

*) Печатается по Ленинградской Правде от 9 января 1936 г., № 7.

Тов. Жданов на встрече

живает сейчас. Люди вашего завода — это те славные представители большевиков партийных и непартийных, которые под руководством ленинской партии опрокинули царизм, опрокинули капитализм, перенесли все невзгоды и лишения в годы гражданской войны, восстановили промышленность, подняли ее на недосягаемую высоту и сейчас несут гордо и смело вперед знамя нашей социалистической родины. *(Продолжительные бурные аплодисменты.)*

В самом деле, товарищи, какой нужно было пройти громадный путь, чтобы от того периода, когда труд был подневольным, когда приходилось работать на капиталиста, когда он жилы тянул и кровь пил из рабочих, дойти до того периода, когда товарищ Сталин и декабрьский пленум ЦК поставили задачу, чтобы каждый рабочий достиг уровня инженерно-технического работника. Труд из тягчайшей обузы стал делом доблести, и наши люди труда по своему уровню догоняют инженерно-технических работников.

Это величайшая задача, и товарищ Сталин с присущей ему гениальной прозорливостью указал, что это есть зерно коммунизма.

...раснотреугольниковцами.

Стахановское движение имеет громадное всемирно-историческое значение. Оно помогает нашей стране в кратчайший срок превратиться в самую передовую в мире страну по богатству, по культуре, по цивилизации, по зажиточности. Этого мы добьемся, это дело в наших руках. Партия и стахановцы — с такими двумя силами мы в короткий срок догоним и обгоним и Европу, и Америку во всех отношениях. *(Бурные продолжительные аплодисменты.)*

Вы говорили здесь, продолжает тов. Жданов, что жить стало лучше, веселее. Это совершенно правильно.

Наша страна, наше государство — это единая семья. У нас победил социализм, а это значит, что каждый рабочий и колхозник есть равноправный участник государственного управления. Мы вместе работаем, делаем одно великое дело.

Иностранцы удивляются, почему в нашей стране такое единство. У них это невозможно. У них разделение на классы, у них буржуазия и пролетариат, у них жестокая вражда. У нас народ единый, проникнутый единой великой целью, потому у нас и жить стало

веселее, что у нас единая цель, единое руководство, потому что у нас великий и мудрый вождь товарищ Сталин! *(Бурные и продолжительные аплодисменты, возгласы: «ура!», «Да здравствует товарищ Сталин», «Да здравствует товарищ Жданов!».)*

Далее товарищ Жданов говорит о большой работе, которую предстоит проделать в нынешнем году по освоению новых районов Ленинграда в связи с планом дальнейшего развития города.

В этом году правительство по инициативе товарища Сталина вдвое увеличило отпуск средств на коммунальное хозяйство Ленинграда. Большие суммы, в частности, будут затрачены на приведение в порядок Обводного канала, у которого расположен «Красный треугольник». Мы здесь построим не бетонную, а гранитную набережную. Обводный канал будет превращен из сточной канавы в одну из лучших и цветущих водных магистралей нашего города. Московское шоссе станет в скором времени одной из лучших улиц города (*Голос*: — Как Невский?) Не хуже. В нынешнем году будут проложены двухпутные трамвайные пути, пущены американские трамвайные вагоны. Асфальтовое полотно будет шириною в 60—70 метров. Этот район можно будет заселять. И если дирекция «Красного треугольника» отпустит денежек на жилье, то мы сможем вам выбрать там хорошую площадку. *(Смех, аплодисменты.)*

Затем товарищ Жданов останавливается на некоторых производственных задачах, стоящих перед заводом. Товарищ Жданов особо подчеркнул необходимость точного соблюдения сортности, экономного использования сырья, решительной борьбы с потерями. Все сырье, поступающее на завод, нужно использовать до ниточки.

В заключение товарищ Жданов сказал:

— Позвольте пожелать вам успехов и выразить уверенность, что славные работницы и рабочие «Красного треугольника» будут лучшим коллективом Ленинграда, лучшими производственниками, лучшими стахановцами, лучшими помощниками нашей великой партии. *(Продолжительные аплодисменты, возгласы: «ура!»)*

Да здравствуют работницы и рабочие, стахановцы и стахановки завода «Красный треугольник» всех поколений — старые и молодые! *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Заводу «Красный треугольник» семьдесят пять лет. В революционную борьбу российского пролетариата он вписал много славных страниц.

«Красный треугольник» — самый большой в мире завод резиновых изделий. Он хорошо известен рабочим многих стран.

Несколько поколений рабочих и работниц прошли школу классовой борьбы в корпусах этого гиганта. Не только для рабочих СССР, но и для международного пролетариата имеет огромное значение изучение опыта борьбы тридцатипятитысячного коллектива рабочих «Красного треугольника». История «Треугольника» показывает, как завод из капиталистической каторги в царской России превратился в крупнейшее социалистическое предприятие Советского Союза.

Три четверти века «Красного треугольника» — крупное политическое событие в жизни рабочих Ленинграда, рабочих всего Союза.

Ленин говорил: «Главное в учении Маркса — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества».

Можно ли на опыте отдельного завода показать, в чем конкретно выражается «роль пролетариата как создателя социалистического общества»? Можно.

Марксистская история отдельных заводов имеет огромное значение для рабочих всех стран, раскрывает накопленный десятиле-

тиями опыт борьбы российского пролетариата, опыт строительства социалистической промышленности в пролетарском государстве!

«Красному треугольнику» принадлежит почетная роль в индустриализации СССР. Он «обувает» автомобильный парк страны, он дает сотни изделий для нефтяной, строительной, электро- и радиопромышленности, он вооружает бесстрашных планеристов и водолазов Эпрона, отважных летчиков и мужественных бойцов Красной армии. Он одевает половину населения страны в резиновую обувь.

«Красный треугольник» знают как предприятие с полумиллиардной программой, широко связанное со всеми отраслями промышленности, со всем народным хозяйством, с повседневным бытом всех и каждого.

Тысячи нитей тянутся от «Красного треугольника» во все концы Советского Союза — в Мурманск и Владивосток, в Кара-Кумы и Новороссийск.

Сотни партийных агитаторов и пропагандистов, инженеров и техников, борцов за колхозное строительство и отважных бойцов Красной армии взрастил и продолжает выращивать «Красный треугольник».

В царской России «Треугольник» был фабрикой по выкачиванию из рабочих огромных прибылей для капиталистов. Краузкопфы, Гейзе, Кирштейны, Нейшеллеры — за полстолетие награбили стомиллионную прибыль. Двенадцати- и четырнадцатичасовой рабочий день, сорока — шестидесятикопеечная оплата! Тысячи работниц пали жертвой свирепой эксплоатации.

«От постоянного прижимания к груди тяжелых чугунных колодок груди у женщин раздражались, болели, высыхали...»

«Бензин въедался в одежду, в поры тела... Грудные дети не брали материнскую грудь» — такова была доля старой галошницы.

Каторжный, унизительный труд, полуголодное существование, нищенский заработок, издевательства мастеров-надсмотрщиков, туберкулез и истерия — профессиональные болезни галошниц — таков был капиталистический «Треугольник».

Социалистический «Красный треугольник» стал крепостью пролетарской диктатуры, гигантом индустриализации, центром могучего культурно-политического роста рабочих. Социалистическая

рационализация давно ликвидировала гибельные последствия вреднейшего при капитализме производства. Капитальное переоборудование и конвейер в корне изменили условия труда и во много раз увеличили производительность. Социалистическим соревнованием и ударничеством охвачены три четверти рабочих предприятия; могучий подъем стахановского движения опрокидывает все старые технические нормы, открывает новые перспективы для творческого труда и дальнейшего роста производительности. Первая пятилетка выполнена меньше чем в четыре года. Вторая пятилетка будет выполнена в четыре года — такое торжественное обязательство дал завод в дни первого всесоюзного стахановского совещания.

Тридцатипятитысячный коллектив рабочих почти поголовно учится. Идет решительный бой за повышение технической грамотности, за действительное овладение и использование до дна техники, за подъем культурного уровня, политического развития.

Если описать полностью хотя бы один день жизни «Красного треугольника»— это была бы величественная картина. Наша литература еще не создала таких работ. В цехах развертывается большевистская борьба за преодоление капитализма в сознании людей. Беспощадное слово пролетарской самокритики клеймит тех, кто мешает двигаться заводу вперед. Старые кадровые рабочие и молодежь набирают стахановские темпы работы! Идет великий процесс повседневной переделки людей. Только страна, только класс, воспитанный гением Ленина и Сталина, могут рождать каждодневно героев новой эпохи. Тысячи партийных и непартийных большевиков, их новое отношение к станку, к трудовой дисциплине, их беззаветная преданность делу строительства социалистического общества, их мощная организованность вдохновляют сотни тысяч на борьбу и победы. Здесь, на «Красном треугольнике», ежедневно, ежечасно куется «высококачественный человеческий материал». Так изо дня в день строит пролетариат новое социалистическое общество.

Какими путями пришел «Красный треугольник» к сегодняшним победам? Какие жертвы принесли тысячи героев — рядовых рабочих, чтобы завоевать лучшую жизнь своим братьям по классу?

Прочтите волнующие страницы революционной борьбы, и вы узнаете секрет этих побед.

В 1881 г., свыше пятидесяти лет тому назад, на «Треугольнике» начинаются волнения среди рабочих. В 1890 г. в первых социал-демократических кружках участвуют работницы с «Резиновой мануфактуры». В 1891 г., на первой маевке в России, выступает рабочий-резинщик Владимир Прошин с речью, которая осталась в анналах истории. В 90-х годах революционное движение на «Резиновой мануфактуре» растет. «Питерский союз борьбы за освобождение рабочего класса», руководимый Лениным, находился в тесной связи с революционными рабочими «Треугольника».

С 90-х годов вплоть до Октябрьской революции рабочие «Треугольника» идут в рядах революционного питерского пролетариата, одним из отрядов старой Нарвской заставы. Они получают первое боевое крещение в Кровавое воскресенье, в январе 1905 г., и вместе с рабочим классом всей страны борются против царского самодержавия в первую русскую революцию.

Под руководством большевиков они организуют ряд забастовок в 1905 — 1907 — 1912 — 1914 гг. и в годы империалистической войны. Они отвечают мощным протестом на массовое отравление капиталистами работниц в марте 1914 г. Это отравление приковывает к «Треугольнику» внимание всей страны. В дни Февральской революции «Треугольник» участвует в свержении царского правительства и освобождает из тюрем политических заключенных.

С оружием в руках, во главе с большевиками, пролетарии «Треугольника» идут в Октябрьские дни на завоевание пролетарской диктатуры.

В революционных битвах, в массовых забастовках и политических выступлениях, на уроках Февральской революции и Октябрьских побед, растет и крепнет большевистский коллектив «Красного треугольника».

После завоевания власти в октябре завод прошел годы тяжелых испытаний. Страна Советов, окруженная со всех сторон врагами, отрезанная от источников топлива, не могла дать «Треугольнику» даже бензина для его работы. В 1918 г. завод едва проработал 49 дней, в 1919 г. — 84 дня, в 1920 г. — 140 дней. Рабочие не жалели ни сил, ни жизни, чтобы спасти завод в годы интервенции и разрухи.

Выделяя передовые отряды на все фронты гражданской войны, рабочие в холод и стужу, голодные и разутые, заготовляли дрова, разгружали баржи, не давали остыть заводу. Они показали несокрушимую мощь пролетариата в борьбе за социализм.

В восстановительные годы напряженная борьба не прекращалась ни на один час. Классовый враг действовал изнутри. Вредители всеми средствами подрывали производство. Троцкисты и зиновьевцы пытались дезорганизовать ряды партии. Только беззаветной преданностью делу революции можно было отстоять завод, поднять производство и вывести его на широкую дорогу социалистического строительства.

Это сделали пролетарии «Красного треугольника».

Правительство и партия отметили их героизм, наградив в 1922 г. завод орденом Красного знамени. Это был первый в Советском Союзе орден, выданный коллективу рабочих за победу на трудовом фронте.

С новым мощным подъемом принялся завод за решение задач, поставленных перед ним партией в первом пятилетнем плане коренной реконструкции народного хозяйства. Из месяца в месяц, из года в год вырастает продукция гиганта на Обводном, повышается производительность, снижается себестоимость, идет борьба за высокое качество продукции. Ломается старая отсталая «Резиновая мануфактура». Завод ставит и осваивает сложнейшее производство для индустриализации страны. Социалистическое соревнование становится основным методом труда. Завод идет от победы к победе; он — в почетной шеренге первых заводов Кировского района.

Кто указывал рабочим путь к победе? Кто цементировал их волю?

Кто помогал на каждом этапе распознавать врага? Кто увлекал примером и был впереди в самый ответственный момент, на самых трудных участках? Кто организовывал боевые отряды? Кто учил, воспитывал многотысячный коллектив «Красного треугольника»? *Партия Ленина — Сталина.*

Везде, где кипела напряженная борьба, была партийная организация «Красного треугольника». Изо дня в день терпеливо и настойчиво она воспитывала рабочих в духе большевистской непримиримости, она сплачивала рабочих вокруг партии, она готовила массы к решительному бою с капитализмом, она показывала образцы

героического труда. В этой организации работали товарищи В. Куйбышев, Станислав Косиор и многие другие, впоследствии видные деятели партии, крупнейшие руководители на хозяйственном фронте.

Это она — коммунистическая организация «Красного треугольника», насчитывавшая в годы первой пятилетки свыше 5000 большевиков, — показывала, как нужно мужественно преодолевать трудности, какую бдительность надо проявлять на производстве, показывала, как надо сосредоточивать энергию в каждый данный момент на решении важнейшей задачи. Эту организацию бережно воспитывал Иван Иванович Газа — старый большевик, путиловский рабочий, секретарь Нарвского райкома партии.

На многих страницах этой книги рассказано, как четырехтысячный коллектив большевиков «Красного треугольника» упорной, терпеливой работой поднимал отсталых рабочих до уровня передовых пролетариев, как большевики завода, беспощадно громя всех и всяких оппортунистов, возглавляли огромный коллектив рабочих и привели его к славным победам.

Своими победами «Красный треугольник» обязан любимому вождю ленинградского пролетариата — Сергею Мироновичу Кирову, погибшему от руки контрреволюционных зиновьевских последышей. Киров вникал детально в жизнь завода, знал лично многих старых рабочих и работниц. К Кирову шли за советом и помощью, с ним делились горечью неудач и радостью побед. Киров воспитывал изо дня в день многотысячный партийный коллектив и всех рабочих «Красного треугольника». Киров выпестовал партийную организацию «Красного треугольника», которая в напряженной борьбе за партийное единство, против контрреволюционных зиновьевцев и троцкистов, против правых оппортунистов, в борьбе со всеми, кто пытался ревизовать линию партии, — всегда была надежной опорой Центрального Комитета, всегда стояла на ленинско-сталинских позициях.

«Красный треугольник» обязался выполнить вторую пятилетку в четыре года. В этой борьбе рабочие имеют железное большевистское руководство Обкома и Горкома ВКП(б), вождя ленинградских большевиков т. Жданова и надежную помощь от Кировского райкома ВКП(б).

Каждый рабочий, который прочтет эту книгу, узнает, как жили и боролись пролетарии «Красного треугольника». Эта книга составлена по материалам, которые в течение четырех лет подготавливались редакцией «Истории заводов». Десятки и сотни воспоминаний рабочих и работниц использованы в этой книге, ее читали и обсуждали старые пролетарии «Красного треугольника». В ней есть недостатки, и вероятно немало, и это обязывает нас дальше работать над «Историей «Красного треугольника».

Семидесятипятилетие завода рабочие отпразднуют в дни, когда жить стало лучше, жить стало веселей.

Рабочие «Красного треугольника» помнят слова, с которыми обратился к ним в феврале 1929 г. любимый вождь и учитель всех трудящихся товарищ Сталин, и они не пожалеют ни сил, ни энергии, чтобы выполнить его призыв:

«Пусть знают все, что рабочие СССР стоят в первых рядах рабочего класса всего мира. Пусть наше знамя, знамя строительства социализма, станет знаменем рабочих всех стран».

Н. Волков
М. Рафаил

ШИРЕ РАЗВЕРНЕМ ФРОНТ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Америка на Обводном

Летом 1859 г. гамбургский купец Фердинанд Краузкопф приехал в Петербург с намерением основать в российской столице фабрику резиновых изделий.

Резиновая промышленность в эти годы только еще нарождалась. Прошло всего двадцать лет с тех пор, как американец Чарльз Гудьир открыл способ превращать каучук в резину. [1] До этого открытия резиновой промышленности не существовало, хотя каучук стал известен европейцам еще со времен Колумба (1495 г.), а попытки изготовлять из каучука изделия начались со второй половины XVIII в. Но изделия из невулканизированного каучука (макинтош-материя, обувь и др.) были непрактичны и слабо входили в обиход.

Первые резиновые фабрики с применением вулканизации возникают в 40-х годах XIX в. сначала в Америке, затем в Англии и Франции.

---

[1] Каучук — сок каучуконосных деревьев и кустарников; быстро затвердевает на воздухе и имеет вид белой, губчатой массы. В натуральном виде каучук для изделий почти непригоден. Чарльз Гудьир, смешав каучук с серой и прогрев смесь при температуре свыше 100 градусов, получил резину. Процесс прогревания, «сваривания» каучука с серой, называется «вулканизацией».

В 50-х годах зарождается резиновая промышленность в Германии. Но к этому времени в Гамбурге существовала уже крупная торговая компания, которая закупала в Америке галоши и развозила их в другие страны. Начали проникать галоши через Гамбург и в Россию. Американская новинка повсеместно встречала оживленный спрос, торговля галошами оказалась делом исключительно доходным, и агент гамбургской компании Фердинанд Краузкопф, выделившись, основал собственную фирму «Краузкопф и К⁰».

Краузкопф поехал за океан и завязал непосредственные отношения с американскими фабрикантами. Попутно он познакомился там с резиновым производством и даже внес и запатентовал усовершенствование: он предложил делать у галоши утолщенный задник и наклеивать «шпору» (кусочек резины, для удобства снимания галоши с ноги). В Америке этого не делали.

Краузкопф возвращался в Европу уже с намерением основать резиновую фабрику.

Но гамбургская компания его опередила: вернувшись в Гамбург, он увидел уже действующую фабрику галош. Гамбургские галоши стали продавать дешевле привозных, американских, и Краузкопф вынужден был снова взяться за продажу галош от своих прежних хозяев. У Краузкопфа начались нелады с гамбургской компанией: Краузкопфа, видимо, не удовлетворяли условия, но фабриканты-соотечественники не хотели платить ему больше, чем стоила миссия коммивояжера.

И Фердинанд Краузкопф решил перебраться для деятельности в Петербург...

Краузкопф ехал не на случайную удачу. Он много раз бывал в России, сперва с американскими галошами и галантереей, потом с галошами гамбургского производства. Он знал страну, знал рынок, знал потребности и вкусы русских покупателей.

Свыше семидесяти миллионов населения. Большие города,

сотни тысяч чиновников, торговцев, военных, помещики, духовенство, царский двор. Рынок был необъятный. И не только — для галош. В России начинался рост промышленности, промышленность нуждалась в насосных рукавах, трубах, шкивных ремнях. Важно было только захватить место первым. Умный, энергичный, предприимчивый хищник с большим аппетитом, но небольшим капиталом, Краузкопф видел огромные возможности для резинового производства в России.

Нехватало капиталов, но он без труда раздобыл деньги: нашлись соотечественники, которые охотно ссудили ему средства на резиновое предприятие, — дело было верное, без риска.

В Петербурге существовала, правда, одна фабричонка «Гумми и Гуттаперчи», основанная еще в 1832 г. купцом Генрихом Кирштейном. Кирштейн вырабатывал гуттаперчевые столы, стулья и трости, чемоданы, коробочки, непромокаемую одежду для кучеров и обувь. Но обувь его была неизящной, грубой, и выпускал он изделий немного. Краузкопф знал, что у Кирштейна не промышленное предприятие американского типа, а кустарная мастерская с примитивным оборудованием, что у него нет людей, знающих технологию резины, что он не применяет вулканизации и что все его предприятие стоит каких-нибудь 20 — 30 тыс. руб.

Кирштейн ни в какой мере не смущал Краузкопфа, а кроме него соперников не было.

В России в эти годы крепостничество переживало глубокий кризис. Всюду пробивались ростки промышленного капитализма. Золотой червяк источил дряхлый феодальный организм. Развивалась машинная индустрия. Возникали фабрики и заводы. Строились железные дороги. Денежные отношения рушили средневековый уклад крестьянской жизни и извне и изнутри: с одной стороны, помещики и самодержавный аппарат старались выжать из мужика как можно больше денег, с другой — трудовую массу обирала растущая кулацкая верхушка.

Отмена крепостного права в 1861 г. была показателем того, что Россия, несмотря на все тормозы, прочно встала на путь капитализма. Создавался внутренний рынок. Разоряющаяся деревня выбрасывала на мостовые городов огромные массы свободной рабочей силы.

Фердинанд Краузкопф приехал в Россию во-время...

Приехал — и энергично взялся за дело: быстро нашел в Петербурге компаньонов среди купцов, с которыми сталкивался по прежней своей деятельности комиссионера, и летом того же 1859 г. между ними был заключен договор об учреждении «фабрики галош и других резиновых и гуттаперчевых изделий в Санкт-Петербурге», сначала с капиталом в 100 тыс. руб.

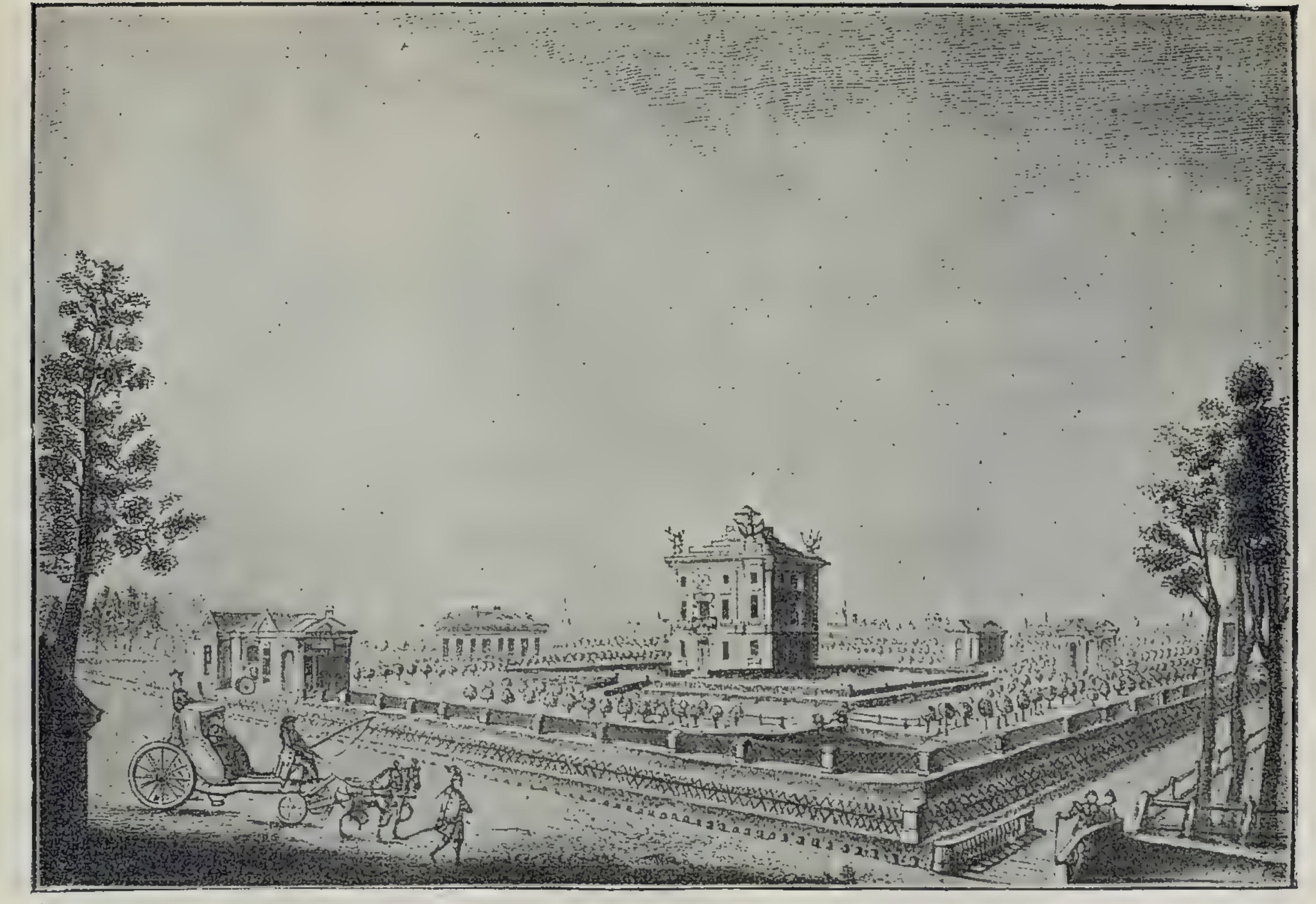
Учредителями товарищества значились: петербургский купец Людвиг Гейзе, купец из Нарвы Дирсен, — они внесли вместе 30 паев по 1000 руб., гамбургские купцы Краузкопф и Шмидт — внесли по 29 паев каждый, и американский подданный Роберт Сторп — 12 паев. Всего было собрано 100 паев по 1000 руб.

С Робертом Сторп, «техником по резине», Краузкопф познакомился в свое время в Америке. Сторп согласился променять демократические Штаты на царский Петербург, но выговорил предварительно себе солидную долю в прибылях будущего предприятия: он внес 5 тыс. руб., а потребовал себе 12 тысячерублевых паев. Человек он был нужный, и условия его компания приняла.

Ко времени утверждения устава товарищества (март 1860 г.) паевой капитал был доведен до 300 тыс. руб.

Сразу были взяты крупные масштабы.

Летом того же 1859 г. учредители заарендовали участок земли на Обводном канале, под № 134, а к зиме уже выстроили первое здание. Постройка была спроектирована Робертом Сторп, руководил строительством представитель фирмы немецкого «пушечного короля» Круппа — инженер Карл Барт. К зиме помещение отделали, поставили паровую

Дом графа Строганова, на месте которого была выстроена фабрика «Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры».

машину. На заарендованном участке находилось здание обанкротившейся шляпной фабрики, — приспособили и его: там установили выписанные из Шотландии каландры и вальцы, соорудили печь для вулканизации. Еще до закрытия навигации прибыли первые тонны каучука из Ливерпуля и уголь из Ньюкестля. Ткань для подкладки к галошам взялся поставлять петербургский купец Натус. Привезли из Англии нескольких мастериц по галошам, а из Германии — мастеров. Набрали первую партию рабочих и работниц.

И летом 1860 г., раньше чем через год по приезде в Россию Краузкопфа, заработала в России первая резиновая фабрика.

В организации всего дела видна большая энергия, вовсе не свойственная «расейским» Тит Титычам: сказывались американская и немецкая выучка, опытность, размах, быстрота.

Весна и лето 1860 г. ушли на освоение галошного производства — на отрегулировку механизмов и обучение рабочей силы. В августе 1860 г. «первенцы фабрики поступили в продажу», но «собственно рабочее время можно считать лишь только с половины октября» (протокол общего собрания пайщиков 18 мая 1861 г.).

От петербургского купца Нейшеллера, от московского — Вернера поступили заявки на крупные партии галош. Фабрика сразу пошла полным ходом.

За год было налажено таким образом новое в России производство, и притом производство массовое: в октябре 1860 г. выпускалось до 1000 пар галош в день при 58 рабочих (из них 27 женщин), в ноябре — уже 1600 пар в день и началось производство труб и шкивных ремней, а через десять месяцев работы, на Петербургской мануфактурной выставке 1861 г., товарищество получает серебряную медаль...

«Душой» всего дела был, разумеется, Фердинанд Краузкопф: вот когда пригодилось ему все, что он узнал в Аме-

Фабрика «Товарищества резиновой мануфактуры» в 1860 году.

Фабрика через 3 года после основания.

рике о постановке резиновых предприятий, пригодились вся его долголетняя практика торгаша, знание рынка, вкусов потребителей, коммерческие связи. Пригодился и утолщенный задник со шпорой — в Америке он не привился, а на «Резиновой мануфактуре» сразу стали делать галоши с прочным задником и шпорой, и это понравилось покупателям.

Через девять месяцев с начала работы фабрики, когда еще не закончилась как следует организация, когда рабочие только обучались работать, а механизмы не совсем еще наладились, предприниматели разделили уже первую прибыль — по 85 руб. на пай. 8,5% дивидендов было неплохим началом. Фабрика выработала за это время 220 223 пары галош на сумму 193 091 руб. и изделий техники[1] на 6141 руб. Через год, в мае 1862 г., прибыль составила уже 67,5 тыс., и на каждый пай пришлось по 225 руб. А директора Краузкопф, Гейзе и Дирсен кроме того получили 14 874 руб. тантьемы (процент с прибыли).

На покупку земли, строений и оборудования было затрачено всего 216 тыс. руб. Следовательно, на протяжении одного года владельцам вернулось в виде дивидендов 67,5 тыс. — почти треть всех вложенных капиталов.

Товарищество решает «не опубликовывать годового баланса, поскольку побуждают к этому соображения целесообразности». Соображения были понятны: чрезмерные прибыли и дивиденды могли привлечь других капиталистов к резиновой промышленности, — это усилило бы конкуренцию, борьбу вокруг цен, прибыли и дивиденды понизились бы. И свои балансы товарищество ревниво оберегало от постороннего глаза вплоть до издания закона об *обязательном* опубликовании балансов. Никто не знал, сколько прибылей загребают пайщики «Резиновой мануфактуры». Тайна хранилась владельцами нерушимо.

---

[1] В резиновой промышленности к изделиям техники относятся: трубы, ремни, рукава, предметы санитарии, гигиены, игрушки и пр.

За 1861—1862 гг. фабрика снова резко повысила объем производства — было выработано уже 382 466 пар галош и на 32 566 руб. техники.

В конце 1862 г. Краузкопф и К° легко проглатывают единственного конкурента — Кирштейна.

Краузкопф пустил галоши в продажу на четыре копейки дешевле, чем продавал, — вместо 87 коп. по 83 коп., — и Кирштейн не выдержал, закрыл свою фабрику. Товарищество купило у Кирштейна все его оборудование, выдав ему в оплату 30 тыс. руб. паями. Кирштейн, вступая пайщиком в товарищество, вынужден был подписать обязательство: «не принимать участия ни в каком другом резиновом или гуттаперчевом предприятии в России». А на случай, чтобы он как-либо не обманул товарищество, ему выдали на руки только пять паев из тридцати, остальные решили задержать на десять лет в кассе товарищества. Вскоре Кирштейн понял силу новой фабрики и вкладывал в паи все свои средства, какие только мог, заняв в товариществе, по числу паев, третье, а впоследствии даже второе место.

Так начало расти на Обводном канале крупное капиталистическое предприятие, названное «Российско-американским».[1]

Из Америки сюда перенесен был технологический процесс, образцы передовой техники того времени, образцы изделий и принципы организации труда, дававшие возможность загружать до предела рабочее время и выжимать высокую прибавочную стоимость. «Российскими» были — дешевая рабочая сила, двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатичасовой рабочий день за нищенскую оплату в 30 — 40 коп., отсутствие всякой защиты рабочих от бешеной эксплоатации и произвола мастеров и хозяев; русскими были часть капиталов и неограниченный, свободный от конкурентов рынок. Но повершал все это, организовывал,

[1] Полное название: «Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры» («ТРАРМ»).

давал движение всему механизму производства немецкий капитал, вооруженный европейским и американским опытом и привезенный в отсталую царскую Россию Краузкопфом и гамбургским купцом Шмидтом. Они привлекли средства российских купцов для усиления финансовой мощи, но никогда не выпускали из рук командного положения.

Товарищество быстро росло и крепло и установило в России резиновую монополию почти на сорок лет.

История русской резиновой промышленности в XIX в. — это история «Российско-американской резиновой мануфактуры».

Резиновые короли

Пошли годы «счастливого», «благословенного» (подлинные записи в отчетах) процветания нового предприятия.

Монопольное положение «Треугольника»,[1] при все возраставшем спросе на резиновые изделия со стороны быстро развивавшейся промышленности и со стороны массового потребителя, на много лет обеспечило прочную базу для развития завода.

Высокие пошлины, действовавшие в России на ввоз готовых резиновых изделий, и, наоборот, низкий тариф на ввоз сырья — каучука, вместе со льготами на вывоз галош, ограждали фабрику от иностранной конкуренции.

Возникавшие не раз попытки различных предпринимателей создать в России новые резиновые фабрики легко подавлялись мощным «Товариществом российско-американской резиновой мануфактуры». Как только замышлял кто-нибудь новое резиновое предприятие, — треугольниковские воротилы сразу же снижали цены настолько, что конкуренты не выдерживали борьбы и прекращали производство.

Конкуренция толкала «Треугольник» на все новое рас-

---

[1] Название «Треугольник» товарищество приняло в 1908 г., но в нашем тексте оно употребляется на всем протяжении дооктябрьской истории, как наиболее ходовое и общеизвестное.

ширение дела, побуждала его улучшать оборудование и производить все, что требовал рынок. В 1872 г., например, в Петербурге возникло англо-российское общество резиновой мануфактуры «Макинтош». «Треугольник» сразу же мобилизуется для нанесения удара конкуренту. «Мы узнали, что конкурирующая фабрика рассчитывает при постройке здания и оборудования его на продукцию 2000 пар галош в день, и поэтому мы еще больше укрепились в своем намерении расширить нашу фабрику и увеличить число машин еще в этом году и сейчас же приступить к осуществлению нашего плана» (протокол правления 8 марта 1872 г.).

Общество «Макинтош» с трудом протянуло восемь лет, до 1880 г., и ликвидировалось под ударами «Треугольника», продав ему все свое имущество — землю, здания и оборудование.

Участь «Макинтоша» надолго отбила у предпринимателей охоту тягаться с «Треугольником».

Товарищество неустанно вело борьбу и против ввоза резиновых изделий в Россию из-за границы. «Чтобы полностью защитить наше производство против конкуренции заграничных фабрик, — заявляет правление товарищества в 1869 г., — мы снова сбавим к пасхе текущего года цены на дамские и детские галоши на 5 коп. на пару».

«Треугольник» сам экспортировал свои изделия за границу (с 1861 г. в Швецию, с 1862 г. в Германию и в другие страны).

Маневрирование ценами было одним из основных способов сохранять монополию на русском рынке. Товарищество при появлении конкурента немедленно и решительно снижало цены на свои изделия и держало их на низком уровне, пока конкурент не вылетал в трубу.

При этом капиталы товарищества нисколько не страдали. Товарищество, подавив конкурента, каждый раз повышало цены на изделия и с лихвой наверстывало потерянное. Даже

убрав с рынка такого незначительного противника, как Кирштейн, товарищество на следующий же год (1863) повысило цену на галоши с 83 коп. до 88 коп., а к 1866 г. догнало ее до рубля с пятачком.

И наряду с этим товарищество увеличивало выпуск галош и усиливало эксплоатацию рабочих. Российские условия позволяли эксплоатировать рабочего безудержно. Огромная резервная армия труда, все пополнявшаяся за счет разорения деревни, при ничтожных материальных и духовных потребностях вчерашнего крепостного мужика, открывала предпринимателю неограниченные возможности для эксплоатации труда рабочего.

А в условиях «Треугольника», где рабочий к тому же мог быть легко обучен, была возможность эксплоатировать самую дешевую рабочую силу — женщин и детей-подростков.

И капиталисты «Треугольника», приложив в качестве пресса к этой дешевой рабочей силе европейско-американскую технику и организацию производства, выжимали из нее прибавочную стоимость в неслыханных даже для российских условий размерах.

Монопольное положение, огромные возможности сбыта резиновых изделий в России (в первую очередь галош) обеспечили «Треугольнику» исключительные для капиталистического предприятия условия.

Послушаем самих владельцев.

Из отчета правления за 1875 г.: «Несмотря на тяжелое положение торговли и промышленности в России, истекший 1875 год дал исключительно хорошие результаты...»

Из отчета за 1881 г.: «В этом году, так же как и в предыдущие годы, дирекция с особенным удовольствием может сообщить своим пайщикам о блестящих итогах технического хозяйственного года...» (В этот год промышленность России переживала очередной кризис, но «Треугольник» не испытал больших затруднений, а продолжал попрежнему развертывать производство.)

Из отчета за 1884/85 г.: «Хотя вы и подготовлены уже к хорошим результатам, тем не менее для нас является особенным удовольствием и удовлетворением то, что именно за истекший год, которым наша фабрика заканчивает двадцатипятилетний период благословенной и плодотворной деятельности, мы можем объявить вам о прекрасном результате, превосходящем наивысший из всех когда-либо бывших доходов».

Производство «Треугольника» систематически шло вперед, притом гигантскими шагами.

Рост выпуска галош (основной продукции завода)

(Годовая выработка)

1860/61 г.	220 223 пары	1885/86 г.	3 186 587 пар
1865/66 »	805 335 »	1890 »	3 565 790 »
1870/71 »	1 804 634 »	1895 »	8 729 163 »
1875/76 »	2 458 283 »	1900 »	10 524 245 »
1880/81 »	2 316 378 »		

За сорок лет выпуск галош «Российско-американской мануфактуры» возрос почти в 50 раз. Только в 70-х и 80-х годах, в периоды промышленных кризисов, в выпуске галош происходят колебания, и за отдельные годы производство даже сокращается.

Что касается технических изделий, то они всегда занимали в производстве подчиненное место (15 — 20%). Но выпуск их также расширялся. Производство технических изделий возросло с 211 тыс. руб. в 1865/66 г. до 4,7 млн. в 1900 г., т. е. в 22 раза.

Триста тысяч, с которыми начало свою деятельность товарищество, выросли к 1900 г. в двенадцать миллионов.[1]

При этом никаких займов на стороне и никакой мобилизации средств путем широкого выпуска акций не про-

---

[1] К 1900 г. товарищество имело паевой капитал в 4,5 млн. руб., резервный — в 7,3 млн. руб. и специальный резервный — в 316 тыс. руб. Земля, строения и машины оценивались в 7,9 млн. руб.

Фабрика механического производства обуви (1888 г.), на месте которой была выстроена вторая галошная фабрика «Треугольника». Здание этой фабрики отделялось от старых корпусов речкой Таракановкой, мост через которую виден на снимке. В 1927 г. Таракановка была засыпана.

изводилось. Иначе говоря, все средства на расширение предприятия извлекались «на месте», из доходов предприятия.

А доходы были прямо сказочными.

Прибыль и дивиденды с 1860 по 1900 г.

Годы	Прибыль, показанная в отчете	Дивиденды на каждый пай в 1000 руб.
1860/61	41 982 руб.	85 руб.
1865/66	288 824 »	400 »
1870/71	633 981 »	450 »
1875/76	756 064 »	500 »
1880/81	1 141 074 »	400 »
1885/86	1 747 777 »	420 »
1891[1]	2 400 689 »	450 »
1895	3 190 040 »	370 »
1900	2 923 838 »	400 »

Следовательно, каждый пайщик на каждую акцию в 1000 руб. ежегодно получал на руки от 400 до 500 руб., кроме того, что расходовалось из прибылей на расширение самого производства (постройка новых зданий, закупка оборудования и т. д.). В 1894 году дивиденд равнялся даже 550 руб. на пай.

40 — 55% дивиденда — это были неслыханные даже в России промышленные дивиденды. На путиловские акции в самые благополучные годы выплачивали не больше 7 — 8%, только нефтяник Нобель выплачивал около 25%, но и ему было далеко до «Треугольника».

Вполне понятно, что кучка резиновых королей, во главе с Краузкопфом, боялась огласки своих доходов, — иначе, несмотря на всю финансовую мощь «Треугольника», капиталисты устремились бы со всех сторон в резиновое производство.

[1] За 1890 г. отчет сделан за 9 месяцев, а потому взяты данные 1891 г.

Интересно выяснить, какие же дивиденды получали главные пайщики.

	Краузкопф	Шмидт	Кирштейн
1870 г.	133 200 руб.	90 000 руб.	70 650 руб.
	(296 паев)	(200 паев)	(157 паев)
1895 г.	468 420 руб.	328 560 руб.	261 220 руб.
	(1 266 паев)	(888 паев)	(706 паев)

Трое владельцев получили в 1895 г. больше двух третей годовой зарплаты всех рабочих и служащих, вместе взятых (зарплата составляла 1 481 677 руб.).

Через каждые два-три года к пайщикам целиком возвращались средства, вложенные в «дело».

Но это не все.

Главные пайщики придумали такую механику, что и паи начали получать даром. Делалось это так: из валовой выручки за год владельцы отчисляли часть доходов в «резервный капитал». Потом добивались в министерстве финансов разрешения увеличить паевой капитал на определенное количество паев и расписывали соответствующие суммы резервного капитала как якобы вновь внесенные паи — на главных пайщиков. Это был замаскированный способ дополнительного раздела прибылей.

Следовательно, дивиденды пайщиков были фактически намного выше тех, которые показывались в отчетах. Таким путем пайщики в 1869/70 г. бесплатно и негласно распределили между собой 360 паев (т. е. 360 тыс. руб.), кроме дивиденда по 330 руб. на пай. То же проделали пайщики в 1880/81 г., распределив паев на полмиллиона рублей. В 1884/85 г. они уже распределили таких паев на миллион, в 1904 г. — на полтора миллиона и в 1908 г. — на целых три миллиона.

И тем не менее резервный капитал все рос и рос: в 1861/62 г. он по первому отчислению из прибылей составил 7700 руб., а в 1900 г. превысил уже 7 млн. руб.

Капитал неизменно рос, несмотря на то, что пайщики выкраивали себе из него миллионные «подарки».

Фокус с резервным капиталом, а затем и со «специальным резервным капиталом» (введен в баланс с 1886 г.) был придуман для того, чтобы отвести от истинных прибылей глаза даже тех немногих лиц, которые имели право заглядывать в отчетные книги, — налоговой инспекции.

Но и это не все. Директора и управляющие «Треугольника» получали еще тантьему — проценты с прибылей предприятия (от $1^1/_2$ до $2^1/_2$%). В 1884/85 г., например, директора получили тантьемы 214 016 руб., в то время как всей зарплаты за этот год рабочим и служащим было выплачено 417 тыс. руб.

К началу XX в. владельцы «Треугольника» выдвинулись в первый десяток «русских» миллионеров: в 1895 г. Краузкопфы имели паев «Треугольника» на 1 млн. 600 тыс. руб., земляки и компаньоны Краузкопфа — Шмидты держали в руках 1 млн. 700 тыс. руб. паевых, а семейству Кирштейнов нехватало до миллиона самые пустяки.

Но эти бумажки обладали чудесным свойством: за каждые два-три года удваивать богатство владельцев. И к 1908 г. не только Кирштейн, но и бывший бухгалтер Утеман, купец Нейшеллер и принятый в пайщики в 80-х годах голландец фан дер-Пальс также становятся миллионерами...

В XX в. «Треугольник» представлял собой уже гигантское капиталистическое предприятие — одно из самых крупных предприятий резиновой промышленности мира.

На волне промышленного подъема 90-х годов в России возник и вырос целый ряд новых резиновых предприятий: «Проводник», Фрейзингер и Мюндель — в Риге, «Богатырь» и Вейербуш — в Москве. Некоторые из них — «Проводник», «Богатырь» и фабрика Фрейзингер — в XX в. также выросли в крупные капиталистические предприятия. В силу этого «Треугольнику» в этот период пришлось уже в упорных боях отстаивать позиции, занятые в пореформенное сорока-

летие (1861 — 1900 гг.). Борьба за русский рынок развертывалась со всей остротой. Экспорт галош «Треугольника» в XX в. несколько снизился: ряд галошных фирм Европы и Америки шаг за шагом вытесняли его с мирового галошного рынка.

Однако и в эпоху империализма «Треугольник» неуклонно продолжал расти и расширяться. Он душил русских конкурентов и очень скоро вынудил их вступить с ним в соглашение. «Треугольник», «Проводник» и Фрейзингер образовали синдикат (1907 — 1912 гг.): установили отпускные цены для своей продукции и полюбовно поделили весь русский галошный рынок между собой.

Производство галош на «Треугольнике» в новую эпоху росло так:

Годы	Количество пар	Годы	Количество пар
1900	10 524 245	1907	15 668 901
1902	12 624 558	1909	17 357 951
1905	14 040 011	1912	19 228 476

За 12 лет производство галош «Треугольника» удвоилось. Количество рабочих возросло за эти годы с 5114 в 1900 г. до 6703 в 1905 г. и до 10 577 в 1913 г.

«Треугольник», это гигантское предприятие, и в новую эпоху, в XX в., по существу сохранил за собой монопольное положение на русском рынке (в резиновом синдикате он играл руководящую роль).

В самом начале XX в. вся русская промышленность была потрясена глубоким и затяжным промышленным кризисом.

Промышленные кризисы находили выражение на «Треугольнике» в замедленном приросте продукции, а за отдельные годы — в ее падении, в сильном колебании и сокращении прибылей и дивидендов, в изменении ассортимента изделий мануфактуры. Однако и в периоды кризисов «Треугольник» больших потрясений не испытывал.

Вот прибыли «Треугольника» в 900-е годы:

1900 г.	2 923 838 руб.	1904 г.	3 908 754 руб.
1901 »	3 796 248 »	1905 »	5 169 536 »
1902 »	4 941 706 »	1906 »	5 045 795 »
1903 »	3 990 438 »	1909 »	7 868 705 »

Шесть с половиной тысяч рабочих и работниц, получив за 1905 г. вместе со служащими 2,5 млн. руб. заработной платы, дали 5,2 млн. руб. чистой прибыли! Это в условиях революционной борьбы треугольниковских рабочих, в условиях стачечного движения на заводе!

Завод «Треугольник» к XX в. разросся до гигантских размеров — протяжением по Обводному каналу на две с половиной трамвайных остановки (километр), с бесчисленными корпусами вглубь дворов. В этих корпусах топилось 50 мощных котлов, было в ходу 46 паровых машин в 6,5 тыс. лош. сил, вращалось 330 прокатных станов, 45 каландров; 22 подъемных машины перебрасывали сырье и готовые изделия из этажа в этаж.

Только в главных залах, где рождались галоши, все делалось руками. Механизация туда не проникала.

Но колоссальный, слаженный механизм эксплоатации вовсе и не требовал этого...

За пятьдесят лет (1860—1909 гг.) существования «Треугольник» изготовил: 282 млн. пар галош на сумму в 449 млн. руб., а всех изделий (с техникой) — свыше чем на полмиллиарда рублей.

Паевой капитал товарищества к 1909 г. разросся до 18 млн. руб. и резервный — до 15 млн. Земля, строения и оборудование расценивались в 16 млн. руб.

Прибылей за полвека товарищество получило больше 94,5 млн. руб., и пайщики поделили 51 млн. руб. дивиденда.

Монопольное положение «Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры» обеспечивало ему огромные сверхприбыли.

Вид Старо-Петергофского проспекта (ныне проспект имени II. II. Газа) близъ завода «Треугольникъ» в начале 1900-х годов.

Сверхприбыли, в свою очередь, позволяли ему накоплять громадные резервы, маневрировать ценами, устраняя конкурентов, позволяли выгодно заготовлять большие партии каучука в периоды низких цен на мировом рынке, позволяли применять технические достижения Европы и Америки. Сверхприбыли позволяли прикармливать и развращать подачками служащих и верхушку рабочих, из которых вымуштровывался надежный, разветвленный низовой аппарат для жестокой эксплоатации массы работниц и рабочих.

В реакционной газете «Новое время» какой-то писака, обвороженный миллионами «Треугольника», сказал, что «Треугольник» изготовляет «галоши счастья».

Как же работал этот ненасытный механизм по получению прибылей? И как жили те, чьими руками делались эти, вызывавшие зависть, «галоши счастья»?..

«Галоши счастья»... Какая отвратительная шутка!

„Галоши счастья“

Рабочая сила была ничтожной, грошевой «статьей расхода» в производстве «Треугольника».

«Освобожденные» от земли и разоренные поборами мужики, городская беднота — женщины и подростки — толпами скапливались ежедневно у ворот «Резиновой мануфактуры».

«На работу брал директор Гейзе. Жил он в доме по Старо-Петергофскому, занимал особняк с садом. Начиная от его дома до заводских ворот, люди шли и встречали его без шапок. А он шел, курил сигару, медленно и не торопясь, ничего не отвечая.

Набор происходил два раза в неделю — в понедельник и в четверг. Выстроит директор людей вдоль панели и ходит, выбирает, как мясник в стаде скот, тех, кто крепче сложен, больше ростом, покорный, почтительный в вопросах, а за ним сзади — телохранитель, старший отметчик Франц, по прозвищу «Дьяволе». Франц — немец, очень плохо говорил по-русски, а только кричал: «Сюда, дьяволе, туда, дьяволе». Гейзе даст записку, а «Дьяволе» отправляет в проходную, и там мастера проводят сортировку.

Гейзе давал право конторе брать рабочих и по запискам мастеров. Мастера, конечно, брали взятки за устройство

на работу. Случалось, что какой-нибудь мужик, приехавший из деревни, ходит без шапки неделями, встречая мастера утром и вечером и добиваясь работы. И шапку не смеет одеть, пока не позволят...

Вновь поступившие рабочие обязательно должны были угостить своих старших, и если поступали в артель, то целый год должны были работать, чтобы получать зарплату наравне с другими».

Так описывает Филипп Васильев, поступивший на «Треугольник» в 1888 г., картину набора новых рабочих. [1]

Так было заведено с первых дней, и такой порядок держался более сорока лет.

Самый прием на фабрику обставлялся как милость и благодеяние со стороны директора, мастера или тех, кто «рекомендовал» новичка на работу.

Рекомендации давали люди «солидные»: поп Леонид из церкви «великомученицы Екатерины», офицеры, генералы. Многих принимали по просьбам самих рабочих и работниц — родственников рабочих: жену, мужа, брата, сестру, племянников. Однако таких родственников брали только в том случае, если работавший не был ни в чем «замечен», особенно по части «политики». И если после этого кто-нибудь из семьи совершал какой-либо проступок — рассчитывали всю семью сразу. Эта круговая порука служила надежной гарантией для хозяев; родственники сами следили друг за другом.

«Городских рабочих, — рассказывает Филипп Васильев, — старый «Треугольник» не любил и считал их народом испорченным. Рабочие были из губерний — Тверской, Псковской, Смоленской и Новгородской... Техническая мастерская — тут рабочие были тверяки и большинство «васильевские» — есть такое село в б. Тверской губернии. Васильевские счи-

[1] Филипп Васильевич Васильев работает и в настоящее время на «Красном треугольнике».

«Освобожденные» от земли, разоренные поборами крестьяне вместе с семьями бежали в города «искать счастья» (иллюстрация из французского журнала)

тали резиновую фабрику «своей» и гнездились на ней целыми семьями... Эти рабочие благоговели перед хозяином».

Принимали на фабрику также детей — и мальчиков, и девочек. Гонимые нуждой, родители подделывали документы, приписывали лета, и были рады, когда удавалось умолить мастера или мастерицу принять дочку в мастерскую.

Лизе Волковой было 11 лет, но 3 года ей приписали — паспортист взял за это пятерку. Вера Жукова — она и сейчас работает на заводе — поступила на «Резиновую» 9 лет. Таких малюток принимали немного, но детей 12—15 лет брали сплошь и рядом, и их ставили на тяжелые работы наравне с взрослыми. Столы были высокие, и детям устраивали подставки.

Администрация смотрела сквозь пальцы на подчищенные метрики — это была тоже «милость» с ее стороны: ведь могли на работу и не принять...

Рабочий день был для всех одинаков, как для взрослых, так и для детей: двенадцать часов. [1]

Начинали работать в шесть утра, кончали — в семь вечера, час отводился на обед. Так считалось официально,— на самом деле продолжительность рабочего дня была не меньше тринадцати и четырнадцати часов, так как уборку и чистку станков и рабочего места, получение материалов и т. д. рабочие должны были делать в неурочное время. Галошницы, например, являлись к воротам фабрики за полтора—два часа до начала работы, чтобы занять очередь и попасть на фабрику раньше других.

Как только открывали проходную, за 15 минут до работы, начиналась дикая давка, — каждая спешила скорее прибежать в мастерскую и получить раньше других клей, чтобы успеть склеить лишнюю пару галош и заработать лишние 2-3 копейки. В этой давке были нередко даже увечья. «За 15 минут до начала работы выходил из конторы

---

[1] До закона 1897 г., после — $11^1/_2$ часов.

Франц-«Дьяволе» и приказывал сторожу: «Пускай»... Сам становился наблюдать. И вот одна работница споткнулась, несчастная, и упала. Остановить работниц не было возможности, задние напирали сплошной стеной. Встать она не могла. За нее запинались другие и тоже падали. Работницы закричали: «Остановитесь!» Но задние не слышали, а кто слышал — думали, что это просто шутка. А Франц-«Дьяволе» кричал: «Чорт, дьяволы... Бифштекс делаете!» Он мог бы остановить движение, но только посмеивался. А работница была беременна. Кое-как товарки подняли ее и свели в аптеку. Она пролежала там без помощи до 9 часов. Потом мы узнали, что ее отправили в больницу, и там она разрешилась мертвым мальчиком» (воспоминания Е. Волковой).

Администрация систематически назначала так же сверхурочные работы. «Обстоятельства заставляют нас выделывать в течение некоторого времени свыше 48 тыс. пар галош в день, что достигается за счет перегрузки рабочих и машин и заставляет думать о введении на продолжительный срок сверхурочных и ночных работ» (отчет дирекции за 1900 г.).

Рабочие были вынуждены работать и сверхурочно, причем оплата сверхурочных часов была обычной. Отказываться было нельзя. «Ночь загоняла на фабрику и ночь выгоняла с фабрики» — вспоминает один из стариков.

Основную массу работающих на фабрике составляли всегда женщины. Женский труд применялся и в некоторых технических мастерских, а на клейке галош стояли исключительно женщины. Галошниц было больше половины всех работающих на «Треугольнике» (в 1909 г., например, 4104 женщины из 7818 рабочих фабрики).

Мужчин в галошном отделе работало немного — закройщики, лакировщики, бракеры и на вспомогательных и подготовительных работах. Все мужчины оплачивались лучше женщин.

Вот справка из выплатных книг того времени:

Годы	Галошницы	Закройщики	Лакировщики
1895—1897	64 коп.	1 руб. 25 коп.	1 руб. 55 коп.
1901—1903	74 »	1 » 75 »	2 » 53 »
1907—1909	86 »	1 » 77 »	2 » 37 »
1913	79 »	1 » 71 »	2 » 36 »

Хозяева «Треугольника» строили свою политику эксплоатации рабочих по принципу: «разделяй и властвуй». Разделяли прежде всего оплату труда мужского и женского, выплачивая лакировщикам в три, а закройщикам в два раза больше против галошниц. Даже вспомогательные, то есть неквалифицированные рабочие, сторожа и дворники, получали на 20—30 коп. в день выше, чем зарабатывали высококвалифицированные галошницы. Если проследить заработки по годам, то оказывается, что в период нарастания революционного движения перед 1905 г. заработок мужчин повышается: у закройщиков на 50 коп., у лакировщиков — на 98 коп. То же и в других отделах, — везде заработок мужчин за эти годы вырастает, но оплата галошниц остается прежней.

Заработок галошниц за 15 лет увеличился на 15 коп., но покупательная сила рубля за эти годы упала настолько, что реально галошницы получали перед войной меньше, чем в конце XIX в.

Разделение мужчин-рабочих и женщин-работниц поддерживалось и другими способами. Например, все галошницы работали на сдельщине. Между тем большинство мужчин имело поденную оплату. Сдельщина в руках капиталистов была сильнейшим орудием повышения интенсивности труда и эксплоатации рабочих, и это орудие капиталисты направляли в первую очередь против женской массы.

Так, в 1871 г. на фабрике работали 296 мужчин, из них 199 на поденной оплате и только — 97 чел. на сдельщине (33%).

А из 401 женщин сдельно оплачивались 345 чел. (86%).

В 1900 г. еще более резкое разграничение:

Из 2483 мужчин на поденной оплате состояло 1725 чел., на сдельной — 758 чел. (31%).

Из 2631 женщины, на поденщине находилось 249 чел., а на сдельной — 2382 чел. (91%).

Покупали женский труд в два-три раза дешевле мужского, эксплоатировали сильнее.

Галошница!.. Образ старой треугольниковской галошницы уже стирается из памяти.

...Вот она, галошница, прорвавшись в давке на завод, пришла в мастерскую. У входа ее ждет мастер. Она, запыхавшись от быстрого бега, должна сперва помолиться на большую икону (иконы были во всех мастерских, цехах и конторах), потом чинно поклониться мастеру:

— Здравствуйте, Оскар Матвеевич.[1]

После этого работница хватала со своего стола банку и бежала за клеем, за материалами. Надо было везде поспеть раньше других, — каждая минута была дорога.

К началу работы мастер занимал место в середине мастерской, на возвышении. Там стояла конторка мастера, и он видел все, что делала каждая работница.

Галошница одна клеила всю галошу целиком. Никакого разделения труда не было. Двенадцать и больше часов галошница стояла перед высоким и узким, как верстак, столом, ворочая в руках тяжелую чугунную колодку (в десять — двенадцать фунтов весом). Она быстрыми движениями накладывала на колодку подкладку — байку, миткаль или трикотаж. Клеила «верх», потом клала на клею стельку, задник, шпору, бордюры. Колодка непрерывно перекатывалась в руках работницы — то она была на весу, то на столе, то у груди.

---

[1] О. М. Коткас — галошный мастер.

Склеена галоша. Работница ловко остригает ножницами заусеницы, кромки. Накладывает подошву и, навалившись изо всей силы, прикатывает подошву роликом. Галоша сделана, ее, вместе с колодкой, подхватывают на тележку, увозят в печь для вулканизации, а работница, хватая все новые и новые колодки, клеит, не останавливаясь, галошу за галошей. Из банки с клеем непрерывно испаряется бензин, — работница дышит бензином с утра до вечера, 12 часов. Час работы приносил галошнице 5—6 копеек...

В мастерской с каждым часом становилось все жарче. Вентиляции не было. Окна закрывались наглухо и зимой и летом, чтобы не налетала с улицы пыль и не портила лак на галошах.

Не обходилось дня без обмороков среди работниц.

К упавшей в обморок галошнице спускался от своей конторки мастер. Давал бумажку — разрешение сходить в амбулаторию понюхать нашатырного спирту.

Был в мастерских перерыв на обед. «Обед» — одно только название: «возьмешь с собой хлеба, да кипяток бесплатный, вот весь и обед» — вспоминают старые работницы.

Сидеть за работой не полагалось. Галошницы страдали отеками ног. От постоянного прижимания к груди тяжелых чугунных колодок — груди у женщин раздражались, болели, высыхали. Постоянное вдыхание бензиновых испарений отравляло легкие и нервную систему. Туберкулез и истерия были профессиональными болезнями галошниц. Многие девушки и женщины навсегда теряли способность стать матерями.

Бензин въедался в одежду, в поры тела. «На улицу выйдешь, воздухом тебя обдует, и ты точно пьяная идешь домой» — вспоминает Лиза Волкова. По тяжелому запаху галошницу узнавали на улице, отсаживались от нее в конке. Грудные дети не брали материнской груди. Лихорадочность движений переходила в привычку, часто на всю жизнь.

За все это галошницам дали невеселую, угнетающую кличку: «трясучки»...

Так делались «галоши счастья».

Работницы трепетали перед мастером.

«От робости перед мастером я переставала понимать, что он говорил» — пишет в воспоминаниях Е. Ф. Максель, начавшая работать на «Треугольнике» подростком. «Глупая я была от страха» — говорит другая старая работница, Вера Жукова.

Запугивание работниц было системой. Мастер подавлял волю, унижал личность работницы, чтобы затем распоряжаться ею как бессловесным рабом.

Мастера предпочитали неграмотных работниц грамотным, темных, отсталых предпочитали бойким и развитым.

Была у галошниц мастерица — мадам Провост, прозванная «Паровозом». Провост била работниц, хлестала по щекам, выталкивала из мастерской коленом, издевалась и обзывала работниц унизительными кличками.

Провост ничего не делала без взятки. Если работница, проработав на «Треугольнике» 15 лет, заикалась о том, что ей полагается награда (награды за 15 лет «беспорочной службы» были установлены администрацией официально), — Провост ей отвечала: «Ты ведь знаешь, где живет мадам». Работница должна была притти к мадам Провост на квартиру с подарком.

Взяток «Паровозу» носили так много, что она теряла им счет. И когда однажды работницы принесли ей горшок с маслом, а под масло насовали кала, — Провост, как ни бесилась, не сумела обнаружить виновниц.

Старые рабочие помнят мастера в техническом отделе Шпикермана, к которому темные «васильевские» рабочие ходили после работы убирать лошадей и конюшню. Мастеру Блетнеру вальцовщики чистили обувь и убирали комнаты. Плюгер, из слесарной, жил в Лигове — ходили и к нему в Лигово: наводить чистоту вокруг дачи.

Мастеру Нефедову «на печах» полагалось дарить кур и гусей, а к именинам — костюм.

Мало того. Женщин и девушек-работниц мастера преследовали циничными домогательствами, понуждали к сожительству. И многие, не выдержав неравной борьбы, сдавались. Недавно умершая работница Варя Егорова вспоминала, что некоторые работницы старались получше одеваться, чтобы понравиться мастерам.

Вот работница пофлиртовала с мастером Бекманом, «мирским бычком», как его прозвали на фабрике, — и мастер перевел ее с больших номеров галош (самая тяжелая работа) на малые номера. Вот другая бегала на ночь к технику Деренбаху — и она уже надсмотрщица.

Но как только обнаруживалось, что незамужняя работница забеременела, ее немедленно рассчитывали за «безнравственность».

Незадолго перед революцией 1905 г. на фабрике был введен медицинский осмотр принимаемых «от ворот», то есть без протекции. Осмотр на деле превращался в гнусные оскорбления и издевательства над личностью женщин и девушек.

Непокорных мастера беспощадно штрафовали, придираясь к каждому пустяку.

«Каждый рабочий на заводе обязан вести себя смирно и нравственно во все рабочее время, — говорилось в заводских правилах. — Нарушитель порядка штрафуется от 25 коп. до 1 руб.».

«Небрежность в работе и неповиновение штрафуются денежным штрафом, который может простираться до недельного заработка».

«Правила» отдавали рабочего на полный произвол мастера: вел себя «безнравственно» — и дело кончено, мастер штрафовал, а то и выгонял с фабрики. Когда мастер давал расчет — жаловаться было бесполезно. Авторитет мастера хозяева держали незыблемо.

Штрафные суммы на «Треугольнике» использовались в «воспитательных» целях: из штрафных денег демонстративно награждали «покорных» за беспорочную службу. Из штрафных же поборов создавался фонд для «вспомоществования больным рабочим хорошего поведения и на лекарство» (из правил внутреннего распорядка 1871 г.). И тут проявлялась все та же политика «разделяй и властвуй»: «строптивых» рабочих обирали в пользу покорных, стремясь посеять между рабочими вражду.

В 1870 г. на «Треугольнике» было 725 рабочих. Штрафных сумм за год с них взыскали 3077 руб. 96 коп., т. е. по 4 руб. 25 коп. с каждого на круг. Из этих денег, судя по отчету правления, «израсходовали на уход за больными рабочими, на лекарство и питание, на содержание фельдшера, на подарки к свадьбам, на похороны и на всякие церковные церемонии — 1041 руб. 96 коп. Заслуженные наградные рабочим — 2033 руб. 46 коп.».

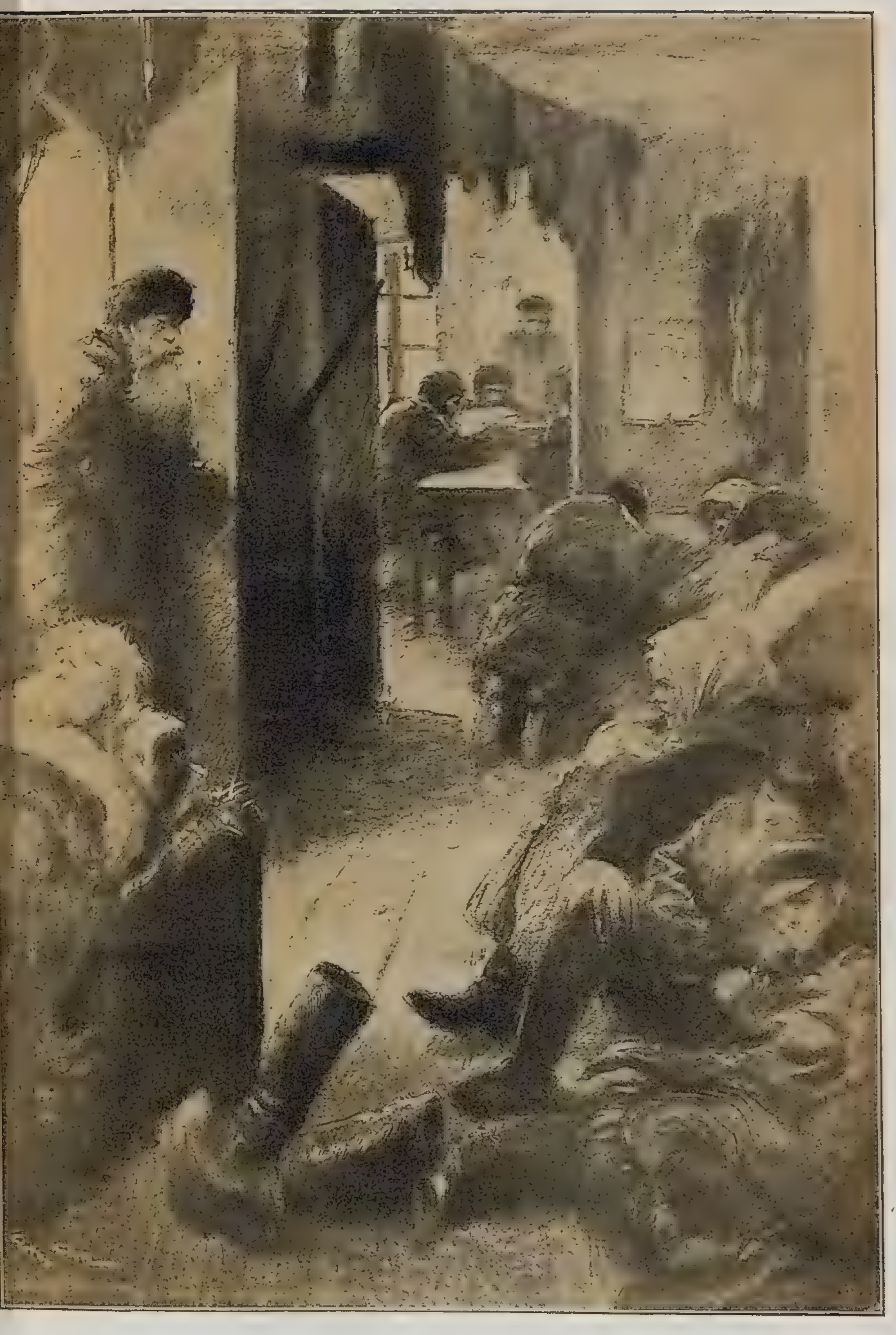
За 1891—1906 гг. штрафных сумм было собрано 112 тыс. руб., и т. д.

Безудержная эксплоатация на «Треугольнике» сопровождалась преждевременной потерей рабочими и работницами здоровья от ядовитых паров бензина, от вредности производства.

Но на медицинскую помощь хозяева не тратились. Лекаря с лекарствами на фабрике содержались в значительной части за счет штрафных сумм, то есть за счет самих рабочих.

Медицинская помощь была поставлена отвратительно и превращалась зачастую в издевательство над рабочими и работницами.

«Часто болели руки от колодок, — рассказывает Е. Волкова, — пойдешь в аптеку, скажешь, что руки ломит, а тебе ответят: замуж выйдешь — еще не так больно будет... Стыдно станет, уйдешь с чем пришла. Это говорил девочкам старший фельдшер Сергей Иванович».

Квартира для рабочей бедноты в Петербурге (иллюстрация из французского журнала)

Расходы на врачебную и больничную помощь на одного рабочего в год составляли в 1873 г. всего 1 руб. 12 коп., меньше гривенника в месяц.

Большую часть лекарств рабочие вынуждены были покупать за свой счет

Напуганные революцией 1905 г., хозяева «Треугольника» сделали уступку рабочим, предоставив им, а также их женам и детям, право пользоваться бесплатными медикаментами (из городских аптек — за счет завода). В этот же период рабочие «Треугольника» добились отпусков по болезни (в пределах двух недель). Отпуска разрешал фабричный доктор Ламанн. Ламанн сам был пайщиком товарищества и, конечно, своим правом не злоупотреблял. Но едва лишь первая русская революция потерпела поражение, как сразу же на «Треугольнике», по выражению самого правления, «решили натянуть удила». Кончились и отпуска по болезни. Тут даже Ламанн, который всюду твердил, что «рабочие питают ничем необъяснимую любовь к лекарствам», — даже этот акционер в медицинском халате решил поднять «трезвый голос».

Он подал в правление докладную записку, в которой обращал «внимание администрации на свирепствующий на заводе туберкулез», «на несчастных больных», которые «при режиме сегодняшнего дня обречены на гибель». Он рискнул даже «сдерзить»: «и минимальная благотворительность правления, — писал Ламанн, — не идет рабочим навстречу».

В правлении рассмотрели жалобу доктора Ламанна, в частности о том, что «ему, Ламанну, как врачу, даже отказывают в праве судить о работоспособности больного». Постановили: «поручить г-ну Гейзе разъяснить д-ру Ламанну, что судить о болезненном состоянии больного он может, но давать продление бюллетеня без заведующего права не имеет». (Протокол правления 28 июня 1906 г.)

«Без заведующего» Ламану разрешили освобождать рабочих от выхода на работу только в пределах трех дней.

Несколько паев, сунутых Ламану, вполне удовлетворили его. Во всяком случае «либеральных» докладных записок он уже больше в правление не подавал. Наоборот, в том же 1906 г. Ламан уже подсчитал, что из 7 тыс. рабочих половина потребляет лекарства и что это грозит заводу годовым расходом в 35 тыс. руб.

Правление забеспокоилось, заговорили о «засилье еврейских врачей и аптекарей Петербурга», которые-де прописывают рабочим, за счет завода, дорогие и многочисленные лекарства. Но дело, конечно, было не в «еврейских врачах». Этой черносотенной демагогией капиталисты лишь прикрывали наступление на рабочих «Треугольника».

Дело в том, что некоторые врачи и аптекари не хотели брать взяток и пичкать больных рабочих чем попало, как требовало от них правление завода. Это и взбесило заправил «Треугольника».

Решили отказаться от услуг петербургских аптек: в 1907 г. из Америки выписали большую партию общеупотребительных лекарств в стандартных дозах — таблетках. Это чрезвычайно упростило «лечебное дело». Доктор Ламан или фельдшер, взглянув на вошедшую больную работницу, не поднимаясь со стула, кричали уборщице:

— Маланья! Дай ей таких-то лепешек...

Среди рабочих началось возмущение. Лепешки отказывались брать.

Тогда, осенью 1908 г., при «Треугольнике» открыли свою аптеку. «Но, — заявили рабочим, — патентованных средств и минеральных вод аптека отпускать не будет, так как это вопросы роскоши».

До нас дошли официальные книги учета несчастных случаев на «Треугольнике». За трехлетие — 1910, 1911 и

1912 гг. — значится по книгам 523 несчастных случая. Каждый из пострадавших рабочих в среднем не выходил на работу 19 дней. Это означает, что регистрировались лишь серьезные повреждения.

Вот регистрация основных групп увечий:

Ушибы — 217 случаев; не выходили на работу больше 15 дней — 60 чел.

Ушибленные раны — 41 случай; не выходили на работу больше месяца 17 чел.

Ранения — 140 случаев; не выходили на работу больше 11 дней 64 чел.

Ампутации и отрывы — 25 случаев; не выходили на работу больше месяца 18 чел.

Переломы, вывихи и раздробления — 22 случая; не выходили на работу больше 15 дней — 15 чел.

Занозы — 20 случаев; не выходили на работу больше 15 дней — 6 чел.

Преобладают, как видим, тяжелые случаи с потерей работоспособности на 10 и более дней.

Из 523 пострадавших не выходили на работу больше месяца 93 чел., от 16 дней до месяца — 74 чел., по графе «не указавших числа дней болезни» — значится 51 потерпевший.

Какая доля правды в этих цифрах, во сколько раз их надо увеличить, чтобы восстановить истинную картину, — мы не знаем.

Смертельных случаев в статистике нет совершенно, — не скрываются ли они в графе «не указавших числа дней болезни»?.. А смертельных случаев, по воспоминаниям старых рабочих, было не мало, — жертв лютой жестокости и ненасытных прибылей.

Нет в статистике и пострадавших от отравлений. А отравления, хотя они и проявлялись часто в форме непродол-

*

жительных обмороков, носили массовый характер и были настоящим бичом галошниц.

Лживость статистики заболеваний вскрывается простым сличением ее с протоколами правления. Так, 12 января 1904 г. записано, что г-н Пикель (из дирекции) договорился с фабричным инспектором С. П. Чижовым протоколировать «*лишь самые тяжелые увечья*». Фабричный инспектор Чижов был обязан, по закону, учитывать все несчастные случаи и содействовать рабочим в получении с хозяев компенсации за потерянные дни. На упомянутом заседании правления 12 января фабричный инспектор Чижов, как видно из протокола, присутствовал лично... Совершенно ясно, что его купили и что он защищал *хозяев от рабочих*.

Один из параграфов «правил внутреннего распорядка», установленных еще в 1871 г. и существовавших без перемен до 1903 г., гласил:

«*В случае, если рабочий по собственной неосторожности подвергается ушибам или увечью, за таковые товарищество не отвечает*».

Каждый несчастный случай и старались подвести под «собственную неосторожность», обходя даже те куцые законы об увечьях, которые были изданы. И рабочему трудно, а чаще всего и невозможно было доказать, что виноваты хозяева: в распоряжении правления были опытные адвокаты, подкупленная полиция, а позднее — фабричные инспектора, — кому же было жаловаться?

В журналах правления пестрят такие записи:

«На второй фабрике[1] Юрий Черницкий при переносе железной полосы $2^1/_2$ арш. длиной упал с лестницы. Перелом левой руки, сотрясение мозга, возможен перелом черепа. Постановили: принять к сведению» (1902 г.). И все.

---

[1] Старое здание (основные корпуса) называлось первой фабрикой; выстроенное в начале 900-х годов здание за речкой Таракановкой, ныне засыпанной, называлось второй фабрикой, и новое здание, пристроенное незадолго до войны к первой фабрике, называлось третьей фабрикой.

Кузница фабрики «Треугольник» (900-е годы).

«В субботу 6 марта (1904 г.) рабочий Нил Яхлаков, работавший на сушильной машине, убит, очевидно, благодаря *собственной неосторожности*». (Протокол 8 марта.)

«Рабочий Никита Романов со второй фабрики 17 числа попал обеими руками в машину, причем на левой ему оторвало указательный палец, а на правой — указательный, средний и большой, и эту руку, вероятно, вообще придется ампутировать. И до и после этого случая машина была в полном порядке, и только *неосторожность самого рабочего* могла быть причиной несчастья». (Протокол 18 марта 1904 г.)

«Рабочий Петр Васильев, № 2913, по *собственной неосторожности* искалечил правую руку». (Протокол 7 августа 1905 г.)

Абель Залкинд получил повреждение, причем «никого не обвиняет и претензий не имеет». (Протокол правления 13 августа 1902 г.)

Когда составляли акт о несчастном случае, то этого прежде всего и добивались, — чтобы рабочий сам заявил, что он «никого не обвиняет и претензий не имеет». Вырвать у рабочего подпись «без претензий» для администрации не составляло труда. Ссора с хозяевами ни к чему хорошему не приводила, а тягаться рабочему с ними было безнадежно. Свидетелей — и тех пострадавший не всегда мог собрать: рабочие-очевидцы не часто решались выступать против мастеров и администрации. А претензиям пострадавших, если не было свидетелей, суд не придавал никакой силы. Вот примеры царского «правосудия»:

«Суд *отказал* в иске за увечья на 2000 руб. Егору Фадееву». (Протокол правления 17 ноября 1902 г.)

«Подавал в суд иск за увечье на 3600 руб. Парамон Логинов — *отказано*». (1 августа 1902 г.)

«Решен протест бывшего рабочего Арсения Скворцова об увечье — *в нашу пользу*». (Протокол правления 29 марта 1906 г.) И так далее — без конца.

Во всех этих исковых случаях бросается в глаза отсутствие истиц из среды работниц-женщин. Тягаться с администрацией пробовали только отдельные смельчаки-рабочие, главным образом из цехов механизированных — металлисты и другие, а работницы на это не решались. Тяжелые увечья на работе у галошниц бывали редко, — галоша делалась без всяких механизмов, весь инструмент галошницы состоял из колодки, ролика, ножниц и банки с клеем. Но женщины, работавшие в технических мастерских, на подноске материалов, на перекатке вагонеток и т. д., — как и мужчины, — подвергались травматизму и увечьям, однако и они не осмеливались судиться.

За дни невыходов на работу после несчастных случаев администрация рассчитывала рабочих по поденному заработку. Женщины и тут получали вдвое-втрое меньше мужчин. Женское бесправие сказывалось во всем.

Вот цифры (за 1910—1912 гг.):

При ушибах за 14—15 дней вынужденного прогула выплачивали: мужчине — 13 руб. 41 коп., женщине — 5 руб. 51 коп.

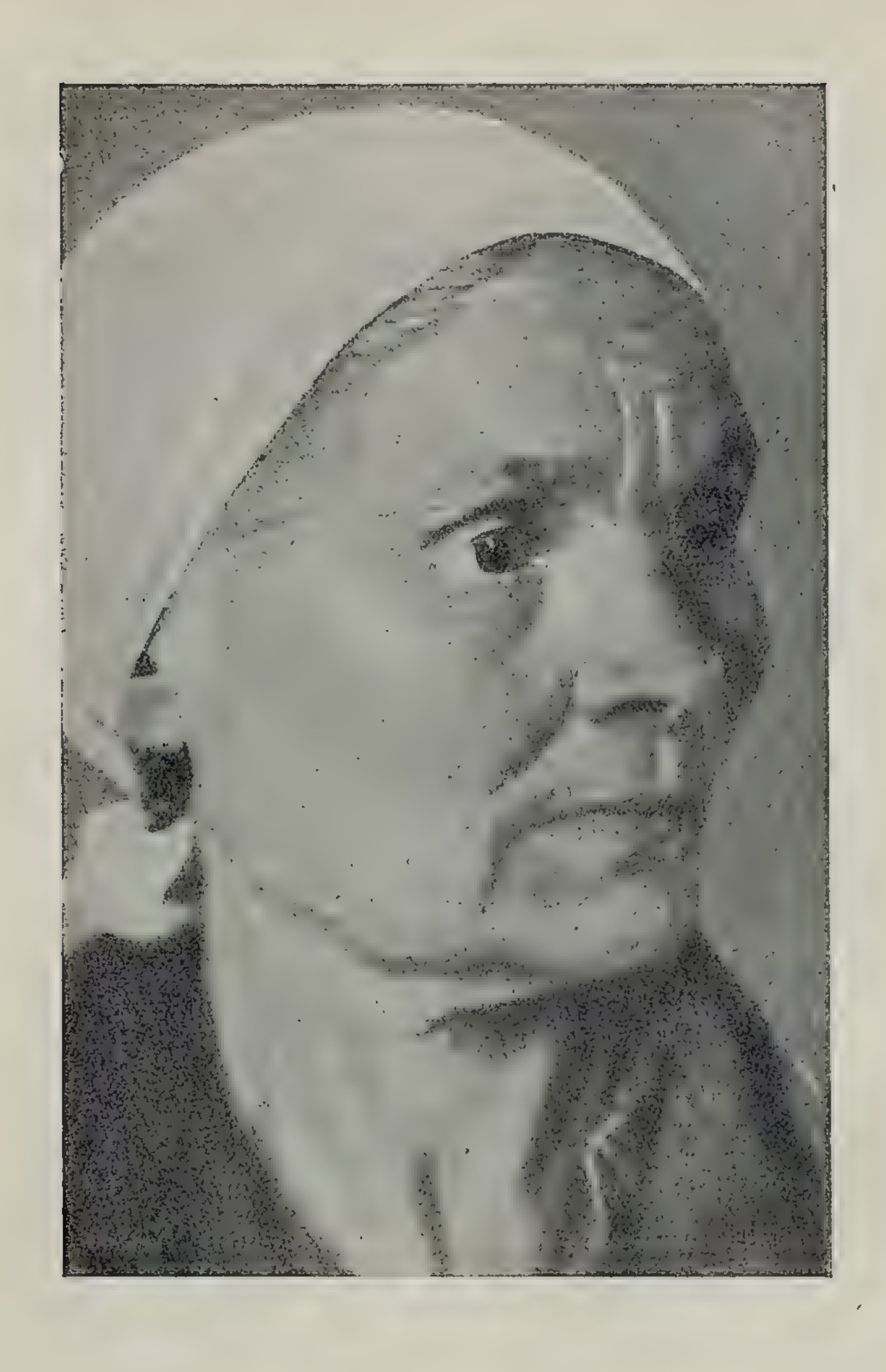
При отрывах (на поправку требовалось в среднем 44 дня) мужчине платили — 26 руб. 52 коп., женщине — 11 руб.

При занозах (в среднем за 13 дней): мужчине — 13 руб. 23 коп., женщине — 5 руб. 43 коп.

Пострадавшие работницы и рабочие старались выйти на завод при первой же возможности, неволили себя, надрывались, недолечивались...

Несчастный случай приносил, кроме физического мучения, еще большее несчастье — потерю заработка. Оплачивали дни невыхода на работу далеко не всем. Из 682 чел., пострадавших за 1895 — 1899 гг., 218 не получили ни копейки; из 457 чел., изувеченных в 1913 году, не получили ничего — 132 чел.

При потере работоспособности на полдня, день, два дня — вообще никому не платили. Такие случаи, как и многие

Старейшая работница 1-го галошного цеха Геворилия Егоровна Сосунова, работала на заводе с 1889 года. Сейчас на пенсии.

более серьезные, даже не регистрировались: с 1910 по 1913 гг. не внесено в книги ни одного случая с невыходом на работу меньше двух дней.

Большинство наших молодых рабочих и работниц даже не подозревают о том, что в царской России рабочие не имели отпусков. А ведь так было и на «Треугольнике», и на всех других предприятиях.

В наше время, когда беременные работницы получают обязательный четырехмесячный отпуск, — невероятным и неправдоподобным кажется положение беременных работниц до революции. Они не имели никаких законных отпусков ни до родов, ни после родов. Отпускать их приходилось, но оплаты отпуска не было.

И бывали случаи, что рожали на фабрике.

М. Александров, поступивший на «Резиновую мануфактуру» в 1900 г.,[1] когда ему было 14 лет, рассказывает: «Я был однажды невольным свидетелем, как одна работница из отделения галош, плача, стояла на коленях в конторке мастера и просила отпустить ее на роды. Вместо ответа, мастер повернулся на стуле и так толкнул ее ногой в живот, что она, пролежав несколько минут, родила тут же, в конторке».

Бывали случаи родов в проходной конторе.

Работницы были почти поголовно неграмотные, запуганные и забитые, изможденные непосильным трудом при нищенской оплате, окруженные всегда и всюду хозяйскими прислужниками и подхалимами-доносчиками. В среде их прочно гнездились религиозные предрассудки. Не мало из них заливало царским вином свою незадачливую долю.

---

[1] М. Александров работал на «Треугольнике» с 1900 по 1905 г., принимал участие в подпольной большевистской организации завода. Был сослан в 1910 г. в Сибирь. В настоящее время работает ответственным секретарем партколлегии комиссии партийного контроля на Забайкальской жел. дор. Как эти, так и приведенные в дальнейшем факты, со ссылкой на его имя, взяты из его воспоминаний.

В паре «галош счастья», как в капле воды, отражалась вся суть капиталистической эксплоатации и положение рабочих.

Если всю продукцию «Треугольника» перевести на галоши, то в 900-х гг.:

Фабричная себестоимость пары галош была равна	1 руб.	80 коп.
Продавали пару торговцам за	2 »	17 »
Прибыль капиталистов «Треугольника» на одной паре	—	37 »
Из этой прибыли пайщики получали в виде дивиденда	—	16 »
Господин Краузкопф лично с каждой пары галош имел	—	5 »
А галошница, выработавшая своими руками эту пару, получала	—	3 »

Молодые товарищи с «Красного треугольника»! Среди вас еще работает несколько сот галошниц, испытавших капиталистическую каторгу. Окружите их вниманием и теплой заботой. Поучитесь — на примере их жизни — ненавидеть капиталистическое рабство так, как ненавидят они, поучитесь у них стойкости в борьбе за построение социалистического общества.

КРОХИ С ГОСПОДСКОГО СТОЛА

В январе 1881 г. петербургский градоначальник секретной запиской донес министру внутренних дел:

«Между рабочими разных фабрик, преимущественно расположенных по Обводному каналу, — Новобумагопрядильной, *Резиновой мануфактуры* и на Путиловском заводе, а равно и на заводах Голубевском, Василеостровском, Патронном, Балтийском и др., *замечено сильное возбуждение по поводу дороговизны продуктов, квартир и в особенности по случаю увольнения рабочих и сбавки штучных работ. Слышится при этом соглашение о подаче прошений его императорскому величеству с жалобой на крайнюю нужду, некоторые же отдельные личности предлагают собраться всем ко дворцу государя императора и просить помощи*».

Подача прошения рабочими царю не состоялась, — полиция против этого «приняла соответствующие меры». Но самая попытка выступить коллективно показывает, что в рабочем классе, находившемся еще на низком уровне классового самосознания, уже зрел организованный социальный протест. И рабочие «Резиновой мануфактуры» оказываются в ряду зачинщиков этого выступления.

Такой протест не был конечно страшен капиталистам, но и одной этой попытки рабочих сорганизоваться было достаточно, чтобы хозяева «Резиновой мануфактуры» забеспокоились. 30 июля того же года Ф. Краузкопф, сын умершего основателя «Треугольника», проводит в правлении совещание по «рабочему вопросу».

В результате состоялось решение правления «о назначении пенсий прослужившим много лет рабочим». Пенсии постановили выплачивать не деньгами, а паями товарищества... «Таким образом, — мотивировало свой шаг правление, — мы вознаграждаем людей за их верную службу... а кроме того, *делая их участниками предприятия, мы заинтересовываем их в прибылях,* так что процветание Компании становится вопросом их личного благосостояния. Это особенно важно в наше смутное время, когда раньше или позже *социал-революционные партии будут делать попытки к науськиванию рабочих на работодателей. Заботясь о рабочих, мы приобретаем себе и сторонников среди них*».

Краузкопф выдвинул идею подкармливания и политического развращения верхушки рабочих. Эти подкармливаемые рабочие должны были, по мысли Краузкопфа, составить хозяйскую челядь, соглядатаев в массе рабочих.

До сих пор обходились без них. Но наступало «смутное время» — и Краузкопф спешил завербовать себе надежных сторонников из среды самих рабочих, создать «рабочих-пайщиков».

Капиталисты, удлиняя таким образом кнут для рабочей массы, тут же выбросили «пряник» верхушке рабочих.

Было решено:

«1) Закупить определенное число коек в больницах... для рабочих.

2) Исходя из неимения чем заполнить досуг рабочего в свободные праздничные дни и субботние вечера, — открыть читальный зал с библиотекой книг, главным образом, нравственного и религиозного содержания.

Лакировщики фабрики «Треугольник» (900-е годы).

3) Устроить род детского сада для детей рабочих, пригласив по нашему выбору учительницу для наблюдения.

4) Устроить во дворе фабрики ясли для совсем маленьких детей наших работниц на время их работы на фабрике...»

И тут же хозяева «Треугольника» повысили оплату всех служащих и технического персонала, — они были опорой хозяев в эксплоатации рабочих.

Им бросали от сверхприбылей крупные кости и жирные куски. И чем дальше, тем крупнее были подачки. Жалованье служащих было высоким и из года в год повышалось: в 1870/71 г. служащие получали в среднем по 98 руб., через тридцать лет, в 1900 г., уже по 199 руб., а в 1908 г. в среднем по 237 руб. в месяц.

Напомним, что галошница в лучшем случае получала 20—23 руб.

Особенно была выделена по оплате группа специалистов инженеров и техников.

Жалованье служащих (1913 г.)

	Колич. лиц	Средн. мес. зарплата
Центр. бухгалтерия, калькуляция, статистика	21	180 руб. 71 коп.
Технич. контора	35	338 » 57 »
Фабричн. бухг. — учетная контора	63	85 » 44 »
Галошная контора	33	148 » 63 »
Экспедиция склада	30	154 » 67 »

Что же мы видим? Рядовой конторский служащий (в учетной конторе) оплачивался вчетверо выше квалифицированной галошницы. А средний специалист (техническая контора) получал больше галошницы в 15 раз. Кроме того, служащие и технический персонал получали в широких размерах наградные за «успехи предприятия».

Таким образом верхушка служащих и техников была заинтересована в «делах» «Треугольника» и, конечно, рьяно старалась оправдать доверие хозяев.

Также в исключительном положении по оплате были мастера, мастерицы и подмастерья, — эти цеховые фельдфебели и унтера. При этом особенно выделялась группа иностранных мастеров.

Заработок мастеров

(Средний месячный заработок)

Годы	Количество	Средний заработок	Мастерицы: Количество	Мастерицы: Средний заработок
1900 . . .	42 русских . . .	81 руб. 55 коп.	44 чел.	41 руб. 61 коп.
	38 иностранц. .	112 руб. 77 коп.		
1913 . . .	114 русских . .	90 руб. 75 коп.	117 чел.	45 руб. 08 коп.
	85 иностранц.	138 руб. 14 коп.		

Подавляющее большинство мастеров получало от 75 до 125 руб. (122 чел. из 199 в 1913 г.), немногие — 29 чел. — получали от 150 до 200 руб. и десять иностранных мастеров — от 200 до 250 руб. Иностранные мастера, не связанные непосредственно с рабочими, играли важную роль внутренней хозяйской жандармерии на фабрике. Они же вели отчетность (вся отчетность на «Треугольнике», вплоть до 1914 г., велась исключительно на немецком языке). Мастерицам платили значительно меньше — 40 — 45 руб., но и их ставки вдвое превышали заработки галошниц. У каждого мастера было по пяти подмастерьев.

Мастерам и подмастерьям прибавки давались не крупные, но систематические: в мастерах поддерживался «аппетит» к прибавкам, поддерживалось стремление выслужиться, отличиться.

Дорого обходилась рабочим карьера каждого из подмастерьев и мастеров!

Администрация набирала подмастерьев из квалифицированной верхушки рабочих. Подмастерьями ставили рабочих, хорошо знающих дело и зарекомендовавших себя в глазах мастера. Малограмотные, некультурные, они выбивались «в люди» ценою унижений, подлостей и подхалимства, це-

ной наушничанья и доносов. По дороге к «власти» большинство из них забывало старых друзей и товарищей, которых теперь им надо было «жать». Они, по прежнему товариществу, насквозь знали каждого рабочего и работницу своего цеха, их помыслы и дела, — и забирали их в кулак. Вчерашние рабы, вынесшие всю тяжесть бесправия и эксплоатации, — эти мастера и подмастерья сами делались слепым, жестоким орудием эксплоатации рабочих.

Эти люди, развращенные подачками, теряли всякую совесть и стыд: вымогали взятки, оскорбляли работниц. Многие из таких мастеров в дни революции были изгнаны с завода.

Штат служащих и мастеров рос много медленнее, чем число рабочих, и, несмотря на это, доля их в общей заработной плате год от года увеличивалась.

В 1898 г. всем рабочим фабрики выплачивалось в месяц 106 883 руб. А жалованье служащих и мастеров составляло 31 368 руб., т. е. 29% от всего заработка рабочих.

В 1909 г. служащие и мастера получали уже 58% от всего заработка рабочих (все рабочие за год получили 2 651 793 руб., служащие и мастера — 1 540 775 руб.).[1]

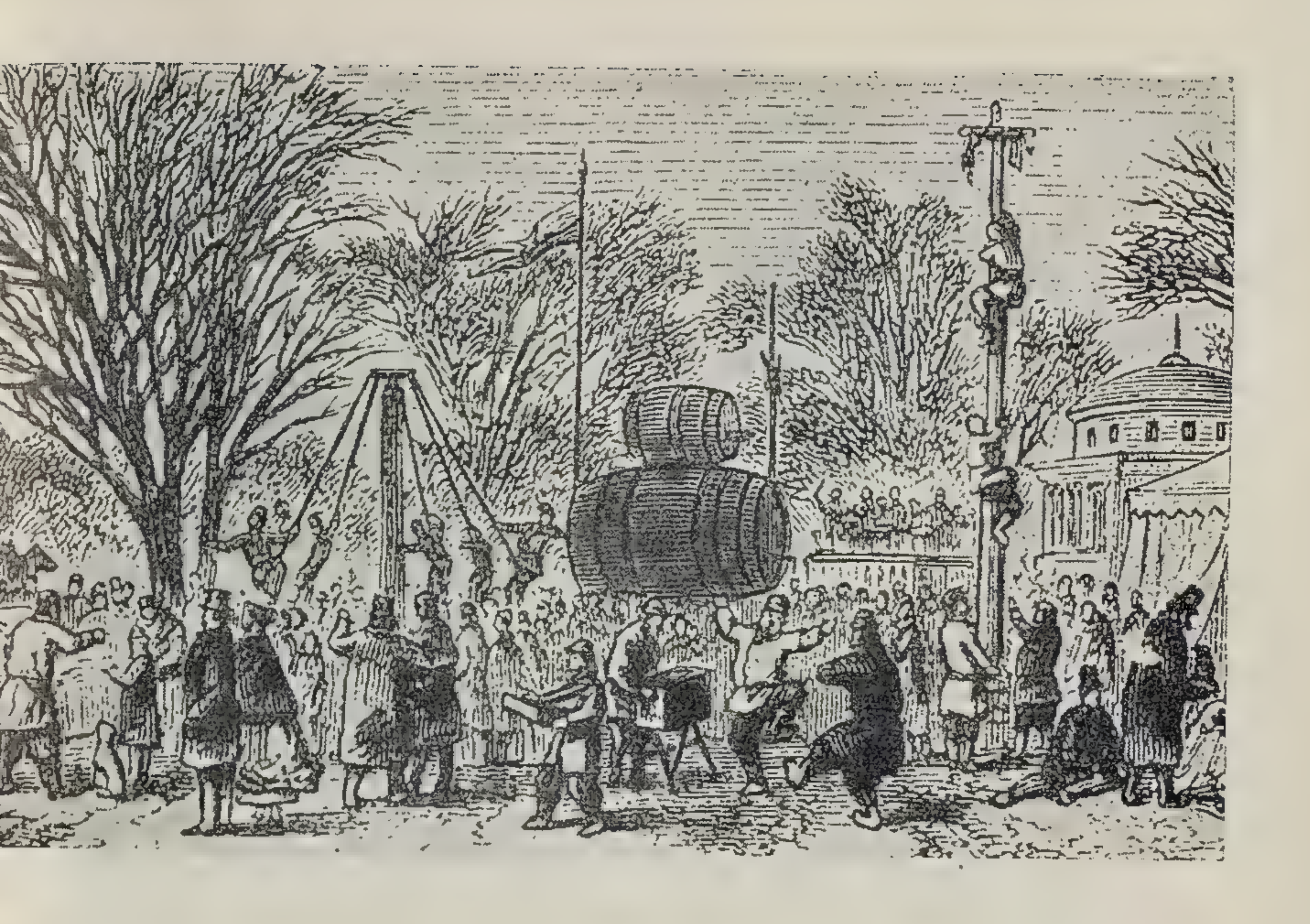
И служащие, и мастера с подмастерьями по своему жизненному уровню все дальше и дальше отходили от основной массы рабочих.

Но кроме жалованья были «наградные». Чем круче подымалась волна революционного движения в столице и в стране, тем щедрее становились наградные и подарки мастерам и служащим.

Из прибылей 1900 г. было выделено:

Пособий служащим на месячном жалованьи . .	22 000 руб.
Наградные служащим	68 532 »
Наградные и пособия рабочим	25 000 »
Всего	115 532 руб.

[1] Возрастание доли зарплаты происходило прежде всего за счет увеличения окладов высших служащих.

«Народное гулянье» в Екатерингофском саду, расположенном рядом с фабрикой «Треугольник» 60 г. XIX столетия.

От трехмиллионной прибыли 1900 г. это был небольшой процент, но на каждого служащего (их было 250 чел.) приходилось наградных по 360 руб., — *больше*, чем галошница зарабатывала в год...

Наградные обычно давались к праздникам: к рождеству, к пасхе. Но вдруг, в середине 90-х годов, пасхальные наградные передвинули... к 1 мая. К этому же сроку отнесли и прибавку всем рабочим — пятачок за год службы.

Что же побудило хозяев вдруг отмечать наградами 1 мая?

С 1891 г. в России начались рабочие маевки. Рабочий «Резиновой мануфактуры» В. Прошин на первой маевке произнес боевую революционную речь. Владельцы «Резиновой мануфактуры», возможно, и не знали о выступлении Прошина. Но они сразу учли события и повели борьбу своим, уже испытанным способом подкупа.

И так пошло из года в год.

Готовятся к 1 мая в подполье революционные рабочие, — готовятся, чтобы парализовать их выступление, и хозяева «Резиновой мануфактуры»...

В 1901 г., например, к 1 мая выдано было наградных служащим, мастерам и рабочим 42 171 руб.

В 1902 г. в связи с необычайно высокими прибылями (а еще больше в связи с нарастанием революционной волны) к 1 мая владельцы «Треугольника» и совсем щедро «раскошелились» — задарили служащих: так, 106 957 руб. было выдано «на благотворительность конторским служащим» и еще 37 307 руб. им же — «на вспомоществование».

Подкинули и рабочим: «на благотворительность в пользу рабочих» было выдано 110 тыс. руб.

Иные, особенно подличавшие, мастера и подмастерья сколачивали за службу на «Треугольнике» даже кое-какой капиталец. Например, после смерти мастерицы-галошницы Раисы Шляковой осталось 8 паев товарищества — то есть 8 тыс. руб., подмастерье В. Брянцев после смерти оставил

4300 руб. Ну, а таких зубров, как мадам Провост, администрация одаривала еще особо. По случаю 25-летия службы мастерица Провост получила от завода золотые часы с цепочкой и двухмесячный оклад. Мастерица Куракина по случаю 25 лет работы получила двухмесячный оклад и бриллиантовую брошь.

Рабочему на примере мастеров и подмастерьев давался наглядный урок: «старайся,—можешь и ты выбиться в подмастерья и в мастера!»

А если не попадал в мастера и подмастерья, то мог «беспорочной службой» заслужить прибавку к заработку. Так, через 15 лет рабочий или работница могли рассчитывать на 15 руб. наградных в год, через 20 лет — на 40 руб., через 25 лет — на 60 рублей наградных.

Перед этой выслуживающейся группой рабочих в случае увечья или потери трудоспособности маячила еще надежда получить *пенсию*.

Пенсионеру платили 5 руб. 50 коп. в месяц.

К 1913 г. размеры пенсии в среднем увеличились до 9 руб. 66 коп.

Этих грошей не могло хватить даже на хлеб и угол.

Как и наградные для рабочих, пенсионные деньги преимущественно черпались из штрафных сумм, которые собирали с «непокорных» рабочих.[1]

Сколько же человек из тысяч, работавших на «Треугольнике», удостаивались пенсии?

Пенсию получали немногие: за двенадцать лет, с 1895 по 1906 г., были «представлены» к пенсии всего лишь 305 чел. — по 25 чел. в год, из них за эти годы 120 чел. умерло.

Короче говоря, пенсию давали «накануне смерти».

И тем не менее пенсия служила в руках хозяев приман-

---

[1] С 1897 по 1905 г. выплачено всего пенсионных сумм 120 тыс. руб., а штрафных за 1891—1906 гг. получено 112 тыс. руб.

кой, чтобы удержать на производстве нужных рабочих и работниц. Манили всех—давали одиночкам.

Эту же цель преследовали и все другие «благодеяния», из которых хозяева умели делать широкую рекламу.

Арендовали, например, несколько коек в городских больницах для больных и рожениц. Но помещали в больницы только тех, кто «заслужил хозяйскую милость».

Выдавались мелкие «пособия» роженицам, на погребение, утратившим трудоспособность (не пенсионерам). Так, в 1898 г. получили пособия по беременности всего 14 работниц, в 1913 г. — 26 чел. На погребение 42 умерших в 1913 г. выдано было по... 5 руб. 67 коп. — не больше, чем стоило «место» на кладбище и рытье могилы. 308 чел. «утративших трудоспособность», то есть изувеченных на фабрике временно или навсегда, получали в 1913 г. по 2 руб. 15 коп. в месяц...

Особенно широко рекламировали хозяева ясли, школу и «убежище» — нечто вроде дома отдыха.

Ясли при фабрике устроили на 300 «гнезд».

Они были в первую очередь выгодны хозяевам. Работнице платили так мало, что для нее появление ребенка часто вызывало непосильный расход, и если ей удавалось пристроить ребенка в ясли, — она уже из последних сил билась, чтобы угодить хозяевам и работой и «поведением».

Ясли были плохие, — около 20% записанных детей, по сообщению правления, хронически отсутствовало из-за болезней. В докладе правлению (12 сентября 1907 г.) сообщается: «Во многих помещениях духота, все раздевальни тесны, столовая мала, хотя едят в две смены».

Все расходы на одного ребенка составляли 44 — 50 коп. в день (содержание помещения, персонала, питание и т. д.), из которых на питание приходилось 10—12 коп.

Но ясли держали работницу на фабрике, как капкан, и из этого капкана она уже не могла вырваться.

В 1889/90 г. была организована фабричная школа, где к 1906 г. училось до 250 детей. Школа, таким образом, привязывала к заводу еще двести пятьдесят семей рабочих.

Но задачи школы были шире. Школа предназначалась для воспитания преданных хозяевам молодых рабочих. Уже в яслях воспитатели внушали малышам, кто их «благодетель», кто их поит и кормит, кто дает работу родителям. Школа продолжала обрабатывать детскую голову в том же направлении.

Наконец в 1904 г. «Треугольник» создает под Петербургом, в Волосове, едва ли не единственное в России «убежище для выздоравливающих рабочих и работниц» на 40 мест. За отдых в этом «убежище» брали от $^1/_4$ до $^3/_4$ заработка.

Попасть туда могли только люди, проработавшие на фабрике не менее 15 лет и, разумеется, «беспорочной нравственности».

Товарищество не поскупилось на средства, чтобы разрекламировать «убежище». Было постановлено, в частности, здание и заборы убежища украсить щитками с торговой маркой. Открывали «убежище» торжественно, приглашены были гражданские и военные власти, духовенство, — им закатили богатый обед.

В 1908 г. прошло через «убежище» всего 187 чел.

Во что же обходилась вся эта система подкупов, подачек и развращения? Не так уже дорого: расходы по всем наградным, пенсиям, пособиям рабочим и по содержанию всех перечисленных учреждений составили в 1906 г. 110—115 тыс. руб., — это из пятимиллионных прибылей!

Был смысл «жертвовать» 2% из прибылей, чтобы лучше обеспечить эксплоатацию рабочей массы.

Хозяева «Треугольника» вели по отношению к рабочим умную, расчетливую, «западную» политику, используя при этом и все российские условия.

В 1890 — 1891 гг. они построили рабочие казармы, но в хозяйские квартиры рискнули пойти немногие: рабочие поняли новый маневр хозяев и заклеймили казармы, как «мышеловку».

«*Очевидно, русские рабочие*, — иронически писала по этому поводу одна буржуазная немецкая газета, — *не особенно нуждаются в квартирах, так как они заранее наотрез отказались жить в запроектированном Товариществом доме, не желая прикрепляться к определенному местожительству*...» И тут же газета рекомендовала соотечественникам — хозяевам «Треугольника» — использовать опыт Запада: «Мы предполагаем, что Русско-американское товарищество согласится на проект целого ряда маленьких домиков с наделом земли под огород; это успокоит рабочих, а забота о своем участке займет свободное время. *Недаром говорят, что рабочий, приобретающий домик, перестает быть социал-демократом*».

Вот куда метили Краузкопфы, Гейзе и фан дер-Пальсы! Система была рассчитана на то, чтобы убить революционную бациллу на фабрике, остановить проникновение революционной социал-демократии в среду рабочих.

И хозяевам «Треугольника» долго казалось, что эта их политика приводит к цели.

Когда правительство назначило на завод двух полицейских надзирателей (закон 1 февраля 1899 г. о фабрично-заводской полиции), содержание которых возлагалось на владельцев, то дирекция обратилась в департамент торговли и мануфактур с «прошением» убрать надзирателей. «Назначение их, — писало 19 апреля 1900 г. правление, — кажется нам неосновательным, тем более что для обеспечения порядка у завода с 1895 г., по ходатайству правления Мануфактуры, г-ном с.-петербургским градоначальником назначены 3 городовых, за содержание которых Товарищество ежегодно уплачивает 930 руб.

В течение прошедших пяти месяцев правление Мануфактуры убедилось, что полицейским надзирателям нет доста-

точно дел при заводе, так как до сих пор их обязанность ограничивалась составлением протоколов о несчастных случаях с рабочими...»

И дальше владельцы «Треугольника», не стесняясь извращать действительность, писали:

«В дополнение к изложенному — правление позволяет себе присовокупить, что за время *40-летнего существования завода в таковом беспорядков и стачек между рабочими не было, и, принимая это во внимание, правление надеется, что и впредь таковые в заводе Товарищества не будут иметь места*». (Архив департамента торговли и мануфактур, ф. 299, д. № 76а, л. 149.)

Тишь и гладь была, если судить по этому «прошению», на фабрике. И события 1881 г., и все другие столкновения с рабочими, вплоть до 1900 г., как бы не имели места!

Подкуп создавал, воспитывал, выращивал кадры рабочей аристократии на фабрике. Наградные, пенсии, пособия, рабочие дома, «убежища», школа, библиотека, — все эти учреждения товарищества охватывали лишь ничтожную верхушку старых квалифицированных и «беспорочных» рабочих «Треугольника». Эта верхушка и в XX столетии, в эпоху первой русской революции, — когда система подкупа получила наибольшее развитие, — исчислялась только сотнями, хотя на фабрике работало от 5 до 11 тыс. рабочих (1900—1913 гг.). Подкупленная за счет сверхприбылей товарищества верхушка рабочих тормозила рост классового сознания, вносила дух разложения в ряды пролетариев фабрики, неизменно дезорганизовала массы в ходе революционной борьбы. Рабочая аристократия понижала революционную активность масс, являясь всегда рассадником оппортунистических и реформистских настроений на фабрике. Первыми штрейкбрехерами и в революцию 1905 г. и в стачечном движении 1912—1913 гг. были, — как увидим дальше, — наградницы и наградники, пенсионеры и обита-

тели рабочих домов, «беспорочники», пользовавшиеся «благотворительными» учреждениями товарищества.

Вредоносность системы подкупа не исчерпывалась только этим. Эта система срывала экономическую борьбу, тушила движение, позволяла хозяевам старого «Треугольника» держать заработную плату основной массы рабочих на голодном уровне. В системе Краузкопфа и К° заложены причины *державшейся десятилетиями низкой заработной платы галошниц*.

Преодолевая огромные препятствия, ломая барьеры системы Краузкопфа, отбрасывая с дороги рабочую аристократию, хозяйских «беспорочников» и т. п. элементы, рабочий старого «Треугольника» шел к революции.

„Резиновая“ бастует

Тяжела, мучительна была жизнь тысяч рядовых рабочих и работниц «Резиновой мануфактуры».

Но эксплоатация, нищенская зарплата, бесправие, издевательства и унижения толкали их на борьбу. Борьба пролетариата «против буржуазии начинается с самого его существования» («Манифест коммунистической партии»).

В 90-х годах небольшая горсточка рабочих упорно ищет выхода из бесправного положения не путем «беспорочной службы» и погони за наградами, а путем революционной борьбы.

В конце 80-х и начале 90-х годов в Петербурге возникают социал-демократические рабочие кружки. И в первых же кружках мы видим ряд работниц и рабочих с «Резиновой мануфактуры». Это — Феня Донцова (по мужу Норинская), Маша Маклакова, «Даша» (фамилия неизвестна), Владимир Прошин — рабочий из мастерской мячиков, и другие.

Федосья Никифоровна Норинская, единственная оставшаяся в живых участница первых рабочих кружков социал-демократического направления, рассказывает:

«До фабрики я работала в «Патриотическом институте благородных девиц». Была там около года прачкой, рабо-

тала по обслуживанию «благородных девиц». Еще в то время я познакомилась с группой рабочих и работниц, от которых получала книги для чтения и узнала о революционной борьбе пролетариата с капиталом.

С революционным движением мне пришлось впервые познакомиться в 1890—1891 гг.

В 1891 г. на Обводном канале был организован социал-демократический кружок. Хозяевами комнаты были Сергей и Маша Маклаковы, с Резиновой фабрики. Посещали кружок резинщицы Феня Донцова и «Даша», затем — Наташа Кейзер (фальцовщица из типографии Маркуса на Васильевском Острове). Приходили еще двое рабочих из «Экспедиции заготовления государственных бумаг», но я их не знаю. Занятия вела Любовь Миловидова-Красина». (Воспоминания Ф. Н. Норинской.)

Был еще кружок на Обводном, — им руководил с осени 1890 г. до весны 1891 г. Л. Б. Красин. Там тоже участвовало несколько товарищей с «Резиновой мануфактуры». Организатором кружка был выдающийся деятель среди рабочих — ткач Федор Афанасьевич Афанасьев (был убит в 1905 г. в Иваново-Вознесенске казаками).

Л. Б. Красин рассказывает в воспоминаниях:

«...В один из октябрьских дней 1890 г. Цивинский,[1] подойдя ко мне в институтской столовой, мимоходом бросил: «Есть кружок на Обводном канале, из рабочих «Резиновой мануфактуры» и ткачей, туда нужен интеллигент для систематических занятий и пропаганды». Я выразил согласие, и тут же мы условились относительно конспиративной клички, под которою я буду работать в кружке. Так я превратился в «Никитича» и пользовался этим именем в последущие годы партийной работы...

[1] Цивинский, как и Л. Б. Красин, входил в брусневскую социал-демократическую организацию, которая развернула большую работу среди рабочих Петербурга, организовав около 20 социал-демократических кружков.

Галошница Феня Донцова (Федосья Никифоровна, по мужу Норинская), одна из активных участниц социал-демократических рабочих кружков в 1891 — 1895 г.

В один из ближайших вечеров я, как было условлено, явился на квартиру Бруснева, где-то на Бронницкой, сменил в его комнате свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное пальто и шапку, надвинутую на самые брови, выпачкал себе руки и немного лицо сажей из печной трубы, чтобы придать себе вид мастерового, и бойко вышел по направлению к Обводному каналу, где на условленном месте встретился с Цивинским, который должен был ввести меня в рабочий кружок.

По плохо освещенной лестнице — электричество тогда в Питере было лишь в Мариинском театре и на Невском — поднялись в 4-й или 5-й этаж, вошли в квартиру, обычную квартиру доходного питерского дома в рабочем квартале, где на нас пахнуло своеобразным сырым и теплым воздухом рабочего жилья, с запахом хлеба, щей и махорки...

...Цивинский познакомил меня с Афанасьевым, от которого на меня с первых же слов повеяло теплом близкого товарищеского отношения, к которому у него примешивался оттенок некоторого покровительства — 37-летний ткач, уже видавший виды на своем веку, вероятно, смотрел на меня, как на мальчика, берущегося за непривычное и опасное дело.

Мы условились относительно начала занятий, причем, за неимением иных возможностей, решили заниматься в этой же комнате Федора Афанасьева раза два в неделю.

...В общем и целом работа кружка протекала удовлетворительно, и хотя два-три члена после первых собраний начали манкировать и частью даже совсем поотстали, все-таки занятия кружка продолжались благополучно вплоть до весны, когда по независящим обстоятельствам мне пришлось надолго покинуть Питер».[1]

[1] Л. Б. Красин не запомнил имен участниц кружка с «Резиновой», он называет лишь Анюту, фамилию которой забыл, и ошибочно причисляет к работницам «Треугольника» В. М. Карелину, которая на фабрике никогда не работала.

Известен был в эти годы в революционных кружках рабочий-резинщик Владимир Прошин. Он был связан с бруспевской организацией, с кружком Федора Афанасьева, — его знали видные подпольные работники начала 90-х годов.

Имя Прошина стало популярным после первой в России маевки в 1891 г., на которой он произнес речь. Прошин предварительно написал свою речь и обсудил ее с товарищами, причем М. И. Бруснев говорит, что «были исправлены только незначительные грамматические и стилистические промахи».

Речь эта сохранилась. Она показывает, что отдельные рабочие уже в то время стояли на высоком уровне политического развития, успешно усваивали учение Маркса и правильно понимали ближайшие революционные задачи пролетариата. Вот что говорил Прошин:

«...Я думаю, что каждый из нас теперь невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность,[1] не придет в отчаяние, потому что все мы еще имеем настолько сил и энергии, чтобы не упасть духом и не опустить рук лишь оттого, что дело приходится почти еще только начинать».

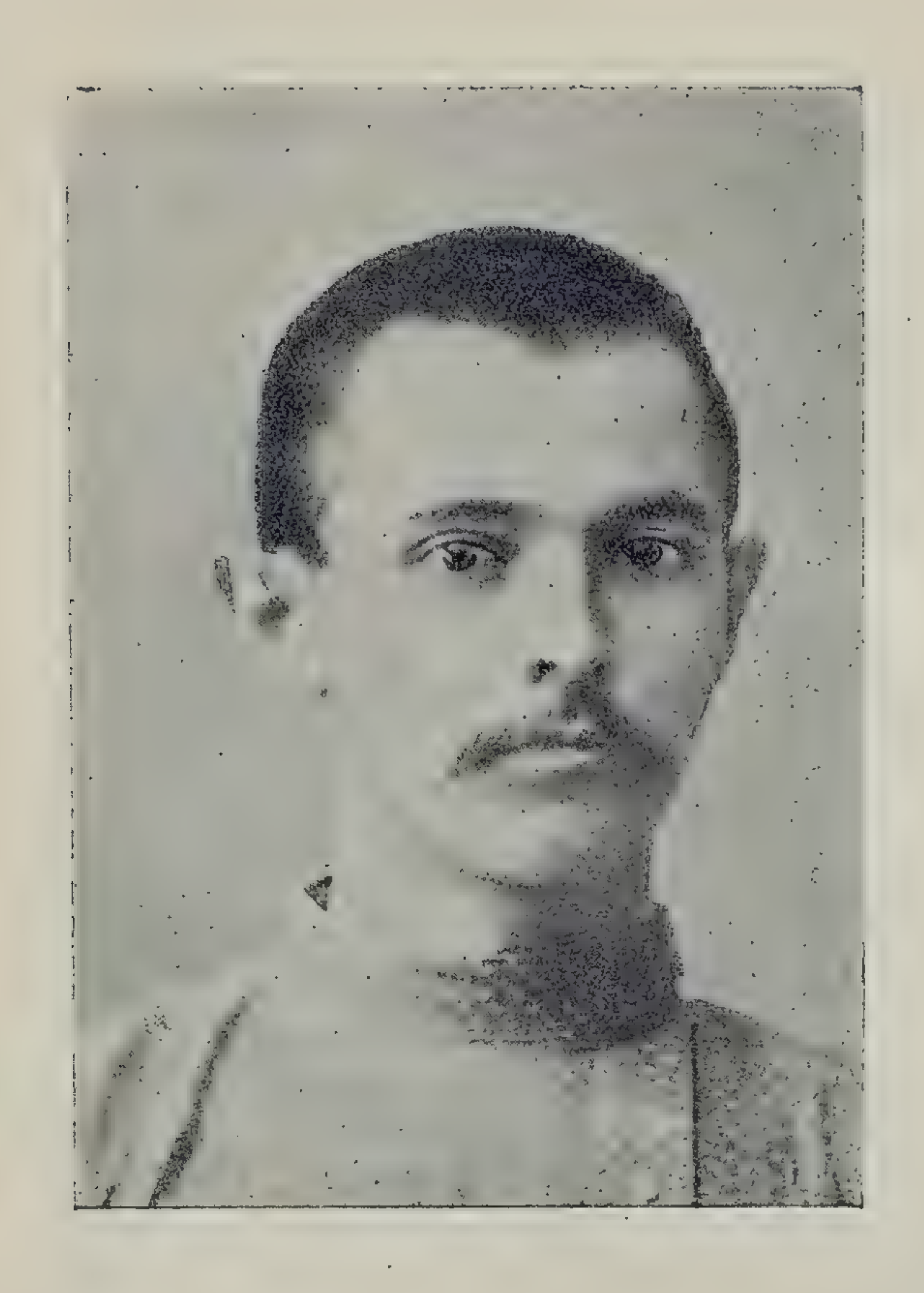
Красин говорит, что в те годы пропагандисты-интеллигенты, сравнивая положение русских и западных рабочих, «весьма наивно заблуждались относительно благоденствия европейских «белых рабов».

Прошин, наоборот, трезво смотрел на дело, инстинкт пролетария на обманывал его:

«Западные рабочие, — сказал он в речи, — страдают, как и мы, под гнетом капиталистического строя, то есть такого, при котором все продукты труда, произведенные рабочими, фабрикант продает в свою пользу, а рабочим за их труд

---

[1] На маевке присутствовало 70 — 100 чел., речи были произнесены четырмя рабочими, в том числе и Прошиным.

Л. Б. Красин, руководивший первым рабочим социал-демократическим кружком на Обводном канале в 1890—1891 гг., в котором участвовали работницы с «Резиновой мануфактуры».

платит лишь столько, чтобы они не могли умереть с голоду...

...Обращая внимание на положение наших рабочих, мы увидим, что они также страдают от произвольной кулаческой эсплоатации, почти ничем не сдерживаемой, потому что наши рабочие, по старанию правительства и фабрикантов, находятся в забитом состоянии и полном невежестве, не могут дать отпора произвольному грабежу, чем и дают повод к большой наглости безжалостным хищникам.

Такое положение, конечно, никому из рабочих не нравится; но они молчат и терпят, потому что не знают выхода из него, и потому на нас, как на более развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении, и указать выход из него.

К чести нашей, я могу сказать, что мы действительно сознали свои обязанности, и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих...»

Прошин правильно понимал роль революционной интеллигенции в рабочем движении:

Правительство, «... как нам известно, всегда за малейшее проявление неудовольствий к существующим безобразиям высылает и сажает по тюрьмам рабочих и интеллигенцию, которая искренно стремится — за что ей сердечное спасибо — своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем. Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят бо́льшую ненависть к нему и к существующему строю».

В 1892 г. Прошин был арестован и выслан в Тулу. В 1895 г. он снова появился в Петербурге, но ненадолго (сообщение Константина Норинского). В «Обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1895—1896 гг.» сообщается, что «по высо-

чайшему повелению», среди сосланных на разные сроки «подчинен надзору полиции» на два года «сын отставного солдата Владимир Прошин, — без права проживать в столицах и столичных губерниях».

Владимир Прошин был, без сомнения, одним из очень развитых рабочих: при аресте в 1895 г. у него была отобрана брошюра Маркса «Речь о свободе торговли» и переписка по делам кружка.

Несмотря на провалы и аресты активистов, работа в кружках не прекращалась, и передовые работницы с «Резиновой» принимали в ней все более деятельное участие.

«В 1893 г., — сообщает Ф. Н. Норинская, — я сняла комнату в Измайловском, на 12-й роте. Тут занимались Наташа Кейзер и др. Сюда часто приходили Шелгунов Василий Андреевич, Норинский Константин, А. Фишер. Занятия вела Любовь Миловидова. После ареста К. Норинского, Фишера и других в 1894 г., я посещала кружок па Загородном проспекте в квартире Рябова Николая. Собирались: «Даша» с Резиновой фабрики, Петр Карамышев и Николай Иванов (путиловцы).

Занимался с нами Запорожец Петр, из группы «стариков». (Воспоминания Ф. Н. Норинской.)

Зародыш большевистской партии — питерский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный и руководимый Лениным, находился в теснейшей связи с революционными рабочими «Резиновой мануфактуры» (Ф. Норинская, Е. Желабина и др.).

Питерский «Союз борьбы» перешел от замкнутой кружковщины к агитации, отыскал пути к широким массам рабочих, непосредственно руководил их стачечной борьбой. «Союз борьбы» объединил разрозненные рабочие кружки, связался со всеми крупными предприятиями Петербурга, выпустил большое количество прокламаций и брошюр. «Союз» умело увязывал конкретные требования рабочих

Владимир Прошин.

того или иного предприятия с общими политическими задачами борьбы российского пролетариата, борьбы против самодержавия и капиталистического рабства. «Союз» поднимал рабочих на забастовки, организовывал денежную помощь стачечникам и семьям пострадавших и т. д.

В «Обзоре важнейших дознаний по государственным преступлениям за 1895—1896 гг.» в ряду многочисленной группы активных работников «Союза борьбы» неоднократно упоминаются Федосья Норинская и Елизавета Желабина. Норинская обвиняется, в частности, в том, что «предоставляла квартиру для преступных собраний», вербовала товарищей в кружки, распространяла литературу и вместе с Елизаветой Желабиной снабжала от организации денежными средствами арестованных рабочих и их семьи.

В документах жандармского управления за 1896 г. упоминаются также и другие рабочие с «Резиновой мануфактуры»: Иван Петров, Юдин и Петр Горохов. Они распространяли, по словам этих документов, «преступную брошюру под наименованием «Что должен знать и помнить каждый рабочий». На квартире у Юдина собирался кружок.

Члены кружков «Союза борьбы» распространяли на фабрике «Треугольник» листовки и литературу.

Один такой случай описан в полицейском протоколе от 10 июня 1896 г.

К директору Кемпе, — рассказывает в протоколе помощник пристава Барач, — явился подмастерье Плежкин и передал директору липючий лиловый листок, на котором оказалось в «преступных выражениях» напечатанное воззвание к рабочим. Подмастерье Плежкин показал, что он отобрал листок у рабочего Калистрата Черепова. Черепов, в свою очередь, показал, что он натолкнулся в «отхожем месте» на целую пачку прокламаций. Дальше пристав заносит в протокол все, как было, в подробностях:

«Черепов указал на пачку листовок Тимофею Антонову, который, взяв один листок, начал читать его, но так как

Первая маевка петербургских рабочих в 1891 г. (С картины худ. Янкова.)

оказался весьма малограмотным, то от него взял листок Андриан Семенов, который также начал читать листок. В это время к отхожему месту начала собираться толпа рабочих, и также подошел подмастерье Плешкин, которому Семенов отдал воззвание, не дочитав таковое. *Куда девались остальные экземпляры воззвания и кто взял их, он, Черепов, не заметил, но полагает, что таковые разобраны рабочими*».

Листовки на фабрике появлялись часто и мгновенно расходились по рукам. И администрация была бессильна этому воспрепятствовать. Принимались всяческие меры, чтобы помешать скоплению рабочих на фабрике без надзора, мастера то-и-дело заглядывали в уборные, и если видели кого-либо «с застегнутыми пуговицами», — тут же штрафовали.

А «липючие лиловые листки» делали свое дело. Сильно было революционное слово правды, — близкое, родное, понятное каждому рабочему.

Во второй половине 1896 г. «Союз борьбы» распространил на фабрике большую прокламацию: «К рабочим и работницам Российско-американской резиновой мануфактуры».

Ленин и почти все руководящее ядро «Союза борьбы» к этому времени были уже арестованы, но революционные традиции ленинского руководства были живы. Авторы прокламации хорошо знали жизнь фабрики, — нет сомнения, что в составлении ее принимали участие и рабочие самой фабрики.

Вот отрывки из этой замечательной прокламации:

«Товарищи! Давно уже мы ждем уступок от наших хозяев, давно ждем перемены нашего каторжного положения. Издевательства наших хозяев увеличиваются с каждым днем, с каждым днем растут притеснения. Но и этого нашим хозяевам мало. Мало им, что наживают нашим каторжным трудом миллионы. Захотелось им и славу приобрести, захотелось, чтобы про них говорили: вот примерные

фабриканты — с рабочими в ладу живут и рабочие у них смирны, как овечки: бунтовать не бунтуют, стачек не устраивают, достаток имеют и царя почитают...

На этот раз вздумали хозяева поднести блюдо царю Николаю «по ходатайству некоторых рабочих».[1] Вот как! Кто же эти «некоторые рабочие», за спину которых прячутся хозяева? Не их ли это шпионы? Нам, рабочим, предлагают поднести блюдо царю Николаю. Да за что? За что нам благодарить его? Кто издает против нас законы в пользу фабрикантов? На чьей стороне стоит царское правительство? Кто разгоняет мирные рабочие сходки? Кто бросает нас в тюрьмы, высылает на родину, в Сибирь? Царское правительство дает в распоряжение фабрикантов шпионов и полицию, направляет против нас пули и штыки православного «христолюбивого» воинства. Не нас ли во время летних стачек брали десятками, так, что мастерские пустовали. (А ведь у нас на фабрике было спокойно.) Не наших ли жен, сестер и братьев хватали ночью с постелей? Кто все это делает? Царское правительство — министры, а они поставлены царем и действуют с его ведома....

Товарищи! Не пойдем впредь на обман, не станем давать на подлые дела свои гроши, а вместо того «внесем свои лепты» на устройство *своей рабочей кассы*, откуда бы мы могли получать пособия во время нужды».

Прокламация разоблачает маневр хозяев и заканчивается так:

«Надо всем вместе и дружно стоять за себя. Тогда нам и плату повысят и штрафы уменьшат. А то выходит так: мы молчим, а нас все больше и больше теснят. Нам дают нищенскую плату 50—60 коп. в день и называют это «приличным содержанием». Им ничего не значит, если рабочий голодает. А к этому приличному содержанию прибавляются еще неимоверные штрафы. Товарищи! Знайте, что ни на одной

---

[1] Подарок администрацией был приурочен к коронации Николая II.

РАБОЧАЯ БИБЛІОТЕКА

Выпускъ шестой

ПЕРВОЕ МАЯ 1891 ГОДА

ЧЕТЫРЕ РѢЧИ РАБОЧИХЪ

произнесенныя на тайномъ собраніи въ Петербургѣ

съ приложеніемъ

Адреса Петербургскихъ Рабочихъ

Н. В. ШЕЛГУНОВУ

и предисловіемъ

Г. ПЛЕХАНОВА

Цѣна 50 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія „Соц.-Демократа", route de Lancy 505

1892

Обложка брошюры, в которой была напечатана речь Владимира Прошина, произнесенная им 1 мая 1891 года.

петербургской фабрике рабочим не живется так плохо, как у нас, и это потому, что рабочие других фабрик и заводов не сносят молча притеснений своих хозяев, они борются за улучшение своей доли и добиваются своего.

Товарищи! Последуем же и мы примеру наших братьев рабочих и будем всякий раз дружно отстаивать свои интересы. Только тогда мы и можем надеяться на улучшение своего положения, только тогда мы его и достигнем».

Кто авторы этой прокламации — выяснить так и не удалось. Во всяком случае, к этому времени (1896 г.) наиболее деятельные революционные рабочие, такие, как Норинская и другие, были арестованы и высланы из Петербурга, и связь их с «Резиновой мануфактурой» обрывается. Мы не встречаем уже их имен в дальнейших событиях на фабрике, но их самоотверженная деятельность среди рабочей массы не прошла бесследно.

При всей отсталости и забитости резинщиц и резинщиков, при всем «высоком совершенстве» системы шпионажа и наушничания на «Треугольнике», вопреки стремлениям Краузкопфа и К⁰ раздробить и разложить рабочий коллектив, на «Резиновой мануфактуре» уже в 90-х годах зарождается революционное движение, а передовые работницы и рабочие полностью отдают свои силы революционной борьбе.

В период знаменитых стачек петербургских текстилей 1896 — 1897 гг. на «Треугольнике» было тихо, мануфактура работала. Масса еще молчала. Молчала, но копила недовольство — горючий материал для взрыва

Рабочее движение начала 900-х годов принимало все более ярко выраженный политический характер. Во главе движения стояла социал-демократическая партия. Ее лозунги усваивались массами. Маевки этих лет перерастали в мощные демонстрации и сопровождались политическими стачками.

И массовое рабочее движение кануна первой русской революции захватило треугольниковских рабочих. На «Рези-

новой мануфактуре» происходят попытки организованных выступлений.

В 1903 г. первую робкую попытку выступить в защиту своих интересов делают приемщики. Работа приемщиков оплачивалась поденно от 75 коп. в день. Но приемщиков за эту оплату заставляли работать и ночами. Приемщики обратились к Крааку (помощнику директора фабрики) с просьбой признать их служащими и перевести на месячное жалованье. Краак прогнал приемщиков, заявив, что если им не нравится — могут совсем убираться с фабрики.

Тогда приемщики обратились в правление товарищества:

«О нашем вопле узнали ранее сторонние люди, которые передали г-ну Крааку, что между нами является стачка... Между нами никакой стачки нет и быть не может; ибо мы те самые люди, которые нуждаются в куске хлеба. Подаем прошение *без подписи*, ибо боимся увольнения».

Между прочим, приемщики мотивировали свое прошение так: «мы должны являться в приличной одежде против другого рабочего люда»...

Г-н Краак остался при своем мнении. Но правление все-таки постановило «запросить о характере работы приемщиков у непосредственного начальства на производстве и после их заключения решить дело». Прошение приемщиков пошло на заключение «непосредственного начальства» — мастеров... Характерна в этом выступлении боязнь огласки, попытка прикрыть свой протест.

В целом — это образец очень низкой ступени классового сознания группы рабочих, желавших отделиться от остальной массы. Но это показывает, в то же время, что спокойствие, которым дирекция так хвалилась даже перед полицией и властями, было далеко не прочным.

Следом за приемщиками, в 1904 г. (октябрь) выступили закройщики. Закройщики заговорили с хозяевами более решительно. Они *потребовали под угрозой прекращения работы* выдачи от фабрики ножей для раскройки (ножи

они приобретали за свой счет) и увеличения заработка. Хозяева, опасаясь, как бы не вышло «осложнений», решили уступить — удовлетворили закройщиков.

Отдельным группам *мужской* половины рабочих за эти годы была прибавлена заработная плата. Так, кроме закройщиков, прибавки получили лакировщики и рабочие механических цехов. Хозяева увеличивают число пенсий и выплат по увечьям, увеличивают суммы наградных, выдают квартирные деньги. В это именно время организуется «убежище» в Волосове и т. д. Цель ясна: предупредить недовольство, раздробляя коллектив, не доводить дело до выступлений.

Но на галошниц, то есть на основную массу работниц, как и раньше, воздействуют преимущественно «кнутом»: в 1902 г. вводятся штрафы на сдельных работах. А сдельно, как мы видели, оплачивались главным образом женщины. Заработная плата галошниц остается на прежнем уровне.

Так претворялась в жизнь политика «кнута» и «пряника» накануне первой русской революции, в годы кризиса и застоя в промышленности.

Открытые вспышки недовольства среди рабочих были погашены. Правда, стали прорываться случаи резкого протеста отдельных рабочих. Этого не знала старая «Резиновая».

В 1901 г. молодой токарь Федя, [1] озлобившись на произвол мастера Ивана Степановича, [1] бросился на него и хотел его убить. Дело кончилось печально для Феди. Мастер остался жив, а Федя был посажен в тюрьму и умер там от туберкулеза. Другой рабочий — Катов — избил гаечным ключом мастера «Нырка». [1]

Но с одиночками расправляться было нетрудно.

---

[1] Фамилия неизвестна.

С 900-х годов на фабрике проводились крупные работы по расширению производства (строились дополнительные помещения, устанавливалось новое оборудование и т. д.). И тут состав рабочих значительно освежился — за счет городских, более грамотных и развитых политически рабочих, в частности металлистов, которые принесли с других предприятий опыт массовой борьбы.

Эти рабочие и явились теперь, вместе с передовыми резинщиками, проводниками идей революционной социал-демократии, идей большевизма на Резиновую фабрику.

М. Александров рассказывает, что в 1902 г. он несколько раз находил на фабрике социал-демократические листовки, а однажды в слесарной мастерской, под плитой, обнаружил брошюру В. Либкнехта «Пауки и мухи». В этом же году М. Александров познакомился с рабочим трубочной мастерской Федором Алексеевым, и Алексеев ввел его в социал-демократический кружок на фабрике.

Филипп Васильев в воспоминаниях о 1903 г. называет группу молодых социал-демократов — В. Шпера, В. Рубцова, Ф. Васильева, проводивших на фабрике подпольную работу.

В 1904 г., особенно к концу этого года, количество социал-демократов и их сторонников на фабрике увеличивается.

М. Александров сообщает, что был кружок, который собирался в конце 1904 г. в доме Дурдина, по Обводному каналу. «В кружок входили с фабрики «Резиновой мануфактуры» А. Тимофеев, И. Фролов, М. Иванов и трое с шоколадной фабрики Конради. Кружок изучал Эрфуртскую программу, «Историю культуры» Липперта и «Резолюции II съезда с.-д. партии». Занятиями руководил интеллигент «Абрам» (фамилии его настоящей не знаю)». [1]

---

[1] «Абрам» — партийная кличка Н. В. Крыленко, но в данном случае речь идет не о нем; кто еще носил эту кличку — выяснить не удалось.

В этом кружке были и меньшевики. Но в конце 1904 г. кружок стал целиком большевистским — меньшевиков перестали приглашать на собрания и повели с ними решительную борьбу.

В октябре 1904 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил «Обращение к рабочим Резиновой мануфактуры», призывая рабочих организоваться, создать социал-демократические кружки и выступить на борьбу с капитализмом и самодержавием.

Рабочая масса «Треугольника» вступала в революционную борьбу. Однако и к началу 1905 г. силы большевистской группы на фабрике были еще немногочисленны. И когда на фабрике начали свою деятельность гапоновцы — Осип Волков, Ф. Сидиев, Н. Рогоня, А. Петров, О. Николаев, Луговской и другие, им удалось повести за собой группу рабочих.

Так подошел 1905 год.

Январские события 1905 г. начались с забастовки на Путиловском заводе. С завода уволили четырех рабочих, — в знак протеста забастовал весь завод. Забастовка сразу перебросилась на другие предприятия и вылилась в мощную стачку петербургского пролетариата. Возглавляли движение металлисты.

Движение быстро переросло рамки гапоновского общества и приняло революционный характер. Масса к этой поре восприняла социал-демократические лозунги настолько, что в знаменитой петиции петербургских стачечников фигурировали пункты из социал-демократической программы-минимум (8-часовой рабочий день, созыв учредительного собрания и др.).

Начали готовиться к выступлению и рабочие «Треугольника». Администрация фабрики переполошилась.

4 января администрация со своими прислужниками проводит лихорадочную деятельность: хозяева отговаривают рабочих от участия в стачке. По всем цехам и мастерским бегают с банками клея расклейщики и лепят на стены «объ-

явления от администрации», с призывами к «успокоению», к «мирным переговорам», с обещаниями «пойти рабочим навстречу».

Но стачечное движение в Петербурге настолько сильно всколыхнуло рабочих, что на призывы администрации никто не обращал внимания. Объявления срывали со стен.

Большевики и передовые рабочие развернули на «Треугольнике» агитацию за забастовку. Большевистская группа через районный комитет РСДРП обращается к путиловцам с просьбой помочь остановить фабрику.

7 января «беспорочники», наградники, пенсионеры — наименее сознательная часть рабочих — кинулись было с улицы в мастерские и уже хотели начать работу, — но путиловцы, во главе с Василием Твороговым, помогли треугольниковским большевикам и решительно настроенной части рабочих — слесарям и молодым галошницам — Т. И. Филипповой, Е. Байбаковой, А. И. Костыговой, Лизе Волковой, Прокофьевой, Блиновой и другим — выгнать из цехов срывавших забастовку.

7 января завод стал.

Рабочие «Треугольника» всей массой двинулись по Обводному каналу. Сосредоточились у Дровяного переулка (помещение 9-го отдела гапоновского общества). Начали сообща вырабатывать требования хозяевам фабрики. И здесь сразу прорвалась огромная волна недовольства, копившегося в массах рабочих. Требования были составлены — это ясно видно — под руководством большевиков. Вот они: 1) 8-часовой рабочий день, 2) постоянная комиссия из выбранных рабочих для решения конфликтов и вопросов увольнения рабочих, 3) поденная плата чернорабочим мужчинам не ниже 1 руб., женщинам — 70 коп., 4) прибавка 60% к зарплате галошниц и всех сдельщиков, 5) неприкосновенность депутатов рабочих, 6) оплата забастовочных дней. Кроме того, галошницы, проявившие большую активность в проведении забастовки, дополнительно записали: улучшить положение учениц, устро-

Протоколъ
Собрания выборныхъ рабочихъ
Резиновой Мануфактуры.

Собранныя на нужды товарищей Путиловскаго Завода находящихся безъ работы и также ихъ семейства Проверенное Товарищами 42 р 67 к. Принялъ на себя председатель

Председатель: О. Войковъ
Секретарь О. [illegible]

4 Января 1905 года

Проверенныя деньги при лицахъ.

К. Баскаковъ
[illegible]
В. Воробь[illegible]
А. [illegible]

Сорокъ два р. шестьдесятъ семь коп
(42 р 67 к)

Получилъ отъ Войкова
В. [illegible]

Протокол собрания выборных рабочих «Резиновой мануфактуры» 4 января 1905 г.

ить в мастерских вентиляцию, отменить позорный и унизительный медицинский осмотр, на работу по крупным галошам — выше 13 номера (особенно тяжелая физически работа) — назначать мужчин.

Рабочие требовали, в заключение, чтобы никто не пострадал от забастовки и чтобы администрация не прибегала к содействию полиции.

Большевики возглавили движение и связали политические требования петербургского пролетариата с конкретными требованиями рабочих завода.

Рабочая масса впервые почувствовала себя единым целым в борьбе с общим врагом.

Пока рабочие вырабатывали свои требования, администрация подготовляла бастующим решительный отпор. 7 января в заводской амбулатории разместился большой отряд полиции с 10 офицерами во главе.

На следующий день, накануне Кровавого воскресенья, дирекция в полном составе, в кабинете Гейзе, ждала делегатов. Делегаты пришли — и в первый раз в жизни остались перед хозяевами в шапках. Растерялись... Что говорить? С чего начать?.. Поглядывали на своих хозяев, косились на полицию (в кабинете сидели полицмейстер Григорьев и пристав). Тут же был незадолго перед тем назначенный новый фабричный инспектор Сходь-Энгбертс, сразу же, открыто, занявший место за хозяйским столом. Гейзе, директор, вскочил, начал первым:

— Разве можно так? «Резиновая» существует больше сорока лет... Ничего подобного не было! Забастовка... Или вы думаете, что где-нибудь условия для рабочих лучше, чем на «Треугольнике»?

С улицы доносились возбужденные голоса многотысячной толпы, и это придало делегатам силу и уверенность.

Кто-то из делегатов, не показывая головы, сказал:

— Прочитайте требования, потом будете говорить о хороших условиях...

Другой, более дерзкий, голос:

— Сорок лет по нашим спинам ходила палка, довольно!

Заговорили и остальные. Сразу. Обо всем. Гейзе, прочитав требования рабочих, заявил:

— Первые четыре пункта невыполнимы; кончим говорить о них. Остальное обсудим при условии: немедленно встать на работу!

Гейзе выступал против рабочей массы, как оказалось впоследствии, тоже не «одиночкой»: накануне на собрании «Общества для содействия развитию и улучшению фабрично-заводской промышленности» (потом преобразованного в «Общество фабрикантов и заводчиков») была выработана общая линия поведения владельцев заводов и фабрик по отношению к бастовавшим.

Арестовать делегацию не посмели: дирекция тоже слышала шум с улицы, ничего хорошего он не обещал. Гейзе снова встал, оперся руками о стол, — у него дрожали ноги.

— Отправляйтесь, господа, по своим мастерским и передайте, что я требую встать на работу. Иначе завод будет закрыт...

На этом переговоры прервались. Правление запротоколировало: «Некоторые рабочие были сильно возбуждены, держали себя вызывающе» и заявляли, что «через несколько дней мы заговорим по-иному, так как в рабочем союзе под руководством священника Гапона один за всех и все за одного». (Протокол правления 8 января 1905 г.) Через три часа у ворот было вывешено объявление о частичном удовлетворении требований рабочих. Но подачка на рабочих не подействовала. Рабочие держались стойко. Масса готовилась итти к Зимнему дворцу.

Большевики пытались удержать рабочих, пытались разбить иллюзии о «царе-батюшке». Отговаривали итти большевики, отговаривали отдельные передовые рабочие. Среди них был столяр с «Резиновой» — Тарас Иванович Богданов, уважаемый всеми рабочий.

Но агитация против шествия к Зимнему встречалась озлобленно. Уговоры были бесплодны.

Утром 9 января толпы рабочих с хоругвями, иконами, царскими портретами двинулись ко дворцу.

Рабочие «Резиновой» пошли бок-о-бок с путиловцами.

У Нарвской заставы дорогу преградили войска. Офицер взмахнул шашкой, блеснул клинок — и прогремел залп по рабочим.

Тарас Богданов шел в первых рядах. И он был в числе первых сражен. Ему попала пуля в рот.

В тот же день треугольниковские рабочие — В. Ульянов, Василий Андреев, Федор Андреев и другие — уже дрались на Васильевском Острове на баррикадах. За несколько часов они прошли путь от веры в царскую милость до баррикадного боя...

И когда хоронили Тараса Богданова — треугольниковцы были уже не те...

Похороны Тараса Ивановича (похоронен на Митрофаньевском кладбище) вылились в широкую революционную демонстрацию. Похоронили его без отпевания, без попов. На могиле произносились революционные речи. На кладбище ворвалась полиция, разогнала, избила демонстрантов.

У Богданова осталась семья в шесть человек, и работницы и рабочие долго оказывали ей материальную помощь, устраивая сборы средств.

Часть делегатов, ходивших на переговоры с хозяевами «Треугольника», сразу после 9 января была арестована. Среди них — Осип Волков, Артемий Никитин, Александр Дегожский.

Фабрика не работала почти неделю.

13-го была объявлена запись желающих встать на работу на тех условиях, которые были объявлены 7-го.

На следующий день, 14-го, работа возобновилась. Всех принимали заново, пропуская через тройной строй: в проходной стояли городовой и сторож, отметчики, члены дирекции. Активные забастовщики к работе допущены не были.

Расстрел рабочих у Нарвских ворот 9 января 1905 г. (Иллюстрация из иностранного журнала.)

Многих из «замеченных» в назидание заставили голодать, не принимая на фабрику по несколько месяцев; среди таких оказались Варя Егорова, Т. Филиппова, В. Жукова и многие другие. За дни забастовки никому не заплатили.

Забастовка не принесла серьезных улучшений рабочим «Треугольника», но даже «самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной забитой жизни». (Ленин, т. VII, стр. 79.)

Треугольниковские рабочие и работницы получили первое боевое крещение, вышли на широкий путь организованной политической борьбы. Январские дни на «Треугольнике» показали, что покорность и благополучие на фабрике были мнимыми, что система г-на Краузкопфа могла лишь на время задержать рост революционного самосознания рабочих фабрики. За несколько январских дней масса рабочих и работниц «Треугольника» проделала огромный путь политического развития.

Январский расстрел даже самым отсталым слоям рабочих и работниц показал, что бороться необходимо не только с хозяевами-капиталистами, но и с самодержавной властью. Пошатнулась у многих и вера в бога.

Когда 19 января Гейзе по указке петербургского генерал-губернатора Трепова назначил некоего П. Харламова «депутатом от рабочих» к царю, то эта комедия вызвала насмешки и возмущение в массе рабочих. «Представителю от рабочих» пришлось со слезами жаловаться администрации на обиды, которые ему приходилось сносить от рабочих.

Месяцем раньше ничего подобного не могло бы быть на «Резиновой мануфактуре».

По мастерским рабочие смелее заговорили о своих нуждах, еще нетерпимее стали казаться прежние условия работы. По-старому жить и работать становилось уже невозможно. Революционная энергия нарастала, и нарастала стремительно.

После январской забастовки, кроме мелких уступок, о которых мы упоминали, администрация вынуждена была сделать еще некоторые уступки рабочим, причем обставлено все это было как «хозяйская милость». Администрация сбавила на 1 час рабочий день — вместо 11 стали работать 10 часов. 29 января были проведены кое-какие прибавки к зарплате рабочим: хозяева накинули по гривеннику получавшим меньше 95 коп., и по 5 коп. — остальным.

Администрация отлично понимала, что эта подачка не удовлетворит рабочих, а потому прибегла к испытанному средству: выделила из общей массы несколько групп рабочих и им прибавила побольше, чтобы посеять в массе разлад (вальцовщики, например, получили прибавку в 15—20 коп. и т. д.). Галошницам и остальным сдельщикам прибавки сделано не было.

Но система таких прибавок, надежно действовавшая в руках капиталистов «Треугольника» прежде, на этот раз сорвалась.

Масса возмутилась циничными подачками хозяев, рабочие побросали работу. 1 февраля началась забастовка. Началась сразу в нескольких мастерских. Застрельщиками, как и в первой забастовке, выступили слесаря и галошницы. Слесаря вернулись к январским требованиям, предъявленным дирекции: 8-часовой рабочий день, $1^1/_2$ часа на обед и значительное увеличение зарплаты. Галошницы и ученицы выдвинули только одно требование: «прибавить 2 копейки на пару».

В донесениях мастеров и административных лиц указы-

вается, что галошницы вели себя «дерзко» и «разнузданно»: они врывались массой в другие мастерские и силой останавливали работу, пуская в ход галошные колодки. Слесаря и галошницы *заставили* прекратить работу на всей фабрике.

На следующий день был праздник, и фабрика не работала. 3 февраля все рабочие явились в мастерские и многие возобновили работу. Галошницы снова кинулись снимать всех рабочих и заставили продолжать забастовку. Они кричали, угрожая колодками: «Голову расшибем, если будете работать!»

Урок первой забастовки не прошел даром. Активность забастовщиков в февральской стачке была выше, чем в январской.

4 февраля фабрику закрыли. Рабочим был объявлен локаут. Гейзе съездил предварительно к Трепову, и тот обещал ему надежную военную силу. 7-го и 8-го рабочим предложили взять расчетные книжки, а 9-го и 10-го — получить расчет.

Две делегации беспорочников, пенсионеров и прочих хозяйских прихвостней обращались к администрации с просьбой возобновить работу.

Депутаты, случайные люди, вели себя униженно. Вернувшись из дирекции 9-го числа, они крикнули рабочим: «Гейзе прощает нас, работа возобновляется!» Гейзе предлагал возобновить работу на прежних условиях. Но рабочая масса отказалась работать на прежних условиях. Стали брать расчет. 12-го, к вечеру, в конторе осталось только 29 книжек. Только 29 человек из семи тысяч не взяли расчета...

Такую решительность и солидарность проявили рабочие в дни февральской стачки 1905 г.

Администрация все время вела слежку и выискивала «рьяных агитаторов». Десятки рабочих были внесены в списки «нежелательных для возвращения на фабрику».

Правление профсоюза резинщиков, организованного большевиками завода явочным порядком в ноябре 1905 года. Устав союза не был утвержден и в начале 1906 года союз прекратил существование. На снимке: сидят (слева направо) — А. Волков, О. Волков, В. Ульянов; стоят — Ф. Андреев, Федотов, В. Роев, А. П. Никитин.

Локаут затянулся надолго. Рабочие дошли до крайней нужды. Сбережений не было. Потребительскую рабочую лавку при заводе закрыли, не спросившись пайщиков-рабочих, а лавка была создана и существовала на их средства. Фабрика все время была под усиленной военной охраной. Но только в конце февраля, после месячного упорного сопротивления, рабочие и работницы «Треугольника» вынуждены были из-за голода и лишений приступить к работе.

Февральская забастовка 1905 г. — одна из ярких страниц отважной, героической борьбы рабочих и работниц «Треугольника» за свое освобождение.

Сразу после подавления забастовки дирекция «Треугольника» постановила выплатить «наградные полиции обоих участков за труд во время забастовки». (Протокол правления 24 февраля 1905 г.)

Но «победители» трепетали от страха перед рабочими. Учитывая возможность «уничтожения разъяренной толпой во время революционных беспорядков имущества, зданий, машин и т. д.», — правление постановило «создать собственный страховой капитал путем ежегодных дотаций, пока он не достигнет миллиона рублей». (Протокол правления 4 апреля 1905 г.)

Перепуганные хозяева понимали, откуда им угрожает смертельная опасность, и вместе с полицией рьяно принялись за очищение «Треугольника» от большевиков и революционных рабочих. Три месяца — февраль, март, апрель — шла свирепая чистка: все активные участники движения были вычищены с завода, — и надежды хозяев оправдались.

В знаменитой всеобщей октябрьской стачке 1905 г. «Треугольник» уже не участвовал. Большевистская организация фабрики почти целиком была разгромлена и силы рабочих подорваны февральским локаутом. Дирекция, стянув на фабрику крупные военные силы, терроризировала массу рабочих. В помещении потребительского общества правление «на продолжительное время» разместило «200 человек инфанте-

рии» (пехоты). Кроме того были казаки и кавалерия. Фабрика походила на завоеванную крепость. «Галошница работает — и тут же казак с нагайкой ходит» — вспоминает т. Кондрат-Куборская. Так пришлось оберегать себя хозяевам «Треугольника» от рабочих, которых они еще недавно считали «благонадежными».

Как только вышел царский манифест 17 октября, многие заводы ответили на него забастовкой протеста, а на воспизированном «Треугольнике»... отслужили благодарственный молебен. Администрация дала рабочим выходной день, чтобы «внедрить в ... рабочих радостное и благодарное настроение». (Протокол правления 20 октября 1905 г.)

Но... не помогли хозяевам ни полиция, ни казаки, ни благодарственные молебны.

В. Роевым был организован новый большевистский кружок. В него входили: В. Ульянов, М. Титкович, Я. Тараканов — закройщик и др. (сообщение В. Роева). В это же время вокруг закройщика Якова Тараканова группировался другой большевистский кружок, в котором участвовали: Н. Ковалев, Я. Менг, Швейгер, Ф. Васильев, Александров и др. (из них Швейгер, Менг, Н. Ковалев в октябре были арестованы).

Заработали большевистские кружки, и снова забурлила рабочая масса. В ноябре 1905 г. передовой отряд «Треугольника» — слесаря и плотники — откликнулись на призыв Петербургского совета. В связи с судом над восставшими кронштадтскими матросами и событиями в Польше, 2 ноября Совет призвал пролетариат к всеобщей забастовке. 2-го же ноября под лозунгами: «Долой полевые суды», «Долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России», на фабриках и заводах Петербурга началась всеобщая стачка. Слесаря и плотники «Треугольника» 2 ноября также объявили забастовку и сделали попытку увлечь за собой всю фабрику.

А. Залкинд и М. Александров рассказывают о том, что в октябре — ноябре 1905 г. часть рабочих-резинщиков изготовляла для себя холодное оружие, раздобывала револьверы, вооружалась.

Большевики «Треугольника» еще в конце 1905 г. организовали в слесарной мастерской боевую дружину во главе с большевиками В. Рубцовым и М. Александровым.

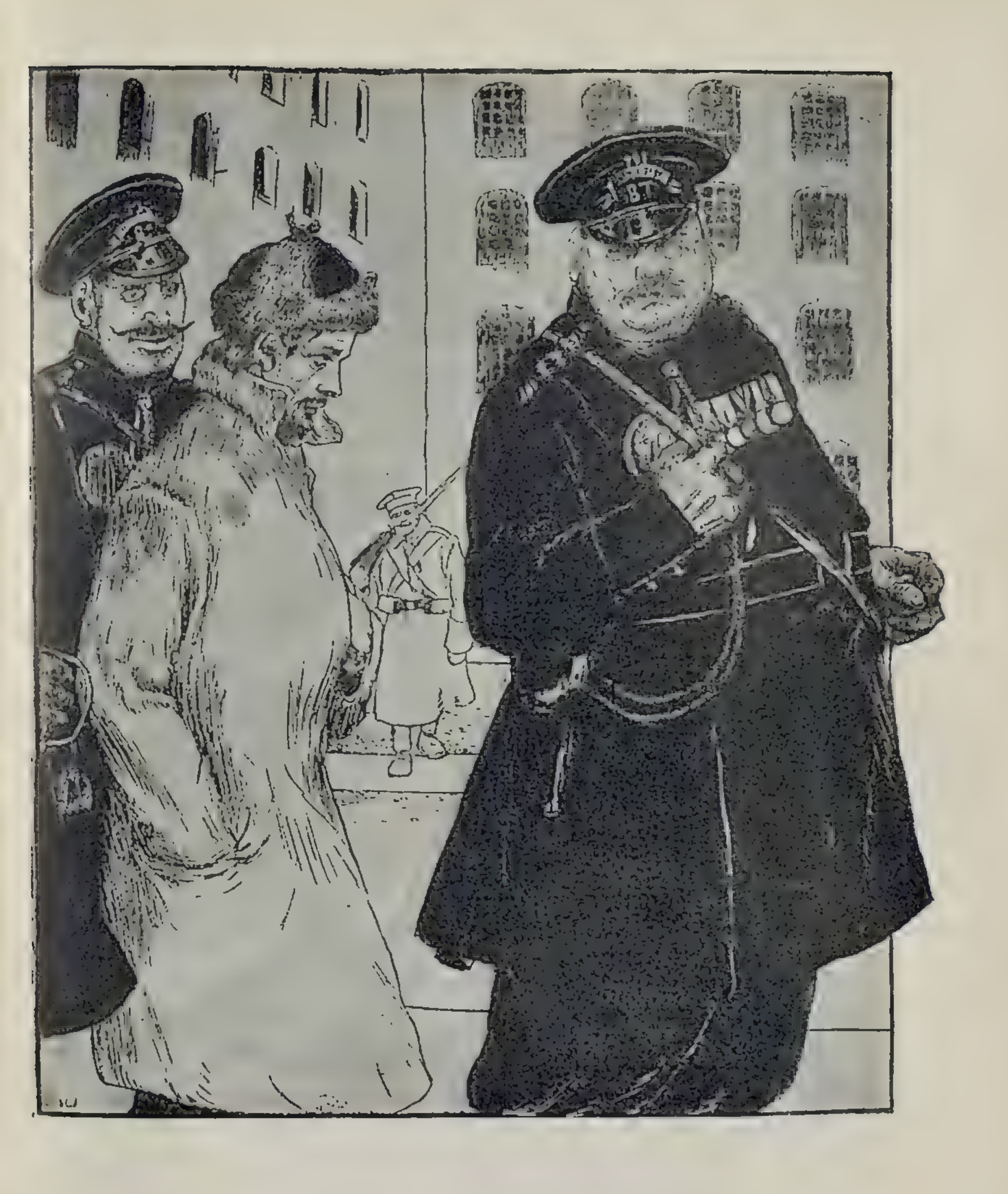
Партия большевиков в ходе подготовки восстания придавала огромное значение вооружению масс, их боевой учебе.

В этот период передовые рабочие «Треугольника» принимали участие в демонстрациях рабочих других заводов; ходили на митинги «на Прищевы номера», в Политехнический институт, в дом Лесгафта на Английском проспекте, на заседания Совета рабочих депутатов и т. д.

В противовес революционным рабочим, на фабрике начала действовать погромная банда черносотенцев. Возглавлял ее бывший уголовник — рабочий Е. В. Зверев. Эту банду всячески поддерживала администрация. Некоторые служащие и мастера сами вошли членами в «Союз русского народа». Зверев вербовал себе сторонников преимущественно в вальцовках и в закройной: там было много «наградников», преданных хозяевам и отсталых рабочих.

С конца декабря, после поражения московского вооруженного восстания, революция пошла на убыль. Началась расправа с рабочими. Распоясалась черная сотня. Дирекция «Резиновой мануфактуры» исподволь прибирает вожжи к рукам. Правление берет тактику: «Показывать рабочим фактически, что *мы, а не они хозяева*». (Протокол правления 28 января 1906 г.) У служащих отбирается подписка, что они не будут участвовать ни в каком союзе, «который не состоит в теснейшем единении с интересами заводоуправления и всей администрации». (Протокол правления 26 января 1906 г.)

Опираясь на верных себе служащих, на фельдфебелей-мастеров и получив дополнительное подкрепление в лице черносотенцев внутри завода, — хозяева развертывают на-

Реакция наступает . . . (Из сатирического журнала «Маски» № 5 1906 г.)

ступление. Бешено усиливается эксплоатация рабочей массы. «Нормально, *при 10-часовом рабочем дне*, мы можем выпускать ежедневно 48 тыс. пар галош в день: этого мало, и *придется прибегнуть к ночным работам*, чтобы иметь возможность выпускать 60—62 тыс. пар ежедневно. Правда, *ночная работа* утомительна и *вредно отзывается* кроме того *на нашем оборудовании*...» (Отчет дирекции за 1905 г.)

И воротилы «Треугольника» в 1906 г. догоняют выработку галош до 60 тыс. пар в день и выше.

Рабочие на наступление хозяев отвечают забастовками. За первую половину 1906 г. произошло несколько забастовок на заводе, правда, частичных. Но это были *политические* забастовки. 1 мая 1906 г. большевики (И. Прокофьев, В. Жуков, Ф. Алексеев, Ф. Васильев, В. Фролов, Я. Тараканов, Н. Ковалев, и др.) вывели с фабрики часть рабочих на забастовку. Забастовка прошла под политическими лозунгами.

Хозяева «Треугольника» еще не рисковали подавлять движение грубой силой и ограничивались угрозами.

Сначала протоколирует правление: «Слесарям и плотникам, так же как и другим рабочим, которые бастовали 1 мая, было объявлено, что они платят штраф за прогул, а равно обязаны очистить занимаемые ими квартирные помещения».

Потом правление постановило: «так как при настоящем положении вещей было бы неразумно *чересчур натягивать тетиву*, то на этот раз мы отменили наше постановление о выселении из квартир». (Протокол правления 12 мая 1906 г.)

Страх уже не сдерживал массы. Конфликты с мастерами — вывоз на тачке, избиения, угрозы — продолжались.

«За последние дни на нашем заводе творятся всякого рода безобразия со стороны рабочих, вплоть до того, что неугодные мастера и инженеры вывозятся на тачках за ворота... В один из ближайших дней на второй фабрике был

вывезен за ворота нелюбимый мастер слесарной мастерской» — свидетельствовало правление. (Протокол правления 25 мая 1906 г.)

Волнения не прекращались.

В протоколе правления от 28 июня 1906 г. записано:

«...После того как много вечеров под ряд, по окончании работы, рабочие собирались перед воротами фабрики, возбуждая всеобщее внимание вызывающим поведением, криками и угрозами, 27-го с. м. в 6 час. вечера они устроили митинг на фабричном дворе и предъявили... следующие требования:

Требования рабочих	*Ответ администрации*
1. Место для собрания на ближайший свободный день.	Постановили отказать.
2. Не удерживать сбора при выплате зарплаты.	Постановили передать через г-на Пикеля, что мы не обязаны этого делать.
3. Не делать вычетов по исполнительным листам.	Согласны.
4. $1^1/_2$ часа обеденного перерыва.	Если согласится большинство рабочих на окончание работы в 6 час. 30 мин.
5. В субботу кончать в 2 ч., работая без перерыва.	Отказать.
6. Жалоба на неповышение платы в ответ на требование 2 февраля 1905 г.	Понять последовавшее тогда распоряжение в том смысле, что каждый взрослый рабочий через 4 часа работы должен иметь рубль в день минимально. [1]

Администрация не уступает рабочим, но и не смеет прибегать к грубому подавлению волнений.

[1] Ответ администрации по 6 пункту требований настолько запутан, что в нем трудно разобраться. Во всяком случае, никакого гарантированного минимума заработной платы на фабрике никогда не было.

Все, что было усвоено рабочими в первых забастовках, — не забыто. Повышается организованность массы, протест принимает резкие формы.

Когда большевистский Петербургский комитет по указанию В. И. Ленина объявил забастовку для поддержки Свеаборгского и Кронштадтского восстаний, для их расширения и углубления, — к забастовке присоединился и «Треугольник» (27 июля).

Эта забастовка возникла молниеносно. Для правления она явилась полной неожиданностью.

Вот как описывает события правление:

«...8 дней тому назад, при смене, рабочие пытались организовать митинг во дворе фабрики, но по требованию техников принуждены были разойтись. Так как в пятницу целый ряд фабрик бастовал (между прочим механическая фабрика обуви), и носились слухи о всеобщей забастовке, то г-н Гейзе остался в предпраздничный вечер (в субботу) на фабричном дворе; но рабочие совершенно спокойно расходились по домам, не делая попыток собраться. Поэтому мы надеялись, что на этот раз забастовка нас минует.

В 7 часов в понедельник г-н Гейзе был на фабрике и видел, что рабочие совершенно спокойно один за другим принимаются за работу. Но когда раздался свисток, внезапно образовалась густая и большая толпа во втором дворе, вошла и чего-то требовала. Работа еще продолжалась, но группа человек в 20, отделившись от собравшейся во дворе толпы, бросилась в здание, к машинам, и угрожала избиением желавшим работать, если они сейчас же не бросят работы. Эта группа навела такую панику, что все бросили станки и устремились во двор на собрание. Г-ну Гейзе еще удавалось держать на своих местах 300—400 девушек, но тут ворвалась кучка агитаторов с Дорожкиным, и девушки тоже устремились во двор. Другая группа агитаторов, во главе с Мошным, двинулась на постройку и сняла работавших там людей...

Г-н Бекман, пробовавший воспрепятствовать срыву работ, получил удар камнем в голову, который оглушил его и повалил на землю. Кроме того несколько ударов и пинков раскровянили ему лоб и темя... Дорожкин, опознанный лично г-ном Гейзе как вожак преступной агитации, который принуждал рабочих к забастовке, — арестован полицией, а имевший столкновение с г-ном Бекманом Монин — отпущен». (Протокол правления 27 июля 1906 г.)

Хозяевам приходилось все чаще прибегать к помощи полиции, создавать *систему обороны* от рабочих. После забастовки 27 июля владельцы завода постановили войти в соглашение с приставом. Правление запросило: «не может ли он арестовать главарей и известных нам агитаторов нашей и других фабрик и выслать их в деревни на родину». (Протокол правления 27 июля 1906 г.) Список был составлен старшими техниками и Пикелем, но подписывать его никто из администрации *не решался*.

«...Пристав, с которым мы вели переговоры, заявил, что списка агитаторов и вожаков, нами ему переданного, недостаточно, что здесь должна быть наша официальная, удостоверенная подпись и заявление. Так как мы знаем, что такого рода бумаги всегда становятся известны забастовочному комитету, мы решили не давать никаких письменных документов». (Протокол правления 9 августа 1906 г.)

«...Г-н Пикель сообщает, что пристав, который колебался, передать ли наш список агитаторов градоначальнику незаверенным и без заявления, показал его полицмейстеру, который, не требуя от нас никаких дальнейших формальностей, передает его сам градоначальнику». (Протокол правления 11 августа 1906 г.)

Всех помеченных в списке, конечно, с фабрики убрали и из Петербурга выслали.

В кабинете Гейзе устанавливаются прямые телефоны к приставу, полицмейстеру и градоначальнику.

Правление жалуется:

«После забастовки изменилось отношение к делу... падение уважения к мастерам и, наоборот, страх мастеров перед работницами, которых не удерживает больше угроза наказаний. Между тем, необходимо воспользоваться наступившим затишьем и снова натянуть крепче удила». (Протокол правления 23 ноября 1906 г.)

И через неделю администрация формирует штат специальных «надсмотрщиков».

Удила натягиваются, но с большой опаской. В отчете за 1906 г. правление докладывает пайщикам, что фабрика проработала этот год сравнительно благополучно только потому, что «не натягивали слишком вожжей».

Правление предпочло умолчать, что «натягивали вожжи» полиция и жандармы, вырывая из рабочего коллектива поодиночке и пачками большевиков и передовых революционных рабочих. Правление замолчало приглашение на завод пехоты, казаков и полиции. О многом умолчало правление в своем отчете...

1 мая 1907 г. на «Треугольнике» снова произошла крупная политическая забастовка: забастовала вся вторая фабрика и часть первой. «Нашим рабочим удалось осуществить свое намерение — отпраздновать 1 мая, — отмечает правление. Наградные мастерам, подмастерьям и надсмотрщикам равняются 72 359 руб. Те лица, которые не работали 1 мая, остались без наградных». (Протокол правления 3 мая 1907 г.)

Да, рабочие остались без наградных — рабочие отшвырнули хозяйскую «дарующую» руку. Подлый смысл хозяйских «наград к 1 мая» был ясен уже каждому рядовому рабочему. Рабочие не получили по пятачку прибавки на рубль, но сделали еще шаг вперед по пути классовой борьбы.

Этой забастовкой 1907 г. было завоевано снижение рабочего дня по субботам. Дирекция через своих агентов узнала, что на первомайском митинге рабочие решили явочным

порядком кончать работу в предпраздничные дни на два часа раньше, и поспешили от своего имени объявить 23 июня сокращенный рабочий день по субботам на один час.

Сделав эту вынужденную уступку, администрация снова усиленно очищает фабрику от «главарей и агитаторов».

Политическая обстановка в стране и в столице изменилась: с каждым днем все сильнее наступала реакция. Революционное движение затихало.

Усиливался нажим на рабочих и на фабрике. Дирекция начинает «снова придерживаться со всей строгостью фабричного регламента»: растут штрафы, давшие значительное снижение за 1904—1905 гг. Слесарей и строительных рабочих обязывают носить на груди «бляхи» — жестяные знаки с номерами, чтобы легче было следить за ними в цехах. Давно прошли времена, когда правление просило убрать с завода полицейских. Теперь—наоборот: на фабрике действует «наблюдательная полиция», связанная с охранным отделением. Полицейские секретно выделяли из среды мастеров и «благонадежных» рабочих шпиков, которым поручалось наблюдать за товарищами в цехах, в трактирах, в садах, доносить о собраниях, о читках газет, о настроениях, следить за агитаторами, за распространением прокламаций и т. д. Черная сотня и охранка проникли во все мастерские, везде имели «своих» людей. Правление, со своей стороны, не жалело денег для этой своры.

Еще год перед тем администрация боялась подписать список «главарей» и «нежелательных», намеченных к высылке, — теперь хозяева действовали смелее:

«У нас установлен тесный контакт с органами власти, которые проверяют состав наших рабочих, и при малейшем подозрении мы немедленно вычеркиваем их из списка.

В конце 1907 г. дирекция с удовлетворением отмечает: «В противоположность прошлому году бесспорно наступило успокоение рабочих элементов».

Но к прежнему мирному и «благословенному процветанию» возврата уже не было: то-и-дело возникали стычки рабочих с мастерами и администрацией. В протоколах правления отмечено, что в августе 1908 г. были «тревожные настроения на заводе[1] и факты угроз и насилия рабочих по отношению к администрации» (в 3-й вальцовке завода № 3), а в 1909 г. — «масса неприятностей с рабочими».

С половины 1910 г. «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 г., собирается с силами и начинает переходить *в наступление*». (Ленин, т. XIV, стр. 392.)

Оживление в рабочем движении с весны 1912 г. сменяется новым революционным подъемом. В 1912 же году в движение втягиваются и рабочие «Треугольника».

---

[1] В XIX веке «Резиновая мануфактура» называлась исключительно фабрикой, в 900-е годы в связи с расширением и техническим переоборудованием ее стали называть то фабрикой, то заводом; после национализации (1918 год) — исключительно заводом.

„Комитет отравителей“

В Восточной Сибири, на Лене, 4 апреля 1912 г. раздались выстрелы: царские войска стреляли в безоружных приисковых рабочих. Лена далеко. Но грохот выстрелов раскатывается по всей России... Рабочий класс отвечает на ленскую расправу массовыми политическими забастовками.

Рабочие «Треугольника» собирают силы для борьбы.

Из большевистского кружка периода 1907—1911 гг. (в него входили: А. и И. Петровские, Семен Симакин, Иван Прокофьев, Павел Рукштанов, И. Шабалов, Павел Кодышев, Филипп Васильев и др.) к этому времени осталось не больше трети товарищей, остальные выбыли с завода (аресты, высылки, расчет). Оставшиеся большевики сплачивают, возглавляют передовых рабочих «Треугольника».

Совершенно исключительную роль в деле классового воспитания петербургских резинщиков, в деле их сплочения и революционизирования сыграли в это время большевистские газеты «Звезда» и «Правда».

«В гущу рабочих «Треугольника», — рассказывает М. Г. Приезжинский, — с 1910 года стала все чаще проникать легальная большевистская газета «Звезда». В ней замелькали корреспонденции рабкоров завода о своем беспросветном житье-

бытье. Большевики завода повели свою агитационную работу среди рабочих, опираясь на «Звезду». (Из воспоминаний М. Г. Приезжинского.)

13 марта 1912 г. в «Звезде» появляется первая заметка от рабочих магазина галош завода № 1 — о грубом обращении и штрафах со стороны мастера Кемаста Якулова. А через несколько дней (22 марта) от рабочих завода № 2 поступает уже сбор в фонд «Звезды» (5 руб. 55 коп.). Затем, 5 апреля,— от рабочих слесарно-механической мастерской поступает в «Звезду» 13 руб. 20 коп., 10 апреля — снова взнос — 2 руб. 10 коп. от семи рабочих различных мастерских завода.

С этого времени заметки о «Треугольнике» не сходят со страниц газеты: 29 марта рабочий «Матвей» пишет о тяжелых условиях труда в хирургической; 19 апреля в «Звезде» печатается корреспонденция галошниц о невыносимой обстановке для работы, о штрафах, об издевательствах, 29 апреля печатается заметка галошниц-мазильщиц с завода № 1.

«Звезда», шаг за шагом, через письма и заметки самих рабочих, раскрывает перед массами «Треугольника» всю картину каторжной их эксплоатации.

С 22 апреля 1912 г. стала выходить массовая рабочая большевистская газета «Правда», сыгравшая исключительно важную роль в рабочем движении. В конце 1912 г. во главе редакции «Правды» стоял И. В. Сталин.

«С каждым днем «Правда» завоевывала себе на «Треугольнике» все больше и больше читателей, сторонников и последователей большевистского течения», — рассказывает М. Приезжинский (он был одним из первых рабкоров-правдистов с «Треугольника»). Большевистская печать — газеты «Звезда» и «Правда» — положила начало новому революционному подъему на «Треугольнике». Стала расти группа большевиков и объединять вокруг лозунгов партии наиболее сознательную часть рабочих. 29 апреля галошницы и

мазильщицы поместили первую заметку в «Правде» и после этого рабочие из многих мастерских начали писать в большевистские газеты.

Заметок о заводе было помещено за 1912 г.: в «Звезде» — 6 и в «Правде» — 13; за 1913 г.: в «Правде» — 19, в «Вопросах страхования» — 5; за 1914 г.: в «Правде» — 32 и в «Вопросах страхования» — 7 (за первое полугодие, до начала войны).[1]

«Звезда» и «Правда» подготовили массу рабочих «Треугольника» к выступлению.

И 1 мая 1912 г., в отклик на ленские события, на «Треугольнике» была проведена политическая стачка. «Треугольник», вместе со всем петербургским пролетариатом, вступил в стачечную борьбу. Не надеясь на свои силы, «правдисты», которые были организаторами стачки, договорились с путиловцами, чтобы те помогли остановить фабрику.

Путиловцы пришли — человек пятьдесят — до начала работы. Их поодиночке провели на завод, в заранее условленные места.

М. Приезжинский, один из организаторов стачки, сообщает:

«Мне пришлось провести человек пять путиловцев в вальцовочную мастерскую — около главной конторы — и участвовать вместе с ними в остановке завода.

Как только раздался гудок, задвигались трансмиссии и рабочие принялись за работу, в ряде самых «консервативных» мастерских раздалось смело и громко: «Кончай работу, товарищи!».

И передовики «Треугольника», вместе с путиловцами, начали снимать рабочих с работы, очищая одну мастерскую за другой.

Сразу же после окрика подавляющее большинство рабочих остановили свои вальцы и машины, поснимали халаты

---

[1] По подсчету М. Приезжинского.

и фартуки и присоединились к нам. А наградники, черносотенцы, шпики и хозяйские прихлебатели стали прятаться за машины, столы и ящики, откуда их пришлось вытаскивать почти силой».

Рабочих вывели на улицу, стачка была проведена.

Всех участников маевки «за прогул» оштрафовали по 25 коп., а те, кто должен был получить «наградные», — лишились и наградных.

После майской стачки рабочие «Треугольника» вступают на путь широкого революционного движения.

Правительство, напуганное подъемом революционной волны в стране, особенно боевыми стачками в ответ на ленский расстрел, поспешно извлекает из архивов законопроекты по рабочему вопросу, разработанные еще накануне и в годы первой русской революции, но затем, в годы реакции, похороненные.

После бесчисленных мытарств по различным комиссиям, весной 1911 г., эти законопроекты ставятся на обсуждение III Государственной думы. Подъем стачечного движения заставляет ускорить прохождение их, и 23 июня 1912 г. издается закон о страховании рабочих от болезней и несчастных случаев.

По этому закону страхованию подлежало меньше одной пятой всех рабочих. Закон совершенно не предусматривал страхования от инвалидности, старости и безработицы.

Закон устанавливал нищенские размеры пособий и пенсий, взваливая главную тяжесть сборов по страхованию на самих рабочих.

Отношение большевиков к страховому закону было выражено еще в резолюции Пражской конференции (январь 1912 г.), написанной Лениным, где говорилось:

«Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предвари-

тельных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата».

Однако, в целях сплочения рабочего класса и расширения движения, большевики призывали рабочих не бойкотировать выборов в больничные кассы (заводские органы социального страхования), а наоборот — активно участвовать в выборах, требовать открытых выборных собраний и стремиться провести своих кандидатов в уполномоченные и правления касс.

В страховой кампании — кампании по выборам уполномоченных от рабочих в больничные кассы, страховые присутствия и совет — большевики выступали за максимальные страховые требования: единый страховой закон, общегородские больничные кассы, передача организации врачебной помощи из рук капиталистов в руки больничных касс и т. д.

Страховое движение приняло широкие размеры.

На «Треугольнике» дирекция начала саботаж, и затягивала выборы в больничную кассу. Но министерство торговли и промышленности, опасаясь волнения рабочих, настаивало на выборах в кассу в том же 1912 году.

«Наше намерение не удалось, — признается правление, — и сейчас мы стоим перед неприятной альтернативой: либо поссориться (настаивая на нашем временном отказе от проведения закона о больничных кассах) с чиновниками министерства, — *которые крайне нужны нам*, — либо последовать их желанию, но с риском всех тяжелых, вытекающих отсюда последствий».

Ссориться не решились, — чиновники министерства не раз оказывали товариществу неоценимые «услуги». Приходилось подчиниться. Но пока тянулось дело с назначением выборов (около полугода), мастера, мастерицы и служащие,

по указке хозяев вели среди работниц агитацию против страховых отчислений:

— Платить отчисления — плати, а получишь пособие или нет — еще неизвестно...

— Кто понахрапистее — тот и будет на наши денежки кутить.

— Не стоит ссориться с хозяевами... А работай честно, — и так хозяева не забудут, — поддерживали мастеров и служащих «наградники».

На-руку хозяевам действовали и анархисты (П. Шмырев, Ринев), — они призывали к бойкоту выборов. И многие из рабочих не могли понять — выгодно или невыгодно иметь свою кассу. Кое-кто из рабочих попросту боялся соваться в это дело: «Мастера против, — будут потом притеснять!»

Когда правление окончательно убедилось, что легально сорвать выборы нельзя, оно решило сорвать их иным путем. 13 декабря совершенно неожиданно для рабочих на фабрике вдруг вывесили объявление: администрация назначила выборы на 14 декабря — на следующий же день.

Большевики-правдисты и передовые рабочие были застигнуты врасплох: никакой организационной подготовки к выборам они провести не успели.

Выборы были сорваны. «Выборы уполномоченных не последовали, — записано в протоколе правления, — так как рабочие их бойкотируют и не берут избирательных талонов».

В это время на «Треугольнике» рабочих выматывали до последней степени. Гнали сверхурочные, применяли ночные смены, чтобы покрыть растущий спрос на галоши.

За 1913 г. на «Треугольнике» было выработано самое большое количество галош за все годы существования завода: 24 млн. пар.

«Люди переутомлены и угрюмы. Мы избегаем давления» — отмечает правление в журнале. Рабочих и работниц изнуряли на фабрике, переходя всякие пределы.

И рабочие не выдержали. 8 апреля 1913 г. 72 закройщика первыми бросили работу и предъявили требование: повысить расценки.

Для правления это явилось неожиданностью: закройщики получали вдвое, втрое больше против галошниц, их подбирали с большой тщательностью (особенно со времени забастовки закройщиков в феврале 1905 г.). Среди закройщиков было не мало старых рабочих — «наградников». И вдруг — они забастовали! Но такова была общая политическая обстановка в стране, что даже закройщики решились вступить в борьбу.

На другой же день к закройщикам присоединилось 2500 галошниц с завода № 1. Галошницы потребовали:

1) увеличить расценки,
2) платить за намазывание материала особо,
3) вместо 15 мин. дать на обед $1^1/_2$ часа,
4) отменить все штрафы,
5) уволить мастера Христиана Ивановича,
6) уменьшить дневную норму галош,
7) администрации обращаться с работницами вежливо,
8) в предпраздничные дни работать до двух часов дня,
9) установить шесть недель отпуска роженицам, с сохранением полного заработка,
10) освободить от обязательных сверхурочных работ,
11) платить ученицам 1 руб. в день.

Галошницы выставили ряд требований, предъявленных еще в январскую забастовку 1905 г. и затем в 1906 г., и невыполненных хозяевами. Выдвинули и новое, весьма важное требование, подсказанное страховым движением, — шестинедельный отпуск роженицам с сохранением полного заработка.

Требования галошниц показывали, что политический уровень работниц значительно повысился.

Администрация не приняла условий галошниц, отказала в прибавке и закройщикам.

Галошное производство остановилось: без закройщиков и галошниц нечего было делать и остальным мастерским (вулканизационным печам, приемке, складам и т. д.).

Появились штрейкбрехеры из числа «наградников» и «наградниц». Они, вместе с мастерами и техниками, начали дорабатывать неоконченные галошницами галоши. Рабочие с колодок и рабочие на материале отказались развозить резину штрейкбрехерам и ушли по домам. Техник Швальбе, галошные мастера Линкевич, Ведеман и ряд других мастеров сами катали вагонетки, сами разносили материалы.

Забастовка длилась 13 дней.

19 апреля галошницы-наградницы, не оставлявшие работы, явились за наградными (это был «наградной день»). Линкевич накинулся на них:

— Награда! За что награда? За то, что не смогли удержать остальных? За то, что я сам резину вам вожу? Не будет вам нынче награды! Гуляйте так!

20 апреля администрация объявила расчет всем бастовавшим. Произвели новый набор рабочих. При приеме отсеяли всех, кто вызывал хоть малейшее сомнение у администрации и мастеров. За воротами фабрики остались многие десятки рабочих...

Еще один шаг по пути открытой классовой борьбы с капиталом был сделан рабочими и работницами «Треугольника».

Администрации «Треугольника» не удалось «искоренить» большевиков на заводе. Вскоре после апрельской забастовки, в июне 1913 г., в галошных мастерских завода № 1 возникает большевистский кружок. Вокруг большевиков-«правдистов» объединяются сочувствующие им товарищи.

«Бойкот и срыв первых выборов в больничную кассу и только что проигранная стачка обязывали нас, большевиков, ко многому,— рассказывает М. Приезжинский.—Нужна была организация, собирание сил, разъяснительная и вос-

питательная работа среди рабочих и, в первую голову, среди галошниц. «Правда» уже подготовила для этого первые кадры. Она воспитала необходимых руководителей и организаторов кружка».

Организаторами кружка были Николай Дмитриев, рабочий с колодок, и Михаил Приезжинский, приемщик галош.

Приезжинский поступил на завод в 1910 г., участвовал в организации первомайской забастовки 1912 г. С 1913 г. он стал активным рабкором «Правды». Дмитриев поступил на «Треугольник» в 1913 г., но с Приезжинским он был знаком по рабочему обществу «Лига образования Нарвского района».

В короткое время им удалось собрать группу человек в пятнадцать-семнадцать. В кружок вошли: Федор Борисов, Николай Степанов, Феликс Олехно, А. Архипов, Ефимов, «мальчик» — Александр Чижов и галошницы: Варя Егорова, Варя Апреликова, Мария Титкович, Анна Лаврова, Вера Артамонова, Евгения Долгополова и др.

«Нагрузкой членов кружка, — пишет т. Приезжинский, — являлось ежедневное распространение среди галошниц газеты «Правда», журналов «Работница» и «Вопросы страхования», сборы средств в фонд большевистской печати и на приобретение газет и журналов, подготовка галошниц к активному участию в страховой кампании, вербовка актива, на который можно было бы опереться... Работа кружка протекала в самой дальней галошной мастерской, прозванной галошницами «Сахалином». Там было посвободнее от техников, мастеров, мастериц и шпиков.

Эта мастерская служила местом явок и сбора членов кружка. Собирались за высокими штабелями ящиков с колодками. «Мы следили, — говорит М. Приезжинский, — за появлением администрации, и как только замечали когонибудь, — подкатывали тележки и «старательно» накладывали в них колодки из ящиков или обратно из тележек — в ящики. Ящики служили очень удобным местом для хра-

нения газет, журналов и брошюр. Литературу для распространения кружок закупал «оптом».

За ящиками почти ежедневно происходили у нас читка и разбор большевистских, меньшевистских и эсеровских газет. Мы выявляли наши идейные и тактические расхождения с меньшевиками и эсерами, критиковали их направления. Так выковывались большевики-правдисты «Треугольника». Наш кружок играл руководящую политико-воспитательную роль как в галошном отделении, так и по всему заводу». (Воспоминания М. Г. Приезжинского.)

Так сорганизовалась на заводе крепкая большевистская группа, объединившая большевиков всех мастерских и сыгравшая выдающуюся роль в жизни завода за 1913—1914 гг.

Кружок разъяснял массам рабочих смысл страховой кампании. Под руководством большевиков рабочие начали готовиться ко вторым выборам.

Хозяева через преданных им людей делали все, чтобы и на этот раз сорвать подготовку к выборам. Анархисты распространили на заводе листовку с призывом бойкотировать вторичные выборы. Но основная рабочая часть шла теперь уже за большевиками. 10 месяцев борьбы научили их многому!

Выборы уполномоченных в больничную кассу состоялись 28 ноября. Накануне — 26 и 27 ноября — большевики провели после работы явочные митинги во дворе фабрики. С речами выступали П. Дмитриев от галошных мастерских и другие большевики, выступили передовые, авторитетные в массе рабочие. По мастерским были пущены списки кандидатов, — в результате почти везде выбранными оказались большевики и им сочувствующие. Участвовало в выборах более 6 тыс. человек. Выбрано было 87 уполномоченных.

Перед выборами правления больничной кассы большевики-уполномоченные, человек тридцать, собрались в трактире и провели «немое» собрание; записками наметили кандида-

Первое правление больничной кассы «Треугольника» (в 1914 г.). Слева направо: И. Сахарко, П. Андреев, М. Г. Приезжинский, В. Попов, М. Соколович, А. Филиппов.

тов в члены правления. В правление прошли большевики: М. Приезжинский, М. Соколович, И. Андреев, В. Ионов и А. Филиппов и эсер И. Сахарко — членами правления, Варя Егорова, Я. Веселов, А. Николаев, И. Александров, И. Новицкий и Тетеревов — кандидатами.

В ревизионную комиссию, которая была избрана позднее, вошли исключительно большевики и сочувствующие им: Н. Дмитриев (председатель), Л. Емельянов, Д. Соловьев, А. Орлов и др.

«Наша предварительная «спевка» поразила Никеля, Адамовича, Серка и других «назначенцев», вошедших в правление больничной кассы от дирекции. По закону, на собраниях уполномоченных они располагали двумя третями голосов от всех присутствующих, и, не будь среди нас такой спайки, — малейшая разногласица и несогласованность дали бы возможность назначенцам собрать большинство голосов и подобрать рабочий состав правления из «своих» людей» (М. Приезжинский).

Администрация и мастера, потерпев с выборами поражение, начали травлю активных работников из уполномоченных и членов правления. Их переводили на тяжелые и грязные работы, усиленно штрафовали и т. д. Кандидат в члены правления Лука Веселов не выдержал преследований. 20 декабря на Л. Веселова наскочил подмастерье Турбаев, и Веселов, издерганный травлей, избил Турбаева гаечным ключом. На помощь Турбаеву кинулись мастера Зоммер и «старшой» Соловьев. Л. Веселов избил и их.

Веселов получил за это два года тюрьмы, с лишением прав.

Преследования работников больничной кассы заставили их сплотиться еще крепче и действовать осмотрительно, чтобы не дать поводов для провокации.

И рабочая часть первого правления больничной кассы держалась всегда настолько дружно, что большевикам удавалось проводить свои решения. Решения предварительно

подготовлялись на фракции. А фракция при больничной кассе фактически сделалась общезаводским большевистским центром.

Большевики добились того, что правление больничной кассы разместилось не в стенах завода, а в доме рядом с заводом. И, выйдя с кассой из-под надзора хозяйских шпиков, они стали приглашать на работу в кассу в качестве служащих (секретаря, кассира и т. д.) большевиков, рекомендованных Петербургским комитетом. Первым секретарем больничной кассы был приглашен Ш. З. Элиава, только что возвратившийся в Петербург из ссылки. Через Ш. Элиаву Петербургский комитет большевиков направил в больничную кассу «Треугольника» еще ряд видных партийных работников.

Все это укрепило большевистскую группу на заводе, она завоевала прочный авторитет в массе, и трагические события марта 1914 г., когда «Треугольник» оказался в центре политической жизни всей страны, не застали врасплох большевиков завода.

12, 13 и 14 марта 1914 г. на «Треугольнике» произошли массовые отравления работниц. Вот как это произошло.

12 марта галошницы, явившись на фабрику, как обычно, получили мазь. В этот день администрация заготовила новую мазь, по «новому рецепту». Приступили к работе. И тут помещение наполнилось тяжелыми зловонными испарениями. Работницы начали падать, теряя сознание.

«Нельзя себе представить той адской картины, которая развернулась перед глазами очевидцев. Галошницы падали под ряд между столами, разбиваясь о железные рамки и чугунные колодки. Раздавались нечеловеческие, дикие, душу раздирающие крики и стоны. Куда ни посмотришь, везде галошницы корчатся в судорогах, с искаженными посинелыми лицами... Принеся в амбулаторию, их прямо клали на холодный плитняк, как дрова, и когда оказалось, что на

полу нет места, то больных стали отсылать в столовую... В амбулатории им совали нашатырку, поливали холодной водой, и, если оказывалось, что больная пришла в себя, ее просто выпроваживали за ворота, выражаясь так: «если за воротами упадет, то там городовой подберет»...» — так описана была картина отравления 12 марта в большевистской газете «Путь правды»[1] (№ 35 от 13 марта).

Большевистская фракция Государственной Думы внесла запрос министру торговли и промышленности. Член большевистской фракции Думы А. Е. Бадаев приезжал на фабрику, но его не допустили в цеха. Он выступил в газете «Путь правды» с большой разоблачающей статьей (напечатана 13 марта).

На следующий день, 13 марта, работницы по запаху почувствовали, что им опять выдают новую мазь, и стали отказываться ее брать.

— Пустяки, привыкнете... — отвечали мастера.

Снова произошло массовое отравление.

Работниц охватила паника. Многие побросали работу, кинулись бежать. Мастера и техники стали задерживать работниц, запирали выходы, не выдавали одежду.

Большевики Н. Н. Дмитриев, М. Г. Приезжинский, А. Чижов, Варя Апреликова, Анна Лаврова, Архипов, Степанов и другие — бегали по мастерским, останавливали работу и выгоняли из отравленного помещения работниц, которые, боясь мастеров, еще не осмеливались уйти сами.

В мастерские явилась администрация — Гейнц, Бекман, Наук. Вместе с ними шел фабричный инспектор Схольэнгбертс. Инспектор равнодушно осматривался и не предпринимал ничего.

---

[1] «Правда» подвергалась постоянным преследованиям цензуры, ее закрывали, но она снова возрождалась, последовательно меняя названия: «Правда», «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда».

Группа старых галошниц, пострадавших от отравления в марте 1914 года.

Видя, что распоряжений от инспектора ждать не приходится, — группа большевиков и энергичных работниц взломала рамы.

Дмитриев потребовал, чтобы немедленно распустили рабочих.

— Ты что — директор, здесь хозяйничаешь? — закричал Гейнц.

— Я директор своей жизни. И прошу не кричать на меня, а то если я крикну, то меня скорее услышат...

Схоль-Энгбертс напомнил Гейнцу, что Дмитриев — председатель ревизионной комиссии больничной кассы и что его действительно знают все рабочие.

Администрация вынуждена была распустить рабочих. Дмитриева под охраной провели в амбулаторию и выпроводили с завода «как больного».

Дмитриев и в самом деле едва держался на ногах. Оправившись на воздухе, он попытался вернуться на завод, но его не пустили и ему пришлось пробираться через другую проходную. Так же выпроводили большевика А. Чижова.

В донесениях мастеров и техников за эти дни настойчиво подчеркивается роль актива большевиков в остановке работы на заводе, много раз упоминаются имена «агитаторов» Дмитриева и Приезжинского, которых по больничной кассе знала администрация всех цехов. Называются в донесениях еще фамилии «предводителей» — Анны Лавровой, галошницы, и Ивана Самохвалова.

Имен остальных «подстрекателей» мастерам и техникам узнать не удалось, и они называют их безлично: «кучки неизвестных рабочих», «рабочие из других мастерских», «чужие рабочие».

К концу дня были остановлены все мастерские на обоих галошных заводах. Тысячи рабочих и работниц столпились на фабричном дворе.

К «Треугольнику», услышав об отравлении, начали стекаться родные и рабочие с других предприятий. Скоро

Старые галошницы — М. Н. Солдатенкова, В. П. Жукова (поступила на завод 9 лет).

Обводный канал запрудила огромная толпа. Возбуждение нарастало, раздавались негодующие выкрики:

— Палачи!

— Кровопийцы!

— Изверги!

А из ворот выносили и выводили под руки все новых и новых пострадавших.

Многие уже успели прочитать свежий номер газеты «Путь правды» со статьей А. Бадаева и сообщением об отравлениях. Большевики распространили прокламацию, экстренно отпечатанную Петербургским Комитетом РСДРП:

«Товарищи рабочие и работницы «Треугольника». В то время как в Государственной думе забрызганные народной кровью министры бесстыдной клеветой и ложью старались оправдать ленскую бойню, жадные заправилы фабрики «Треугольник» в угоду своему бездонному карману учинили над вами страшное злодеяние... Капиталисты, твердо надеясь на поддержку уже избивших и разгонявших вас царских слуг — стражников, городовых и полицейских, решили, что им можно пить рабочую кровь, как воду...

Товарищи рабочие и работницы! На этот заговор против вас кровавого правительства и капиталистов ответьте *организацией* всех ваших сил и дружной борьбой.

Пусть избранный вами стачечный комитет под руководством Нарвского районного и Петербургского Комитета РСДРП обсудит все условия борьбы, выработает общие требования, ведет переговоры с администрацией, правильно осведомляет о ходе стачки рабочую газету, устраивает и проводит собрания, организует стачечный фонд, расставляет посты, проводит бойкот штрейкбрехеров и сносится со всеми рабочими организациями Петербурга и РСДР фракцией Государственной Думы. Пусть все рабочие «Треугольника», как один человек, сплотятся вокруг своего революционного стачечного комитета и покажут свою силу обнаглевшим эксплоататорам.

Да здравствует революционный стачечный комитет и дружная стачка рабочих «Треугольника»!

Да здравствует великая русская революция!

Да здравствует РСДР Партия!..»

Большевики тут же сорганизовали митинг, но в это время появилась полиция, вызванная дирекцией, и принялась разгонять рабочих.

Рабочие не отступили. Завязалась схватка с полицией. Полицейскому полковнику Пчелину рабочие разбили кирпичом голову и ранили одного городового.

Пчелин упал на мостовую. Полицейские остановили проезжавшую мимо конку и уложили в нее Пчелина. Масса была так возбуждена, что в конку полетели кирпичи, в ней выбили все стекла.

Большевистская группа «Треугольника», направляемая Петербургским Комитетом, редакцией «Путь правды» и фракцией Думы, в тот же день, 13 марта, разработала план проведения стачки на заводе. Стачку назначили на 14 марта.

14 марта, ровно в 11 часов, когда все рабочие были на фабрике, группа товарищей, во главе с большевиком А. Чижовым, проникла в кочегарку. Загудел гудок, призывая бастовать. К этому времени на заводе № 1 опять уже были отравления среди работниц.

Большевики, разбившись на группы, обошли мастерские. Фабрика стала.

— А вы что бастуете, у вас же мази нет? — отговаривали мастера шинников, слесарей, столяров.

— За товарищей бастуем.

Рабочие снова собрались на заводском дворе. Снова пришло много товарищей с Путиловского, Балтийского, Франко-русского и других заводов.

Начался митинг. Ораторы, держась за фонарные столбы, призывали:

— Бастовать!

Неожиданно из-под арки ворвалась конная полиция. Ее

встретили камнями и быстро обратили в бегство. Командовавший городовыми подполковник Сакович, с пробитой головой, едва успел убраться. Был ранен и избит полицейский надзиратель. На помощь явилась конная жандармерия и рота полицейских. «При рассеянии толпы конные городовые частью обнажили шашки, а частью употребили в дело нагайки» — сообщал полковник Попов министру.

Рабочие, отступая, ранили камнями шестерых жандармов. У многих в памяти запечатлелась такая сцена: молодой паренек бросился вплавь через Обводный и перебрался на тот берег, весь испачкавшись вонючей жижей и грязью. На том берегу его изрядно «согрели» нагайками конные городовые. Любителей принять в канале мартовскую ванну больше не нашлось. Очевидцы так и не узнали фамилии паренька. Это был молодой рабочий с Франко-русского завода (теперь им. Марти) — Н. И. Васильев. При любой фантазии нельзя было предсказать, что этот самый Васильев, Наум Иванович, ровно через двадцать лет будет... директором «Красного треугольника». Ему было в то время восемнадцать лет, но он был активным работником союза металлистов и распространял «Правду».

Полиция начала окружать рабочих со всех сторон. Тысячи две оказались в ловушке около дома Орлова, рядом с заводом. С обоих концов их теснили конные. Рабочие кинулись во двор, заперли ворота. Дом превратился в осажденную крепость. Работницы и рабочие, поднявшись в квартиры, начали отбиваться от жандармов и полиции. Из окон полетели горшки, камни, поленья, выплескивали на жандармов кипяток.

Жандармы оцепили дом. Но было уже темно. Воспользовавшись этим, осажденные по подставным лестницам перебрались через заборы в соседние дворы и разошлись. Благодаря исключительной организованности и мужеству рабочих и работниц, смело боровшихся с полицией, никто из осажденных не пострадал.

Под руководством большевиков работницы и рабочие «Треугольника» в мартовские дни 1914 г., накануне империалистической войны, в организованной, ожесточенной борьбе с капиталом и царизмом показали уже высокую степень классовой солидарности.

Руководителей стачки — большевиков — администрация арестовать не решилась, хотя за эти дни было арестовано и посажено на срок от 1 месяца до 1 года 17 человек рабочих и работниц «Треугольника».

События на «Треугольнике» вызвали в рядах пролетариата горячий отклик по всей стране. По призыву Петербургского комитета большевиков ряд заводов Петербурга 17 марта объявил однодневную забастовку солидарности — в знак протеста против отравлений на «Треугольнике». Во главе шли путиловцы, затем балтийцы, судостроительная верфь Путиловского завода. Двадцать семь тысяч не работало 17 марта.

В газету «Путь правды» поступали десятки резолюций протеста против отравлений и против гнусной провокации хозяев «Треугольника», черносотенной прессы, всей контрреволюции.

В движение пришли не только рабочие Питера, но и всех крупных промышленных центров.

После боевых выступлений большевистского «Пути правды» вынуждены были писать об отравлениях и буржуазные газеты. «Замять дело» было уже нельзя.

И вот начинаются различные «догадки» о причинах отравления. Первые «объяснения» сделали мастера и мастерицы.

— Сами чего-нибудь подсыпали в мазь, — говорил техник Бекман. Он постарел, этот «мирской бычок», меньше гонялся за хорошенькими галошницами, зато предался новой страсти — шпионить, выискивать «смутьянов».

— Нарочно падают: работать не хотят, — так заключил другой техник, Манкевич.

— Это от великопостной пищи,—издевался мастер Липкевич.

Администрация заявила представителям печати, а газета «Биржевые ведомости» напечатала, что «в чашки с бензином был подсыпан какой-нибудь яд, чтобы заставить работниц прекратить работу», так как до сих пор «работницы неохотно отзывались на призыв к забастовкам».

— Мужики хотели, чтобы вы бастовали — вот и подсыпали вам, — внушали работницам некоторые мастерицы.

Техник Келлер, немец, облазил все уборные, выискивая следы действия «отравителей»...

Начальник петербургского охранного отделения полковник Попов писал 14 марта министру внутренних дел в секретной записке: «Возникает предположение, что причина отравления лежит вне раствора. Возможно, что эффект отравления произведен кем-либо из рабочих искусственно, с целью вызвать беспорядки».

А через несколько дней эту наскоро состряпанную «версию» подхватили «господа народные представители». Черносотенец Н. Е. Марков-второй загремел с трибуны Таврического: «Работницы отказались бастовать, и их теперь травят революционные организации путем химической обструкции!»

Другой черносотенец, всероссийский хулиган и погромщик В. М. Пуришкевич, заявил: «Это есть специальное несомненное отравление, с целью заставить взбудоражиться и взбунтоваться эти заводы (Речь идет о фабриках «Треугольник», «Проводник», «Лаферм» и др. *Б. Ш.*) ... и так как это преступление не имеет себе названия и так как это преступление колеблет основы государственного порядка, то этих господ (ж е с т в с т о р о н у л е в ы х) надо судить по законам военного времени и повесить...»

Газета «Земщина», отбросив «догадки», авансом развертывала погромную травлю: «Полицейским расследованием установлено, что среди вожаков подпольных организаций организовался «комитет отравителей»...»

«Шутка» Бекмана превратилась не только в клевету, ко-

торую подхватили и принялись смаковать на разные лады все столичные и провинциальные монархические и буржуазные газеты, но и в политическое орудие преследования большевиков. Разбойники с Обводного неожиданно получили поддержку, на которую они вряд ли даже рассчитывали. Это сделало их дальнейшее поведение исключительно наглым и циничным.

Дирекция решила закрыть завод на два дня «в виду сложившихся обстоятельств при производстве работ...»

«При этом правление считает нужным заявить, — говорилось в объявлении, что, если наблюдавшиеся на заводах 12, 13 и 14 марта явления не прекратятся, то правление будет вынуждено закрыть завод на неопределенное время. Т-во «Треугольник» — Наук, Цулауф».

15 и 16 марта «Резиновая мануфактура» не работала. 17-го и 18-го снова отравилась 201 работница (по данным доктора Ламанна, несомненно преуменьшенным). И после обеда 18-го рабочие отказались встать на работу.

На другой день, 19-го, дирекция объявила завод закрытым на неопределенное время, «так как явления, наблюдавшиеся 12, 13 и 14 марта, не прекратились». А через восемь дней, 27 марта, дирекция объявила, что она расторгает договор о найме и дает расчет всем рабочим.

Тринадцать тысяч человек оказались выброшенными на улицу...

Дирекция заявила, что и все уполномоченные от рабочих в больничную кассу, как уволенные с завода, механически выбывают из правления кассы.

Кассу захватили в свои руки хозяйские назначенцы.

Таким образом в самый тяжелый момент, момент локаута, рабочие оказались лишенными пособий, которые выдавала больничная касса.

Большинство уполномоченных в больничную кассу и почти все представители от рабочих в правлении кассы были большевики. Рабочая часть правления кассы являлась фак-

тически общезаводским партийным комитетом и руководила политической жизнью рабочих. Отстранив рабочих представителей от больничной кассы, дирекция намеревалась уничтожить большевистский руководящий центр на фабрике.

Но деятельность большевиков еще более развернулась.

Со всех концов России — из Москвы, Риги, Иванова, Баку и других городов — начали поступать отчисления в помощь выброшенным с завода треугольниковским рабочим. Деньги шли на имя большевистской фракции Думы.

Приезжинский, Дмитриев, Чижов, Филиппов и другие товарищи из больничной кассы раздавали эти средства наиболее нуждавшимся рабочим у себя на квартирах. К Приезжинскому приходили по 100—150 чел. в день. Всего было получено и роздано рабочим свыше 6 тыс. руб.

Таким образом большевики организованно провели рабочих «Треугольника» через все испытания от первого до последнего дня забастовки.

Локаут затянулся почти на месяц — до 14 апреля. Средства для помощи рабочим были исчерпаны.

Рабочие голодали, но не сдавались.

Несли потери от прекращения работ и треугольниковские воротилы. И 14 апреля администрация объявила о новом наборе рабочих. Набор производился, разумеется, через фильтр полиции и шпиков. На завод не были допущены: все члены правления и большинство уполномоченных больничной кассы, все «замеченные» мастерами и шпиками, все *больные и старые* — всего около 800 человек. Некоторые из рабочих после объявления локаута предъявили хозяевам иск об оплате за две недели: фабрика была закрыта без предупреждения не по вине рабочих, и даже по царскому закону рабочие имели право на возмещение.

Не приняли на работу и этих «неспокойных» рабочих.

В чем же были *действительные* причины массового отравления работниц «Треугольника»?

Массовое отравление не явилось случайностью. Здесь придется вспомнить о борьбе, разгоревшейся между «королями» галошного рынка. Дело в том, что к 1908 г. «Проводник» достаточно окреп, чтобы начать серьезно конкурировать с «Треугольником» и на внутреннем и на внешнем рынке (в Германии и Франции).

Синдикатское соглашение «Треугольника» с «Проводником» (1907 г.) не приостановило борьбы между ними. Больше четырех лет продолжалась «мирная война» и подсиживание друг друга. В 1911 г. кончился срок синдикатского соглашения, и снова разгорелась открытая борьба двух крупных резиновых фирм. Все преимущества были безусловно за «Треугольником». Он сам и пошел на разрыв — еще до окончания срока соглашения. В отчете «Треугольника» за 1911 г. говорится:

«Правление стоит на точке зрения несостоятельности нашего сейчас объединения с «Проводником»... Галош все равно нехватает, и вопрос о рынке объединением не разрешается». Отмечая, что «Треугольник» получил за 1911 г. 8 млн. прибыли, правление признает, что как конкурент «Проводник» не опасен: «...самое худшее, что могло бы с нами произойти, — это потеря 5% дивиденда».

Но «Треугольник», вступив с 1911 г. в открытую борьбу с «Проводником», решил, что и 5% дивиденда — деньги, и их терять нечего!

И вот обе компании капиталистов — «Треугольник» и «Проводник» — начинают состязаться в удешевлении галош.

В начале марта 1914 г. «Проводник» перевел клейку галош на дешевый неочищенный бензин.

Испарениями этого бензина отравились несколько десятков работниц. Но владельцы «Проводника» ухитрились до поры до времени замять это дело.

«Треугольник» пронюхал, что конкурент его — «Проводник» — начинает давать галоши дешевле. И 12 марта тоже пустил в работу мазь на сыром, неочищенном бензине...

«Капиталистическая эксплоатация пролетариата всегда и при всех условиях имеет тенденцию принимать такие формы, единственной границей которых является физическое вырождение и смерть рабочего». (Из запроса об отравлениях, внесенного большевистской фракцией в IV Государственную Думу.)

По запросу думской фракции большевиков правительство вынуждено было назначить комиссию для расследования причин отравления на «Треугольнике». Однако царские чиновники постарались сделать все, что было в их силах, чтобы помочь треугольниковским тузам «выпутаться».

В комиссию правительство не включило ни одного представителя от рабочих.

Зато в нее вошли: управляющий отделом промышленности из министерства торговли и промышленности В. П. Литвинов-Фалинский (председатель комиссии), полицейский врач Нарвской части, полицмейстер Григорьев, фабричный инспектор Схоль-Энгбертс и др., — заклятые враги рабочих, постоянно получавшие крупные взятки от правления «Треугольника».

Хозяева не могли и мечтать о лучшем составе комиссии!

14 марта комиссия прибыла на завод. Первое, что она сделала, — это пересмотрела регистрацию пострадавших: в полицейских донесениях говорилось, что за 12—14 марта пострадало 580 чел. Комиссия В. П. Литвинова-Фалинского объявила эту цифру «преувеличенной» и отметила в своем протоколе — «200 человек».

За пять дней — 12, 13, 14, 17 и 18 марта — фактически пострадало от отравления более 1000 чел.

Что стоит вся фабричная и полицейская статистика, — мы уже видели при разборе увечий. Хозяева «Треугольника» и власти сделали все, чтобы замести следы преступления.

Литвинов-Фалинский отметил в протоколе комиссии, что смертных случаев не было, то же утверждал и Ламанн в докладе правлению от 31 марта.

Но это грубая ложь. Умерла сестра Марии Титкович. Умерла от скоротечной чахотки, вызванной отравлением, жена М. Призжинского. У М. П. Солдатенковой от сильной рвоты произошли преждевременные роды на седьмом месяце беременности, мальчик родился живым, но его рвало той же самой зеленью, что и мать, и через несколько часов он умер.

Невозможно учесть всех последствий отравления. Десятки погибли, сотни работниц на всю жизнь остались искалеченными, на здоровье тысяч сказались эти отравления.

Позаседав на фабрике, в директорском кабинете, комиссия сформулировала «выводы». Отметили туманно и двусмысленно, что причиной отравлений «могло быть вдыхание паров бензина», и тут же поддержали «версию» о «комитете подпольных отравителей».

Но откровенно вписать в протокол эту гнусную погромную клевету комиссия не решилась. И сделала это в виде намека, достаточно прозрачного: «не исключена возможность влияния и *других причин*, которые не могли быть выяснены настоящим осмотром», — записала комиссия.

Лазейки, оставленные Литвиновым-Фалинским для хозяев «Треугольника», те впоследствии широко использовали.

Черносотенная и буржуазная печать тем временем «обыгрывала» версию о «массовом психозе» и о «массовой истерии» галошниц. Пострадавших работниц они стали сравнивать с истерическими институтками и монашками. Царское правительство и чиновники, буржуазная печать и полиция, мастера и техники, заводские врачи и фабричная инспекция, химики и психиатры, — все спешили выступить прямо или в прикрытой форме против рабочей массы.

Все ополчились на работниц.

Так, например, профессор Психо-неврологического института, доктор медицины, действительный статский советник П. Розенбах заявил, «полемизируя» с прессой, что массо-

вая истерия невозможна, но тут же подчеркнул: источник отравления не бензин, а «*привнесен извне*».

И лишь на страницах газеты «Путь правды» и в замечательной речи А. Бадаева, которую он произнес в Думе 19 марта, были полностью раскрыты истинные причины отравления на «Резиновой».

««Комитет» несомненно существовал и существует», — писала большевистская газета 20 марта о «комитете отравителей», — только искать его надо не среди рабочих. Его надо искать среди тех,

1) кто дал рабочим неочищенный бензин,
2) кто заставляет их работать в удушливой атмосфере,
3) кто непосильной работой, длинным рабочим днем и низкой заработной платой истощил организм рабочих,
4) кто непрестанным преследованием рабочих организаций, рабочей печати и т. д. и т. д. создавал среди рабочих «*повышенное нервное состояние*»...»

А т. Бадаев с думской трибуны, через головы «господ народных представителей», сидевших в Думе помещиков, фабрикантов, черносотенцев и царских сатрапов в мундирах, — бросил рабочему классу слова боевого призыва:

«Господа члены Государственной думы! Что случилось в Риге, в Петербурге на Обводном канале и в некоторых других фабриках и заводах — есть не случайность. Для того чтобы капитал приносил прибыль, он должен пожирать время, труд, здоровье и жизнь рабочих...

В Петербурге на резиновой мануфактуре «Треугольник» ежедневно таких отравлений случалось от трех до пяти. Я говорю — ежедневно, а больных, которые теряли трудоспособность, ежедневно на этой фабрике случалось от 75 до 90 в среднем. Там, господа, 13 000 рабочих работает, и однакоже не имеется больницы.

И вот, господа, представитель правительства здесь отвечал нам; однако он вам ни одним словом не обмолвился, в каких условиях рабочие работают в Петербурге и Риге

на этих фабриках, где произошли эти отравления. Я собственными глазами видел среднюю заработную плату этих работниц на резиновой фабрике — 43 копейки в среднем. Господа, за эти 43 копейки нужно не только самому кормиться, но нужно еще и семью кормить. Посудите сами, господа, хотя вы и не являетесь представителями народа, ну, как можно за 43 копейки жить в Петербурге при такой дороговизне и т. д., когда рабочий должен при теперешних условиях получать не меньше 3 рублей. Однако эти 13 000 работают в таких условиях.

И вот, господа, все эти случаи, которыми переполнены за последнее время все газеты, о чем они говорят? Они нам говорят, господа, что рабочий класс в России отдан в полное распоряжение капитала, который делает над ним все, что только захочет, никому не подчиняется, нет над ним никакой управы, никакого закона...

И, кроме того, господа, у всех этих господ, начиная от самого мелкого чиновника, как мастер, — есть одна отговорка: достаточно только сослаться... (Голос слева: «Но не всеми разделяется». Смех... Председатель: «Прошу не смеяться») ...на политику забастовки. Будет ли это отравление, будет ли это обвал, будет ли это взрыв, все равно, достаточно сослаться на забастовку и политику, все будет шито-крыто. Но, господа, вы правы в этом случае. Политика в России есть, была и будет, и ничем вы ее не искорените. И вот почему: потому, что рабочий класс умеет смотреть и думать, как над нуждой его надругаются, как его требования попираются. Он видит хорошо, как государственная машина работает на защиту капитала...

Прошли те времена, когда можно было полсотни казаков поставить на завод, и фабриканты орудовали так, как они этого хотели сами.

Председатель. О казаках нет надобности говорить: их не было.

Бадаев. Рабочий класс хорошо понимает, как против

него все круговой порукой связались, — только против рабочих. Тут нетрудно рабочим понять, что тут нужно рубить по корню, а веточками не общиплешь... Рабочий класс не крепостной, он не позволит, чтобы вы над ним издевались...

Председатель. Член Государственной думы Бадаев, никто не издевается в Государственной думе над рабочим классом. Я призываю вас вторично к порядку, прошу вас подобных выражений не употреблять, иначе я буду вынужден прибегнуть к суровой мере. (Рукоплескания в центре.)

Бадаев. ...Он не позволит, чтобы его товарищей сотнями отравляли, чтобы его товарищей хоронили под развалинами обвалов и взрывов всякого рода. Он хорошо знает, что это будет продолжаться до тех, пока будут писать законы господа, выбранные по закону 3 июня; он хорошо знает, что до тех пор это будет продолжаться, пока этот закон будут исполнять господа дворяне и те наемные опричники, казаки... (Шум справа.)

Председатель. Член государственной думы Бадаев, я вас лишаю слова». (А. Е. Бадаев. Большевики в Государственной думе. ГИЗ. 1930 г., стр. 242—246.)

Вот какими мужественными словами разговаривала партия большевиков с рабочим классом через головы черносотенной Думы! Вот как умела она разоблачать и показывать массе, что дело не в одном случае, а дело в системе, дело в режиме царской России. Это был боевой призыв к борьбе против капитализма, против самодержавия, против самой Думы, трибуну которой большевики сумели превратить в место агитации.

Рабочий класс к 1914 г. имел за собой не только опыт первой революции, но и богатейший опыт борьбы послереволюционных лет.

В годы подъема большевизм одержал ряд крупных побед и стал знаменем подавляющего большинства рабочих.

Дело об отравлении вступило в новую фазу. Семьсот человек рабочих, пострадавших от отравлений, предъявили иск

к хозяевам «Треугольника». Исковую кампанию большевики повели так: иск подавал каждый отдельно — на сумму не свыше 100 руб. (чтобы дело разбирал мировой суд: дела на сумму свыше 100 руб. ему уже были не подсудны).

На разбор дела по четырем первым исковым заявлениям собрались сотни рабочих. Защищали дело перед судом большевики Н. Н. Крестинский, Венгеров. Присутствовали депутаты Думы А. Е. Бадаев и Ф. Н. Самойлов.

Но официального ответчика со стороны администрации на суде не оказалось. Со стороны правления были только свидетели: Бекман, Швальбе, Гейнц, Линкевич, Коткас, Лявданский. Они вели себя подло и гнусно.

С привычной развязностью лгал доктор Ламаш: причиной отравления является «какой-то неизвестный мне яд... В галошных мастерских на моей памяти массовых заболеваний не наблюдалось... (они) отходят в область предания... За последние полтора года не только не наблюдалось множественного «угорания», но не было и единичных случаев».

На суде на сторону рабочих встал проф. В. М. Бехтерев, который без обиняков заявил, что причина отравлений — в ядовитых испарениях бензина, — чем авторитетно поддержал свидетельские показания работниц и рабочих «Треугольника». Ложь представителей администрации была настолько очевидна, что суд вынес решение в пользу рабочих и предложил администрации уплатить рабочим по искам. Членов Государственной думы — большевиков Бадаева и Самойлова рабочие вынесли из здания суда на руках...

Это была крупнейшая победа большевиков, возглавлявших исковую кампанию.

Администрация не явилась на суд умышленно. Она подала апелляцию на решение суда и *встречный иск к рабочим на взыскание* «по 101 руб. с человека за убытки, причиненные рабочими Товариществу».

Мировой суд в иске дирекции отказал. Дирекция подала иск в мировой съезд. Отказал и мировой съезд. Дело ушло

в сенат... Решили во что бы то ни стало сорвать с рабочих «за убытки». Ведь за этот «несчастный» 1914 год «Треугольник» получил только 12,6 млн. прибыли...

Тут подошла мировая война. Многие из пострадавших попали под мобилизацию. Приезжинский, Дмитриев, Соколович и еще ряд активистов были арестованы и высланы из Петербурга. Захлестнули новые дела и заботы.

Между тем вокруг отравления на «Треугольнике» состряпали уже новую версию: работниц травили... немецкие шпионы, пробуя удушливые газы. И немца-техника Келлера, того самого Келлера, который облазил в свое время все уборные фабрики, выискивая следы «комитета отравителей», делают шпионом. Эта глупость об «открытии шпиона» была тогда подхвачена «патриотическими» обывателями.

Дело по искам рабочих к хозяевам «Треугольника» запуталось в сенатских дебрях до Февральской революции 1917 г. Тогда уже совет старост от рабочих «Треугольника» постановил (в мае 1917 г.): заплатить всем пострадавшим от отравлений в 1914 г., как принятым, так и не принятым на фабрику. Дирекция не согласилась. При Временном правительстве были созданы примирительные камеры — для разбора конфликтов между рабочими и предпринимателями. Камера тоже затянула дело. А тут пришла пора расплачиваться *не только* за отравление...

В годы революционного подъема «Треугольник» выходит на широкую дорогу политической борьбы. «Правда» воспитывает партийную организацию завода и внедряет идеи большевиков в среду широкой массы рабочих «Треугольника». Накануне мировой войны треугольниковские рабочие оказываются в числе передовых отрядов славного питерского пролетариата, воспитанного великой партией Ленина — Сталина.

В массе рабочих «Резиновой мануфактуры» назревает готовность вступить в бой против самодержавия и капитализма.

Конец „треугольника“

Как только в 1914 г. началась война, — все германское стало вдруг ненавистным «истинно-русскому обществу». Началась травля немцев, немецкого языка... Прокатилась волна «патриотических» погромов.

Не забыли и о «Треугольнике». В газетах заговорили о «германском засилии в русской резиновой промышленности», о «немецком иге» и т. д.

Действительно, бо́льшая доля акций «Треугольника» принадлежала германским подданным. Почти пятую часть всех паев держало семейство Краузкопфов, купившее уже в Германии титул баронов. На шестьсот тысяч рублей паев было в руках у германских подданных Кирштейнов, родственников и однофамильцев российских Кирштейнов. Всех пайщиков — германских подданных — насчитывалось до сорока человек.

В печати начались «широкие разоблачения»:

«Товарищество Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», — писала 16 ноября 1914 г. газета «Утро России», — несмотря на свое громкое название, является почти чисто германским предприятием — не только по составу правления, совета и акционеров, но и по духу, царящему на фабрике и в отделениях этого Товарищества.

И вот этой-то фирме, по какому-то печальному недоразумению помещающей на своих произведениях государственные гербы и высокое звание поставщиков императорского двора, вверяется в настоящее ответственное для родины время оборудование нашей армии и флота».

Царское правительство издало закон о «секвестре» — и могло отобрать у подданных враждебной страны имущество и капиталы. Администрации «Треугольника» пришлось принимать срочные меры, чтобы выпутаться из неприятного положения.

Товарищество моментально отодвигает немцев на задний план и так перетасовывает все дела, что к ноябрю 1914 г. у германских подданных оказывается по книгам всего около 10% паев. Зато сразу неожиданно вырастает число паев у швейцарских и нидерландских «граждан», не говоря уже о русских: больше половины паевого капитала вдруг оказывается «истинно-русским».

В совете правления товарищества не было ни одной русской фамилии, и во главе совета стоял Краузкопф. Теперь он исчез, на его месте появился М. О. Плотников — из Петербургского учетно-ссудного банка. Из директоров исчез Наук, а в ревизионной комиссии стали преобладать вполне приятные для патриотического уха фамилии: И. П. Калугин, П. А. Попов... народишка мелочь — 50, 80, 200, от силы — 300 сторублевых акций имели эти Поповы и Калугины. Можно было посадить в администрацию пайщиков и посолиднее. Были, например, на виду: П. П. Умнов — 3000 акций, В. А. Романова — 1000 акций, Я. П. Утин — 2500 акций, Б. С. Харитонов — 1000 акций, и т. д., — но тут, для комбинации, требовались подставные фигуры, и мелкая сошка оказывалась даже удобнее.

Ф. Ф. Краузкопф, сын основателя и глава «Резиновой мануфактуры», имел перед войной 350 тыс. акций на $3^1/_2$ млн. руб. К ноябрю 1914 г. он исчез не только из председателей совета, но и... из списка акционеров. Он не умер, не про-

играла, не сменил фамилию, — он всего только передал свои акции банкам или перевел на других лиц — не германских подданных, не потеряв при этом ни копейки доходов.[1]

Были пущены в ход и другие способы избежать потери паев от секвестра. Вот, к примеру, справка о том, как переводились паи с фамилий немецких подданных на фамилии граждан так называемых «нейтральных» государств:

«На основании свидетельства, выданного Городским управлением в Лозанне, из коего видно, что германская подданная баронесса Матильда фон Краузкопф, по заключении брака с Альфредом Мегро, состоявшегося 2 (15) июля 1914 г. в городе Франкфурте-на-Майне, принята в число швейцарских граждан, — сии паи принадлежат швейцарской гражданке Матильде Мегро — всего 409 паев.[2] 14 июля 1915 г.».

И баронессы фон Краузкопф больше нет в списках пайщиков! Есть швейцарская гражданка Мегро.

Кто же после этого мог упрекнуть в Германии германских баронов Краузкопфов, что на их заводе, в России, изготовляются удушливые газы для германских солдат?

Классовые связи всегда оказывались прочнее национальных.

С каждым месяцем производство «Треугольника» принимало все больше военный, милитаризированный характер. Завод в войну непрерывно расширялся, создавал новые цехи и мастерские, набирал тысячи новых рабочих, — и все-таки едва успевал выполнять огромные заказы русского военного министерства.

[1] К этому времени товарищество уже начало вступать в тесную связь с банками. Именные тысячерублевые паи с 1913 г. стали заменяться сторублевыми «на предъявителя», то есть акциями. Акции по закону могли передаваться с рук на руки, когда и кому угодно. Эти безымянные акции, сданные банкам и переданные другим лицам, и послужили после начала войны «шапкой-невидимкой» как для Краузкопфа, так и для ряда других пайщиков — подданных Германии.

[2] То есть 409 тыс. руб.

Первый же год войны — 1914 год — принес владельцам «Треугольника» огромную прибыль — свыше 13 млн. руб.

Из этих прибылей акционеры тотчас отчислили 500 тыс. руб. «на пожертвования для нужд войны» и 25 тыс. руб. «для выдачи пожертвований, не относящихся непосредственно к нашим служащим и рабочим», то есть на взятки.

И травля «немецкого» «Треугольника» прекратилась... Миллионы все могут сделать!

В октябре 1915 г. товарищество «повергло к стопам его императорского величества на цели по усмотрению его императорского величества» 200 тыс. руб., за что «удостоилось высочайшей благодарности».

Из прибылей 1915 и 1916 гг. отчислено было для пожертвований на нужды войны 1 млн. и на взятки 60 тыс. руб. Товарищество организовало лазарет для раненых, построило за свой счет воздушный корабль. Ежемесячно отпускало 300 руб. «дамскому комитету» для пошивки кисетов «солдатикам», 2 тыс. ежемесячно выдавали «скобелевскому комитету» для «просветительной» работы на передовых позициях и т. д.

На военный заем 1916 г. товарищество «Треугольник» подписалось на 5 млн. руб., и царь «собственноручно начертать соизволил: «похвально».

Верховный главнокомандующий прислал товариществу благодарственную телеграмму за постройку аэростатного отделения. (Протокол совета товарищества 9 августа 1916 г.)

После всего этого кто в России мог посметь заподозрить или упрекнуть товарищество в недостатке «патриотизма»?

«Патриотизм» треугольниковских хозяев вполне окупался: они хорошо «зарабатывали» на войне. Перечень резиновых изделий для армии состоял из десятков названий. Чем дальше — тем больше их требовалось.

В то же время самые крупные конкуренты «Треугольника» — рижские заводы «Проводник» и «Каучук» — вынуждены были эвакуироваться: германские войска угрожали Риге. В июле — августе 1915 г. оба завода вывезли все имущество и оборудование вглубь России (Москва — Тушино, Переяславль-Залесский б. Владимирской губернии), работа этих заводов свернулась, и только к 1916 г. они успели возобновить производство, и то лишь частично.

Таким образом в разгар войны «Треугольник» оказывается, по существу, единственным поставщиком резиновых изделий для войны.

Основная продукция «Треугольника» — галоши — оттесняется на задний план.

Военные заказы приносят такие головокружительные барыши, что делать галоши становится уже просто «невыгодным».

По сведениям правления, в 1916 г. завод был загружен заказами военных ведомств на 86%.

«Треугольник» за годы войны выпустил 17 млн. штук противогазовых масок. На производстве их было занято до 3700 работниц, — почти четверть всей рабочей силы.

За три года завод выпустил 1 млн. 200 тыс. артиллерийских буферов.

Армия в массовом количестве потребовала автомобильные шины (камеры, покрышки). И завод в 1914 г. дает их 17,7 тыс. А за два последующих года поднимает производство шин в 7 раз — в 1916 г. дает уже 120 тыс. штук...

Ни военное ведомство, ни «Треугольник» не интересуются особенно качеством изделий для фронта. Армия проглатывает все и притом — бесследно...

Торговый оборот «Треугольника», вздувшийся от военных поставок, перевалил в 1916 г. за 185 млн. руб. «Цифры «Треугольника» положительно подавляют... Это какой-то «*фонтан миллионов*», — писали газеты.

Валовая прибыль «Треугольника» составляла:

в 1914 г.	13 309 000 руб.
» 1915 »	19 869 000 »
» 1916 »	29 737 000 »

Кровавый «фонтан» хлестал из самого сердца измученного и растерзанного войной народа.

Но какое дело было до этого Утеманам, Умновым, фан дер-Пальсам, Краузкопфам и «швейцарской гражданке» Матильде Мегро!

Ей, как и прочим пайщикам, в 1914 г. перевели из Петрограда по 250 руб. на каждую тысячерублевую акцию, в 1915 г. по 350 руб., в 1916 г. — по 400 руб.

Таков был дивиденд за годы войны.

За 1916 г. владельцы «Треугольника» разделили из прибылей 10 млн. 200 тыс. руб. и еще 9 млн. «подарили» себе в виде нового выпуска акций, увеличив паевой капитал до 30 млн.

Разжиревшему «Треугольнику» становится тесной площадка на Обводном. Товарищество покупает за 700 тыс. руб. большой участок земли под Ярославлем и ассигнует на постройку там нового завода 4 млн. руб.

Так кровь убитых и искалеченных на фронтах трудящихся собиралась в золотые потоки и била «фонтанами» миллионных прибылей в предприятиях капиталистов всего мира.

Что же им было не воевать «до победного конца»?..

Рабочему классу война принесла неисчислимые бедствия. Тысячи активных борцов за революцию были вырваны из рядов пролетариата и загнаны в ссылку, посажены в тюрьмы. В Сибирь загнали многих членов Петербургского Комитета и Центрального Комитета партии большевиков. Туда же была сослана и думская большевистская фракция. . .

Царское правительство под видом «единения всех сил перед врагом» разгромило большевистские газеты. Свиреп-

ствовала военная цензура. На фабриках и заводах открыто перетряхивали состав рабочих, — «подозрительных», лишая отсрочек, угоняли на фронт. Всякие протесты подавляли военной силой — «по законам военного времени».

Спасаясь от окопов, на предприятия хлынула мелкая буржуазия, внося в ряды пролетариата гнилость и разложение.

Меньшевики и социалисты-революционеры открыто перешли на сторону своей национальной буржуазии, призывая рабочий класс прекратить борьбу против самодержавия и капиталистов во имя борьбы с немецким империализмом.

И только партия большевиков не запятнала своих боевых знамен. Из глубокого подполья она продолжала руководить борьбой рабочего класса, объединяя пролетариат под ленинским лозунгом: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!»

Из всех легальных рабочих организаций уцелели лишь больничные кассы. Во время войны они стали играть еще бо́льшую роль, чем прежде: большевики, группируясь вокруг больничных касс, проводили массовую политическую работу.

На «Треугольнике», после отравлений в мартовские дни 1914 г., все большевики, представители от рабочих в правлении кассы, были убраны с завода, а Дмитриева и Призжинского жандармы в первые же дни войны выслали из Петербурга. Но в новый состав правления кассы рабочие избрали таких авторитетных большевиков, как Варя Егорова, Петр Смирнов и Л. Емельянов. Двое беспартийных в кассе также близко стояли к большевикам и всегда выступали заодно с ними.

Администрация имела в больничной кассе пять представителей, — лучших юристов, во главе с Адамовичем. Но так как дела в правлении решались простым большинством голосов, то почти всегда проходили предложения большевиков.

И большевики больничной кассы попрежнему стали со-

бирать вокруг кассы партийные силы. Невыборные должности кассы снова занимали товарищи, командированные Петроградским Комитетом.

Ш. З. Элиава, первый секретарь правления больничной кассы, работал в кассе больше года — до ареста (в ночь на 27 апреля 1915 г.). На его место Петроградский Комитет направил В. В. Куйбышева. Куйбышев за короткое время работы на «Треугольнике» успел проделать большую работу: он сплотил партийную организацию фабрики, наладил работу фракции, он воспитывал и закалял большевиков. 6 июня 1915 г. был арестован и В. Куйбышев. «Осиротели мы тогда без него» — вспоминала Варя Егорова.

Кроме них в разное время работали А. М. Плетнев (статистиком), Ипп. Ив. Рябков (делопроизводителем), Шура Малышева. Эти товарищи и руководили партийной работой на «Треугольнике».

Правление больничной кассы удержалось в руках большевиков до июня 1916 г.

Все вопросы тактики и работы на заводе большевики предварительно прорабатывали на собраниях ячейки при больничной кассе. В ячейку входил актив большевиков завода. Всех членов партии на заводе было всего около 20 чел. Но вокруг большевиков была значительная прослойка сочувствующих, на которых они и опирались в работе.

В больничную кассу «Треугольника» постоянно приезжали товарищи из кассы Путиловского завода, «Скорохода» и с других предприятий. Под видом информации по делам кассы осуществлялась партийная связь с другими организациями.

В отсутствие администрации в помещении кассы происходили совещания с делегатами других заводов и фабрик по вопросам партийной работы.

За кем шли основные массы фабрики в годы мировой войны? Это отчетливо выявилось на выборах в военно-промышленные комитеты.

В 1915 г. лидеры русской буржуазии (А. Коновалов и др.) попытались взять «новый курс» в борьбе с рабочим движением. Они предложили дать рабочему классу легальные профсоюзы, биржи труда, примирительные камеры, институт фабрично-заводских старост, чтобы столкнуть его на путь социал-оборончества и реформизма. Рабочие группы военно-промышленных комитетов, по замыслу буржуазии, должны были практически осуществить «организацию рабочего класса» для нужд империалистической войны.

Партия большевиков повела решительную борьбу против участия рабочих в военно-промышленных комитетах. Но выборную кампанию решила использовать в агитационных целях.

На «Треугольнике» выборы в комитеты были назначены на 18 сентября 1915 г. Большевики завода превратили выборное собрание в антивоенный митинг.

Собрание аплодировало большевикам, выступавшим против участия в военно-промышленных комитетах, и приняло большевистскую резолюцию с требованиями прекратить войну и амнистировать политических заключенных.

Так большевики пользовались каждой легальной возможностью, чтобы показать империалистский характер войны, разоблачить предательскую политику меньшевиков-оборонцев, пособников буржуазии.

Несмотря на зверские репрессии и расправы «по законам военного времени», революционное движение на заводе продолжалось, и передовые рабочие и работницы открыто выступали на борьбу под знаменем большевистской партии.

Жизнь все дорожала, продуктов нехватало, цены быстро поднимались, а «военные прибавки» к зарплате были ничтожными.

Эксплоатация усиливалась. На заводе работали день и ночь. Рабочих донимали сверхурочными работами, за которые выплачивали обычную плату. А отказываться было нельзя.

Галошниц целыми мастерскими перебрасывали «на маски». Приходилось заново квалифицироваться, а это вызывало

ПЕТРОГРАДЪ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

1916 г. **Карточка на сахаръ.** 1916 г.

Эта карточка, ограничивая потребленіе каждаго лица ТРЕМЯ фунтами въ мѣсяцъ, вмѣстѣ съ этимъ права на непремѣнное полученіе этого количества не закрѣпляетъ за нимъ, а даетъ ему возможность пріобрѣсти сахаръ въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ можетъ быть отпущенъ изъ общаго количества, поступившаго въ продажу.

1) При отпускѣ сахара отрѣзывается соотвѣтствующее число купоновъ текущаго мѣсяца.

2) Карточки выдаются безплатно, при утерѣ не возобновляются.

потерю заработка. Но и тем, что оставались на галошах, было не лучше: хозяева увеличивали для них норму выработки галош.

Администрация то-и-дело набирала новых работниц, расширяя военное производство, и в мастерских создавалась невыносимая теснота.

Массовое увеличение производства автошин шло не столько за счет механизации, сколько за счет напряжения мускульной силы рабочего. Рабочим пневматики приходилось ворочать руками чугунные формы по 12 пудов весом.

В меловых, где готовили смеси из серы, мела и свинцового глета, рабочие за один год становились инвалидами: отравлялись свинцом.

Падение реальной заработной платы, дороговизна, ухудшение условий труда, угроза солдатчины, высылки и аресты, все страдания и лишения, вызванные войной, толкали массу рабочих «Треугольника» к борьбе.

Империалистическая война явилась «могучим ускорителем» революции. В 1916 г. на заводе вспыхивают забастовки. Снова застрельщики — галошницы.

15 февраля 1916 г. забастовало 3 тыс. работниц. Забастовщики потребовали прибавки. Администрация поспешила удовлетворить рабочих: потеря каждого дня грозила теперь администрации огромными убытками. Увеличили заработок почти всем рабочим — от 10% и выше. Галошницам — вожакам забастовки — сделали прибавку в 30%.

Но это не удовлетворило забастовщиков. Они отказывались становиться на работу. 23—27 февраля к забастовке присоединился еще ряд мастерских.

Администрация, прервав переговоры с забастовщиками, объявила им расчет.

Работа в бастовавших мастерских возобновилась лишь 3 — 5 марта.

Это была первая забастовка на заводе во время войны. И хотя забастовка не захватила всего завода (бо́льшая часть мастерских работала), — она дала толчок к целой серии новых открытых выступлений рабочих.

16 июля полдня бастовали работницы хирургических мастерских («на починке масок»).

19 сентября забастовали работницы мастерской «натуральной резины». Забастовка не удалась — в тот же день работницы были рассчитаны.

23 ноября забастовали — в ответ на снижение расценок — 1932 работницы «отделения масок» (им снизили расценки с 15 коп. за маску до 10 коп.). Вызванная на другой день полиция не допустила на завод больше 300 работниц. Работницы кидали в полицию камнями. 26 ноября недопущенным к работе выдали расчет.

В массе быстро нарастало недовольство. Масса рабочих «Треугольника» переходила в наступление.

Правительство начало усиливать против рабочих репрессии.

В июне 1916 г. были арестованы почти все большевики — служащие больничной кассы «Треугольника». С завода за призыв к забастовке мазильщиц была уволена большевичка Варя Егорова.

Замеченных «в политике» рабочих призывных возрастов немедленно сдавали в солдаты.

Редели ряды большевиков на заводе.

Путем ряда провокаций дирекция завода добилась отставки большевистского правления больничной кассы. Центр большевистской работы на заводе был ликвидирован.

С июля 1916 г. больничную кассу забрали в свои руки хозяйские прихвостни. Из прежнего состава в правление прошел только один Н. Зотов.

Борьба рабочих «Треугольника» в годы войны — борьба за прибавки к зарплате, борьба за хлеб — тесно переплеталась с борьбой против самой войны, против самодержавия и капитализма. Эта борьба, шаг за шагом, подводила петербургских резинщиков к революции.

Восстанием рабочего класса и солдатских масс, начавшимся в Петрограде и дружно поддержанным затем рабочим классом и крестьянством всей страны, царская монархия в феврале 1917 г. была свергнута.

Победа Февральской революции, была «... осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии». (И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. X, стр. 88.) Двоевластие — переплетение вместе, воедино двух диктатур — выражало переходный момент в развитии русской революции: февральская победа была лишь первым этапом русской революции. Задачей дня был переход ко второму этапу, переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

В Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. «Треугольник» вступил 27 февраля.

27 февраля, к концу дня, большевики остановили завод. Вслед за их призывом:

Литовский замок (тюрьма), разрушенный в дни Февральской революции.

— Довольно работать, товарищи!

— Революция! —

рабочие цех за цехом побросали работу и высыпали на улицу.

Рабочие и работницы «Треугольника» в дни Февральской революции проявили высокую организованность. Они не унизились до мелкой мстительности хозяевам, до анархического «бунта». Не произошло ни одного случая расправы или самосуда над ненавистными мастерами, техниками, администраторами. А сколько было перенесено рабочими и работницами зуботычин, пинков, оскорблений, доносов, штрафов, преследований!..

Многие мастера попрятались, не показывались на глаза. Линкевич сбежал — его не могли найти. Сбежал также Никель — из дирекции, заведующий первым галошным заводом, — его никогда больше не видели на заводе.

Шестнадцатитысячную массу треугольниковцев повели в революции передовые рабочие, прошедшие школу организованной классовой борьбы в 1912—1916 гг. Их возглавляли большевики.

27 февраля, бросив работу, треугольниковцы выстроились на Обводном в колонну и направились в центр города. По дороге к ним примыкали отряды манифестантов, солдаты. К центру города треугольниковцы вышли уже несколькими колоннами.

Одна колонна направилась к казармам Павловского полка. Солдаты восторженно приветствовали рабочих и работниц. Павловский полк присоединился к восставшему народу.

Другая колонна двинулась к Литовскому замку. Вместе с рабочими других заводов и фабрик треугольниковцы участвовали в освобождении заключенных.

Многие из рабочих «Треугольника» в февральские дни дежурили на Балтийском и Варшавском вокзалах, встречали с красными знаменами прибывавшие в Петроград военные части, выступали на митингах, разъясняли прибывавшим солдатам смысл событий. Принимали солдат к себе на ночлег.

28 февраля группа передовых рабочих «Треугольника», во главе с большевиками, захватила на заводе грузовики и отправилась на них за оружием. В складе на Литейном (около Шпалерной) набрали наганов, маузеров.

М. И. Солдатенкова рассказывает о первых днях революции:

«Я не могу выразить эту радость... Я считала себя у хозяев пропавшей на весь век. И вдруг воскресла, выросла. В ту ночь я была на заводе, одела русские сапоги и шапку мужа, рабочий пиджак, простилась с ребенком и ушла. Участвовала в освобождении рабочих из тюрем. Целых четыре дня не являлась домой. Родные думали, что я уже убита...»

«Я почувствовала в себе большую силу, — говорит Вера Артамонова, — что-то открылось передо мной большое. Я ни одной минуты не могла сидеть дома, все хотела что-то делать, только бы уничтожить паразитов. Я интересовалась каждым вопросом, бегала и слушала митинги, потом, что поняла, сама разъясняла рабочим. Указывала, за кого голосовать. Называла себя большевичкой, хотя не разбиралась во многих вопросах... Безграмотная, забитая мужем, я тогда проснулась, захотела все знать и передать другому всю правду».

Завод не работал с 27 февраля до 9 марта. Но в цехах и на дворе завода было все эти дни людно и шумно. Толпились на берегу канала, тут шли беспрерывные митинги. Многое наболело за годы каторжной работы на «Треугольнике», каждый спешил высказаться.

Избрали заводской совет рабочих депутатов — из 16 человек. Четырнадцать депутатов были от рабочих, двое от служащих.

Но совет оказался гнилым. В председатели попал некий Петров, случайный человек, с путаными политическими взглядами.

Большинство членов совета потянулось за эсерами, кое-кто — за меньшевиками.

От большевиков в совет попали только Ходовой и Л. Е. Емельянов.

8 марта опять были выборы: по мастерским и цехам выбирали делегатов от рабочих. Избрали 115 чел. Назвали эту организацию «делегатским собранием». 14 марта делегатское собрание переименовали в «совет старост».

Совет старост, не в пример совету рабочих депутатов, оказался большевистским. Большевиков — членов партии — в совете старост было меньше десятка. Но они, при поддержке передовых рабочих, возглавили руководство советом старост. Исполнительной комиссией совета старост руководили большевики.

Совет старост был фактически первым завкомом. В августе 1917 г. исполнительная комиссия совета старост была преобразована в завком уже официально.

Совет старост с первых же дней деятельности столкнулся с половинчатой, соглашательской политикой совета рабочих депутатов завода. Совет старост объявил: «На заводе устанавливается 8-часовой рабочий день». Совет рабочих депутатов опротестовал это решение, назвав его «самоуправством», — и потребовал отложить вопрос до указаний Петроградского Совета. Но совет старост провел свое решение явочным порядком: с 9 марта 1917 г. «Треугольник» начал работать вместо десяти — 8 часов, в предпраздничные дни — 7 часов.

Только 12 марта было опубликовано соглашение Петроградского совета Рабочих и Солдатских Депутатов с Обществом фабрикантов и заводчиков о 8-часовом рабочем дне.

К этому времени фактически он уже был введен на многих предприятиях.

Совет старост держал тесную связь с массой рабочих и быстро завоевывал их доверие. Делегаты-старосты ежедневно собирались и ежедневно отчитывались в работе — каждый перед своей мастерской.

Конфликты между советом старост и советом рабочих депутатов продолжались.

В марте, вопреки сопротивлению совета депутатов, совет старост прогнал с фабрики хозяйских прихвостней — мастеров и мастериц. По настоянию большевиков было рассчитано больше 50 чел. администрации.

Затем встал вопрос о повышении заработной платы рабочим. Снова возник конфликт. Совет старост настаивал на повышении заработной платы. А Петров, председатель совета депутатов, угрожал на общем собрании рабочих: «Будете требовать большого повышения заработной платы — хозяева закроют завод!»

Меньшевистско-эсеровский совет депутатов, державший руку хозяев, шаг за шагом терял авторитет в рабочей массе. Влияние большевиков усиливалось.

Но в отсталой и классово-несознательной части рабочих, связанной с деревней и мелкой буржуазией города, еще держались демократические иллюзии. Эти рабочие наивно надеялись получить от Февральской революции мир, хлеб и свободу. Они слепо доверяли соглашательским советам и Временному правительству. 24 апреля 1917 г., когда меньшевики и эсеры вступили на путь открытого классового сотрудничества с империалистической буржуазией и заняли министерские кресла во Временном правительстве, эти рабочие приняли такую резолюцию:

«...Предлагаем сплотиться вокруг Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и его Исполнительного Комитета, которым мы выносим *неограниченное доверие,* прося их *воздействовать на буржуазию,* согласно с волей народа».

Заклеймив правительство Милюкова и Гучкова как правительство «измены народным интересам», резолюция требовала однако «создания коалиционного министерства, в которое вошли бы представители всех социалистических партий», и чтобы им было «*предоставлено большинство голосов*».

Но вот малочисленная до того большевистская органи-

зация «Треугольника» стала пополняться за счет товарищей, возвращавшихся из ссылки.

На завод вернулся Н. Дмитриев — активист больничной кассы, высланный в 1915 г. из Петербурга.

Начала крепнуть организация и за счет новых членов — молодых большевиков. В партию вступают передовые, проверенные в борьбе, рабочие и работницы — М. М. Васильева, Е. Потороченко, Веселов, Н. Зотов, Бернатос, Л. Емельянов и др.

К апрелю партийная организация большевиков на заводе выросла до сорока пяти человек.

Большевики «Резиновой мануфактуры» уже в начале марта объединились, по традиции, вокруг больничной кассы и создали подрайонный комитет Нарвского района. Во главе этого комитета встали Станислав Косснор и секретарь больничной кассы А. Войтек. Станислав Косснор, член Нарвского и Петербургского комитетов большевиков, возглавлял подрайон — в центре внимания которого был «Треугольник» — до июля месяца. Он проводил большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу, особенно в связи с апрельскими тезисами Ленина, разрешавшими ряд актуальнейших вопросов текущего момента, своеобразие которого заключалось в переходе от первого этапа революции ко второму ее этапу, в переходе от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Под его руководством партийная организация «Треугольника» выросла количественно, консолидировалась на позициях апрельских тезисов Ленина и добилась крупных успехов в деле большевизации массы рабочих завода.

Мелкобуржуазные партии (эсеры и меньшевики) — партии соглашения между империалистической буржуазией и трудящимися массами — в этот период были «...наиболее опасной социальной опорой империализма». (И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. X, стр. 92.) И большевики «Треугольника» мобилизуют все силы для беспощадного разоблачения мень-

шевиков и эсеров, для освобождения масс из-под влияния этих партий.

Подрайонный комитет большевиков развертывает огромную массовую работу, ставит доклады, проводит митинги, организует выступления и демонстрации, вербует новых членов, руководит советом старост.

Результаты этой работы сказались очень быстро. В конце апреля рабочие «Треугольника» *выносят недоверие меньшевистско-эсеровскому совету депутатов* своего завода. Совет переизбирается; в новый состав совета входят 11 большевиков, 3 эсера и 2 беспартийных.

Это была серьезная победа большевиков «Треугольника».

В ходе борьбы за массы большевикам «Треугольника» пришлось провести большую работу по разоблачению анархистов. Анархисты имели известное влияние в среде отсталых рабочих, не прошедших суровой школы классовой борьбы, среди чернорабочих фабрики. Анархисты своей демагогией пытались играть на их настроениях.

Вожаком анархистов фабрики был П. Шмырев. Вот один из приемов его «политической» деятельности.

2 мая Шмырев, собрав человек 70—80 рабочих, явился в дирекцию к Нефедову и потребовал немедленно заплатить за дни простоя фабрики во время отравлений в 1914 г. Для большей «убедительности» анархисты принесли с собой куль.

— Плати, а то в куль — и в Обводный!..

Совет старост уже занялся вопросом о возмещении пострадавших в мартовские дни 1914 г.

Когда на собрание явились извещеные о дебоше члены совета старост и выступили с заявлением, что дело надо решать организованно, — им тоже пригрозили кулем:

— И вам места хватит... Куль большой!..

После разъяснений рабочие приняли предложение членов совета старост.

Совет старост, подготовив материалы, предъявил дирекции счет.

Директора созвали технический персонал и объявили: «Отказываемся от управления, — передаем дело вам. Платить не можем».

Так начался на «Треугольнике» саботаж со стороны администрации...

Совет старост тут же арестовал всех директоров: Утемана, Кетница, Цулауфа, Бекмана и Нефедова. Их посадили в автомобили и отправили к министру юстиции Керенскому (прямо на квартиру). [1]

Меньшевистско-эсеровский исполком Петроградского совета срочно прислал на завод комиссара И. А. Лопаткина «для урегулирования трений между заводскими организациями и дирекцией». В тот же день на фабрику явился товарищ министра труда Временного правительства — меньшевик-оборонец К. А. Гвоздев.

Выступив 3 мая на общем собрании «Треугольника», К. Гвоздев убеждал рабочих «воздержаться от чрезмерных требований и не обижать дирекцию». В противном случае, — говорил Гвоздев, — дирекция может уйти, а рабочие организации, мол, «не сумеют править заводом». «Сейчас вообще не время требовать, надо ждать конца войны, тогда мы потребуем, а сейчас всякое требование есть гибель» — так закончил Гвоздев.

Меньшевик-оборонец Гвоздев вполне раскрыл свое предательское лицо. И никакой поддержки в массе рабочих он не нашел. Большевики дали на собрании Гвоздеву решительный отпор.

После столкновения с дирекцией большевики организовали из 12 человек *контрольную комиссию*. Комиссия положила практическое начало рабочему контролю на фабрике. Контрольная комиссия выделила трех товарищей для наблюдения над всей работой дирекции. И рабочая контрольная

---

[1] Просидев сутки в безопасности, директора «Треугольника» были «министром-социалистом» распущены по домам.

Красногвардейцы завода «Треугольник» в 1917 году.

комиссия, во-время вмешавшись, предупредила расхищение огромного запаса ценных материалов с завода (расхищение подготовляла дирекция под видом эвакуации заводского имущества из Петрограда).

Комиссар Петроградского Совета И. А. Лопаткин, присланный на «Треугольник» в связи с арестом директоров 3 мая, продержался на заводе недолго: 7 июля рабочие его выпроводили.

«Общее собрание рабочих 7 июля нашло ненужным, чтобы при фирме «Треугольник» находился комиссар... Ни на одном заводе нет комиссара...» Заводом должны «управлять заводоуправление и представители от рабочих по распоряжению самого народа». С этим комиссар и уехал.

Рабочие быстро сплачивались под лозунгами партии большевиков, под лозунгами социалистической революции. «Современная война, начатая капиталистическим классом в его эгоистических, буржуазных интересах, во вред интересам народа, который расплачивается за нее миллионами жертв, *должна быть ликвидирована»* — так говорили рабочие «Треугольника» уже в одной из апрельских резолюций.

12 мая, на общем собрании, они решительно высказались «за полное вооружение всех рабочих товарищества «Треугольник».

Временное правительство, опасаясь нарастания пролетарской революции, задумало «разгрузить» Петроград... от революционных рабочих, якобы, в виду военной опасности. Большевики разоблачили этот маневр контрреволюции.

На «Треугольнике» 26 мая и 2 июня прошли бурные собрания протеста:

«Пускай разгружают Невский проспект и всех тех праздношатающихся, которые жиреют от пролетарской крови и не приносят пользы родине, а исключительно только убытки». (Резолюция общего собрания 2 июня.)

В апрельские дни «Треугольник» еще не выступал. А в демонстрации 18 июня уже участвовала вся основная

масса треугольниковских рабочих... Они объединились со всем питерским пролетариатом под лозунгами: «Долой войну», «Долой министров-капиталистов».

В день грозного вооруженного выступления против Временного правительства — 4 июля — рабочие «Треугольника», во главе с большевиками, требовали перехода всей власти к советам. Со знаменами: «Вся власть Советам!» — они двинулись к центру. На Садовой улице (с башни дома «Проводник») и на углу Литейного и Невского демонстранты были обстреляны.

«К Таврическому нас подошло около тысячи человек, — вспоминает рабочий «Треугольника» А. Смирнов. — Мы выделили делегацию во дворец. Я тоже был. У всех было такое настроение, что, кажется, вытащили бы на улицу Временное правительство и расправились бы с ним».

Июльские дни были переломным моментом в развитии русской революции. Период двоевластия кончился. Власть захватила в свои руки контрреволюционная буржуазия. VI съезд партии большевиков, съезд боевой подготовки Октября, — им руководил товарищ Сталин, — взял курс на подготовку пролетарского вооруженного восстания.

После июльских дней, на протяжении июля — августа, треугольниковские большевики не покладая рук крепили, вооружали, обучали красногвардейский отряд на фабрике. Организатор Красной гвардии, большевик Бернатос, усиленно вербовал новых красногвардейцев. Мастерские отбирали для отряда наиболее честных, стойких, преданных революции рабочих.

На «Треугольнике» была заводская милиция. Ею руководил эсер Н. Дубов. Красная гвардия разоружила эту милицию и распустила.

В дни корниловского мятежа рабочие организации «Треугольника» установили непрерывные дежурства вооруженных красногвардейцев. Держали связь со Смольным, охраняли район. На фронт против Корнилова «Треугольник» направил

Штаб Красной гвардии завода «Треугольник».

отряд Красной гвардии. Настроение было боевое. Рабочие завода № 2 на многотысячном митинге вынесли решение: «Вооружиться всем рабочим и итти против Корнилова!»

После подавления корниловщины треугольниковские рабочие безраздельно стали на позиции борьбы за диктатуру пролетариата. От эсеров и меньшевиков они отошли окончательно. В самой эсеровской группе фабрики (Ф. М. Минин, П. Зуев, А. Б. Алексеев, Е. Степанова, Ковзел, Нарышкин и др.) после корниловского мятежа началось разложение. Лучшая часть рабочих, примыкавших к эсерам, перешла на сторону большевиков.

Треугольниковцы единодушно клеймили коалицию меньшевиков и эсеров с кадетами, как измену революции, бурно протестовали против похода контрреволюционного правительства на фабзавкомы, — против «скобелевских циркуляров», которые ограничивали права фабзавкомов в деле найма и увольнения рабочих, запрещали собрания во время работы и т. д. Они разоблачали политику «социалистического» министерства труда, «держащего явно руку капиталистов». (Из резолюции общего собрания рабочих 12 сентября.)

Лозунги большевиков стали лозунгами основной массы треугольниковских рабочих. Силы пролетарской революции быстро нарастали.

Период сентября-октября 1917 г. был, по определению товарища Сталина, *периодом организации штурма*. Партия организовывала вооруженное восстание. Партия вооружала рабочий класс. Росла рабочая Красная гвардия. 10 октября Центральный Комитет партии большевиков принял знаменитую резолюцию Ленина о восстании. Заклеймив неслыханное предательство, неслыханную измену штрейкбрехеров революции — Каменева и Зиновьева, — партия подготовила и провела победоносное вооруженное восстание пролетариата.

Ленинская резолюция о восстании была с энтузиазмом поддержана треугольниковскими большевиками. За резолюцию Ленина на расширенном заседании Центрального Коми-

тета 16 октября от «Треугольника» голосовал И. Дмитриев. Большевики развернули огромную работу по подготовке рабочих «Треугольника» к вооруженному восстанию.

23 октября общее собрание рабочих «Треугольника» (на собрании присутствовало около 5 тыс. чел.), приняло «по текущему моменту» следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что настоящее Временное правительство есть правительство контрреволюционной буржуазии, проводящее политику репрессий по отношению к народным массам, и что такое правительство не может пользоваться доверием рабочих, солдат и крестьян, — мы говорим: «Руки прочь, уйдите с дороги, не мешайте работать пролетариату, углубить революцию, закрепить ее завоевания. Дать землю крестьянам лишь только и смогут представители пролетариата в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Мы требуем перемирия на всех фронтах и народного мира всему миру, требуем немедленного освобождения всех политических заключенных и также требуем рабочего контроля над производством и правильного распределения продуктов».

А 24 октября, за несколько часов до восстания, рабочие «Треугольника» на общем собрании *единогласно высказались* за переход всей власти в руки советов и провозгласили свою готовность по первому зову Петроградского совета выступить в бой против Временного правительства, во имя диктатуры пролетариата.

Вот эта резолюция:

«Мы, рабочие, выслушав доклад от членов Совета Рабочих Депутатов о текущем моменте, единогласно постановили: «Вся власть Советам Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, и нет доверия Временному правительству. И по первому зову Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, как один, выйдем на защиту для закрепления свободы и прочного мира народов».

На этом митинге выступали беспартийные рабочие и тре-

бовали, чтобы большевистские советы взяли всю власть в свои руки. Эсер Гудков, разоблачая эсеровщину, заявил, что Керенский — аферист, что он проклинает его и что перед эсерами-рабочими лежит только один-единственный путь — путь большевиков, путь вооруженной борьбы за диктатуру пролетариата.

Партийная организация «Треугольника» насчитывала к моменту Октябрьского восстания до 75 чел.[1] В Красной гвардии завода состояло около 500 чел. Для вооружения рабочих, по указанию Петербургского Комитета большевиков, было дополнительно получено оружие из Петропавловской крепости (400 винтовок, 150 гранат, 100 револьверов). На «Треугольнике» действовал заводской штаб Красной гвардии. Штаб состоял из представителей: партийной организации завода — И. Дзиковича, заводского комитета — И. Брюхова и начальника красногвардейского отряда завода — В. А. Анисимова, назначенного вместо Бернатоса. Все трое были большевиками. Была организована *военная комиссия.* «Вооруженные рабочие круглыми сутками не оставляли завода. Спали с оружием, в шинелях, располагаясь на полу в столовой. Столовая завода № 1 превратилась в форменную казарму» — вспоминает Н. Дмитриев.

Военная комиссия «Треугольника» была своеобразным военно-революционным комитетом завода. К ней в Октябрьские дни сходились все нити. Две трети состава заводской Красной гвардии комиссия выделила в распоряжение районного военно-революционного комитета. Связь с комитетом она поддерживала через Н. Дмитриева.

Красногвардейцы «Треугольника» принимали участие в разоружении Николаевского кавалерийского училища, охра-

---

[1] В большевистскую организацию вошли многие старые авторитетные работницы: Вера Артамонова, Байбакова — «тетя Лена» (сейчас на пенсии), М. С. Савельева, Мария Смоляк, Мария Петрова, Леухина, Вера Жукова и др.

няли фабрику и район. Военная комиссия была боевым большевистским штабом на заводе в Октябрьские дни.

25 октября, когда были сломлены силы контрреволюции, на «Треугольнике» открылся многотысячный ликующий, победный митинг. На фабрику приехали и выступили М. Володарский и Я. Свердлов. Речи ораторов прерывались бурными аплодисментами и криками «ура». Треугольниковцы приветствовали «Советскую трудовую власть» и клялись грудью защищать ее от контрреволюции.

Великая пролетарская революция октября 1917 г. положила конец господству Нейшеллеров, Кирштейнов, Утемановых, фан дер-Пальсов на заводе и открыла социалистический период в истории «Треугольника».

Декретом Совета Народных Комиссаров 28 июня 1918 г. «Треугольник» был национализирован и получил наименование Государственного завода резиновой промышленности № 1.

А в день пятой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1922 г., Петроградский Совет дал заводу имя: «Красный треугольник».

Фронт на Обводном

Недолго проработал «Треугольник» после Октябрьских дней. Уже в феврале 1918 г. на заводе пришлось остановить производство: иссякли запасы бензина и пополнить их было нечем.

27 февраля 1918 г. рабочим был выдан расчет и пособие за 37 дней вперед. На загасшем заводе остались лишь представители общественных организаций и небольшая группа рабочих — по 2—3 чел. на мастерскую — для охраны и содержания в порядке завода. Большинство рабочих и работниц рассеялось по деревням.

Заводские организации не оставляли попыток достать бензин—искали его в Петрограде, искали и по другим городам,—но безуспешно. Отправились делегацией к Ленину. Владимир Ильич принял делегатов, выслушал их, но ответил, что получить бензин в условиях блокады страны капиталистами нет никакой возможности.

На границах страны скапливали вооруженные силы интервенты...

В мае - июне 1918 г. чехословацкие полки захватывают Симбирск, Свердловск, Иркутск... Вслед за этим войска Антанты обрушиваются на Республику с севера — чтобы запереть ее со стороны единственного к этому вре-

мени открытого выхода к морю. На юге развертывает фронт против Советской страны «добровольческая» белая армия.

По стране, готовившейся к мирному труду, прокатывается волна кулацких, белогвардейских восстаний. В Ярославле, под самым сердцем Советской республики, близ Москвы, вспыхивает контрреволюционный мятеж, возглавляемый эсерами. Восстановление разрушенного и разоренного войной хозяйства приходилось откладывать. Молодая Советская республика вынуждена была отстаивать в боях самое право свое на существование...

За короткое время с «Треугольника» ушло на фронт против чехо-словаков около 200 человек вооруженных рабочих. Между тем интервенты шаг за шагом отторгали у Республики хлебные районы — Сибирь, Волгу, Юг... С каждым днем обострялись продовольственные затруднения. Интервенты хотели задушить Республику голодом.

На призыв Ленина к питерским рабочим: «борьба за хлеб — борьба за социализм» партия отвечает организацией продотрядов. «Треугольник» снаряжает за хлебом для голодающего Питера свыше 400 работниц и рабочих. В августе 1918 г. продармейцы-резинщики выехали на Волгу, в Симбирск, Саратов, и в Вятскую губернию.

Требования на людей растут. Полтораста человек коммунаров и беспартийного актива «Треугольника» уходят на руководящую работу — в Советы, для ревизии Управ, которые ведали заготовками хлеба еще при Временном правительстве и продолжали заготовки в первые месяцы Советской власти, на формирование и укрепление советских учреждений.

Было голодно и холодно. Выдавали четвертку хлеба — 100 граммов! — в сутки. Но пролетариат знал, во имя чего он несет эти лишения. Рабочие шли на новые жертвы беззаветно и отдавали жизнь для победы своей власти.

Завод стоял, но не бездействовал, — на заводе шла горячая работа...

Судьба революции зависела не только от победы на фрон-

тах, но и от того, сумеет ли рабочий класс организовать управление пролетарским государством.

Рабочему классу нужны были знания. Учеба становилась для пролетариата боевой, неотложной, государственной задачей. Треугольниковцы не упускали времени. Под руководством парторганизации завода развертывается огромная и разносторонняя работа. На заводе организуется комсомол. Для работы среди женщин создается институт делегаток. Почти каждый день устраиваются митинги, лекции и доклады на политические темы, проводятся беседы и диспуты о религии, о равноправии женщин и т. п. Богатый опыт жизни и борьбы, накопленный в массах, получал освещение, смысл, давал перспективу.

Галошница шла в райсовет и впервые в жизни как представитель власти помогала налаживать школы, приюты, столовые. Галошница шла в лазарет, к раненым и больным красноармейцам. Она отправлялась с отрядами обыскивать кварталы Невского, Кирочной, Миллионной и отбирала оружие у притаившегося врага.

На фронтах бились ее родные. От завода тянулись туда прочные нити классового единства и солидарности.

Сотни рабочих в продотрядах помогали бедноте организовываться в комбеды, раскулачивать богатеев, делить землю, подавлять врага.

Вера Артамонова рассказывает об этих годах:

«В Самаре наш продотряд очищал город от чехо-словаков. Мы ходили по домам, ликвидировали всех негодных, охраняли город, склады.

Когда мы вернулись с продотрядами в Петроград, я пошла учиться в санитарки, думала: уж если я неграмотная, то хоть помогу своему товарищу на фронте... Тут борьба с сыщиком, с дезертирами... При наступлении Юденича мы с Федоровой и Варей Егоровой были вместе в отряде особого назначения на охране города и завода. С завода неделями не выходили.

Коммунисты в тот момент не знали ни дня, ни ночи; голодные, разутые, не считались ни с чем, по семь часов выстаивали на вокзалах в карауле.

Нас, партийных санитарок, направляли в госпитали,— плох был уход за ранеными, служащие с ними обращались грубо, ничего и никого не желали признавать. Приходилось порядком работать, чтобы наладить дело. Тут умер мой сынишка. Я тогда вся, целиком, окунулась в общественную работу. Вернулась на завод. Работали мы с Галей Ивановой и Молотковой в пневматике, отвечали за все четыре этажа и вальцовку. Тяжело было работать, потому что еще очень много кругом было врагов, меньшевиков и эсеров, но мы скоро вошли в доверие рабочей массы, заимели актив... Работали на субботниках, ездили работать в Лиговский совхоз, снабжали рабочих овощами. Возили продукты ночью, а днем, как ни в чем не бывало, выходили на работу... А нас бывало ругают почем зря: «Коммунисты, мол, ничего не делают!» На всех наших трудностях играли враги, но мы умели давать им отпор, а рабочим разъяснения...»

Нет, завод не бездействовал! Он работал всего лишь 49 дней в 1918 г., 84 дня в 1919 г. и 140 дней в 1920 г., он вырабатывал ничтожное количество галош, давал крайне мало изделий, которые требовались Красной армии,— не было бензина! Но завод дал стране армию борцов, живую силу творцов пролетарской диктатуры.

В 1918 г. завод простоял 10 месяцев — с 27 февраля до 7—9 декабря. Как было работать без бензина? Но рабочие узнали, что на «Богатыре», в Москве, придумали клеить галоши на керосине. Они потребовали от администрации, чтобы опыт «Богатыря» был перенесен на «Треугольник». Лявданский, Кетниц и вся свора бывших заправил у хозяев подняли рабочих на-смех. О попытках «Богатыря» они отзывались как о глупости и препятствовали введению керосиновой мази.

Заводские общественные организации снарядили в Москву

Противогаз из резины

группу рабочих; рабочие подучились там работать на керосине. Старым спецам — инженерам и техникам — пришлось уступить.

До октября на «Треугольнике» было еще старое правление, но распоряжения его выполнялись только с санкции партийной ячейки и завкома.

В этот период «партийный коллектив завода, насчитывающий свыше 170 человек, *фактически превратился в заводоуправление*».

С октября 1918 г. заводоуправление было построено на началах коллективного управления. В состав заводоуправления вошли: В. И. Иванов и В. А. Андреев (представители от рабочих), Ю. М. Кетниц и Г. В. Лявданский (представители от служебного персонала) и от Главного управления резиновой промышленности — Я. В. Селиверстов.

Раздобыв керосин для мази, «Треугольник» с декабря 1918 г. возобновляет производство галош. Набрали около четырех тысяч рабочих. Резинщиков нехватило. Пришлось брать и нерезинщиков; для них организовали на заводе курсы. Дело пошло на лад. К концу декабря стали выпускать до 13 тыс. пар галош в сутки, и — что важнее — развернули производство особенно необходимых изделий для Красной армии. Организовали ремонт разбитых автошин, поступавших с фронта. В 1919 и, особенно, в 1920 г. основное место в программе завода занимали починка автошин и автокамер и выработка подошвенной пластины для армейской обуви. При падении производства в стране, ремонтные работы во всех областях были зачастую основным источником снабжения армии техническими средствами войны. Работа завода по организации ремонта имела поэтому огромное значение для фронта. В 1920 г. было поставлено производство эбонитовых изделий для снаряжения подводных лодок, производство клапанов, прокладок; стали изготовлять из резины приводные ремни. В них остро нуждались заводы,

работавшие для нужд армии. В 1920 г. развили производство тендерных рукавов для паровозов.

Героически перенося голод и холод, напрягая до последней степени свои силы, работницы и рабочие делали все, чтобы обеспечить победу Красной армии.

А цифры выпуска выглядели совсем убого. Вот он, выпуск первых революционных лет:

	Галоши	Техника	Пневматика
1918 г. . .	1 450 000 пар	72 119 пуд.	51 341 шт.
1919 » . . .	1 900 000 »	85 833 »	12 573 »
1920 » . . .	10 000 »	57 553 »	35 634 »

За 1920 г. галош было выработано в шесть раз меньше, чем за *один день* в 1913 г.

Приходилось работать без бензина и бдительно оберегать завод от врага. Враг действовал всюду — и на фронте, и в тылу. Линия фронта проходила и через завод.

«Бывало, поработавши на заводе, — вспоминает Иван Матвеев, — подвозил дрова к кочегарке, а потом, взяв ружье под бок, ложился на голые нары в пустой мастерской завода. Каждый день и каждый час могло произойти вражеское нападение на завод...»

Приходилось караулить завод и от воров. Рабочие и работницы беспощадно били по этому врагу. А воровали, случалось, и свои — из разложившихся рабочих. Вот случай, рассказанный работницей М. М. Васильевой (сейчас работает председателем депутатской группы «Красного треугольника»). «Однажды ночью, часа в два, вдруг дают сигнал. Мы все выбежали, — говорят: на завод в новый корпус забрались воры. Мы оцепили корпус. Видим — свет в окнах. Вошли в помещение. Пробираемся по коридорчикам, — там шкафы стояли, получались закоулочки. Когда мы вошли, видим — двое спрятались за ящики. Стали в нас стрелять. Мы дали залп, одного убили, а второго ранили в руки. Оказались воры, числившиеся рабочими на заводе...»

Заготовка продовольствия продотрядами.

«Треугольник» кое-как вышел из затруднений с бензином, повел производство на керосиновой мази. Но возникли новые, неизмеримо бо́льшие затруднения — и уже не только для завода, а для всей промышленности, для всего хозяйства молодой Советской республики: хозяйственную жизнь страны сковал топливный кризис.

Ленин писал в письме от имени ЦК РКП(б) (ноябрь 1919 г.):

«Наступило время, когда ... важнейшей очередной задачей стояла борьба с топливным кризисом... Топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу: разбегаются от холода и голода рабочие и служащие, останавливаются везущие хлеб поезда, надвигается именно из-за недостатка топлива настоящая катастрофа. Топливный вопрос встал в центре всех остальных вопросов. Топливный кризис надо преодолеть во что бы то ни стало, иначе нельзя решить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общехозяйственной...» (Ленин, т. XXIV, стр. 532.)

В 1920 г. топливный кризис продолжал висеть угрозой над страной.

Распределением дров, распределением по саженям, занимались высшие правительственные органы Республики. Получение цистерны мазута для производства вырастало в вопрос государственного значения.

Рабочие понимали, какую великую цену для революции приобретала каждая вырубленная в лесу сажень дров, и они — с топорами, с пилами — шли на дровозаготовки.

В эти годы родились субботники, о которых Владимир Ильич говорил, как о проявлении трудового героизма рабочего класса и нового, коммунистического, отношения к труду.

Рабочие «Красного треугольника» провели десятки «дровяных субботников». Вот какими количествами добывались дрова для завода (сводка за $1^1/_2$ месяца; конец 1919 г.):

Выгружено и перевезено дров в субботники:

23/VIII	выкатано с барки на завод	9	куб.	саж.
30/VIII	» » » » »	7,50	»	»
6/IX	» » » » »	9	»	»
13/IX	» » » » »	9	»	»
20/IX	перевезено с завода № 2 на завод № 1	8	»	»
27/IX	выкатано с барки на завод . . .	5,26	»	»
4/X	выгрузка 4 вагонов на завод № 1, перевезено к кочегаркам	16	»	»
11/X	перевезено со склада на завод . .	6	»	»

Это были ничтожные для завода поступления топлива. На этом топливе котельные едва держали пар.

Но завод все-таки не стоял. Завод работал!

Зимой, в январе 1921 г., рабочие и работницы *отказались от обеденного перерыва*, чтобы не останавливать машин и станков. Они сэкономили этим для производства 5 куб. сажен дров в день...

Теперь вызывают улыбку цифры, которые тогда рассматривались как достижения.

Вот выписка из журнала заводоуправления за 2 марта 1920 г.:

«Слушали: *Ф. Ф. Бекман* докладывает о росте производительности, замечаемой в последнее время в мастерских починки пневматиков. С 1 по 31 января с. г. починено 473 покрышки и 132 камеры; за вторую половину февраля месяца починено 354 покрышки и 411 камер.

Постановили: Принять к сведению».

Починено 354 покрышки... Теперь завод выпускает в месяц 60 тыс. покрышек!

В эти героические годы часть специалистов во главе с Г. В. Лявданским и Ф. Ф. Бекманом топили лишние котлы, пользуясь тем, что рабочие не могли проверить расчеты инженеров.

Впоследствии, когда вредители были разоблачены, рабочие писали об этих преступлениях:

«Что они делали? Они срывали каждое наше начинание. Когда встал завод из-за нехватки бензина, они всячески сопротивлялись его пуску. Когда мы достали топливо, когда мы на своих руках, в стужу и холод, на голодном пайке, разгружали барки и обеспечили пуск завода, они преступно расходовали топливо, с расчетом, что оно будет сожжено, и завод снова остановится.[1]

Великолепно зная, что трубопроводная система не выдержит высшей точки нагрева, они все же распорядились топить сверх всяких норм. Вся трубопроводная система полопалась. Мастерские залило водой. Завод был выведен из строя».

Героически боролись рабочие «Треугольника» на фронте труда, как героически боролась другая часть пролетариев на фронте военном. Это был общий фронт, связанный живыми нитями, через живых людей. Эта связь никогда не нарушалась. И в ней была непреоборимая мощь революции.

Под Питером против Юденича действовал отряд комсомольцев-самокатчиков «Красного треугольника». Их возглавлял организатор коллектива Терехов. Сотни других рабочих в рядах Красной армии грудью отстаивали от вооруженного врага Республику Советов. В борьбе с Юденичем погибли: т. Сычев, организатор партийного коллектива т. Веселов, зверски замучен т. Демидов. Имена многих героев гражданской войны, рабочих завода, хранят братские могилы...

«В скором времени, — писали рабочие «Треугольника» коллективу 18-го полка в 1920 г., — мы сработаем вам знамя, чтобы это знамя вам напоминало союз между рабочими и детьми их — Красной армией».

---

[1] В средине 1921 г. топили 51 котел с поверхностью нагрева в 3607 $м^2$, — завод работал в это время не более чем на 20%; а впоследствии, в 1927 г., когда завод работал полным ходом и работало 16 тыс. чел., топилось 52 котла с поверхностью нагрева в 3702 $м^2$. Четыре пятых топлива в 1921 г. жгли зря...

А красноармейцы 1-го легкого артдивизиона с фронта сообщили заводу:

«Здесь нас много, знающих революционных рабочих «Треугольника». Пришлите нам скромное красное артиллерийское знамя, с которым мы еще крепче нажмем на панов. Мы будет вас помнить, этот подарок ваш внедрит в наши сердца веру в братский союз красноармейцев и рабочих. Клянемся, что панов скоро уничтожим».

Все лучшие силы партия и рабочий класс бросали на боевые позиции, против интервентов. «Когда наступал Юденич,— говорит в воспоминаниях В. Егорова, — почти всех мужчин забрали на фронт».

В это время эсеры и меньшевики отсиживались на заводе и старались наносить удары революционному пролетариату с тыла. Материальные трудности и бедствия, вызываемые войной и разрухой, они использовали для провокаций и контрреволюционной работы.

Не осмеливаясь открыто провозглашать свои контрреволюционные лозунги, они делали вид, что идут не против власти, а против «отдельных личностей» — комиссаров, и против «коммунистического засилья».

Но главным образом в своей контрреволюционной агитации эсеры использовали затруднения советской власти: голодный паек, холод, тиф, остановка производства на заводах и фабриках.

И эсерам удавалось иногда, хотя и на короткое время, привлечь на свою сторону часть рабочих.

На «Треугольнике» всегда была прослойка отсталых рабочих. Эсеры в их среде находили почву для своей агитации и поддерживали дезертирские устремления этих рабочих — бросить завод, вернуться в деревню и зажить «сытно, по-настоящему».

Ряды большевиков на заводе сильно поредели. Все лучшие силы были брошены на фронт, и контрреволюционная провокаторская деятельность эсеров не получала достаточного отпора.

Среди самих коммунистов на заводе были случаи сползания с классовых позиций пролетариата, случаи разложения. Так, в 1920 г. группа коммунистов, в том числе и предзавкома Ребров, были уличены в расхищении заводского имущества, пьянстве и т. д.

Эсеры не преминули использовать «ребровщину» для своей демагогии.

Не все рабочие и работницы «Треугольника» уже обладали достаточной классовой зоркостью, чтобы видеть *завтрашний день* победной борьбы пролетариата, имели достаточную пролетарскую закалку, чтобы безропотно переносить лишения гражданской войны.

Большевики разоблачали контрреволюционный смысл агитации эсеров, а передовые пролетарии, старые производственники, активно поддерживали большевиков. Героизм, который проявляли рабочие и работницы в борьбе за производство, за топливо, за охрану завода в дни обороны Петрограда от Юденича, — лучшее доказательство того, что массы шли за большевиками.

При закрытом голосовании в завком 22 февраля 1919 г. кандидаты большевиков получили 1028 голосов, беспартийные — 915, а эсеры — около 200 голосов. Эсеры добились переголосования. При вторичном голосовании коммунисты получили 2443 голоса, беспартийные — 970, а эсерам дали в завкоме *одно место* за... счет беспартийных.

15 марта 1919 г. эсеры устроили буквально «мятеж» в стенах завода, со стрельбой и избиениями коммунистов. Избили Варю Апреликову, еще троих коммунисток. Одному из коммунистов прострелили ногу.

Вожаки эсеров — П. Зуев и Ф. М. Минин — были арестованы.

Как только начали возвращаться с фронта кадровики-рабочие и большевики, — эсеры стушевались, поблекли. Большевистская организация завода, пройдя чистку 1921 г., оздоровилась, окрепла. А эсеровская группа окончательно выродилась, потеряв всякую опору в массах...

Сотни лучших товарищей с завода сложили головы в боях за советскую власть, за диктатуру пролетариата, за завод, который они отобрали у эксплоататоров. Тысячи резинщиков геройски выдержали все испытания, сплотились вокруг большевистской партии и явились тем костяком, на который опиралась партийная организация в борьбе за восстановление и создание мирового гиганта резиновой индустрии.

От мануфактуры к социалистической индустрии

«Разруха» — это слово забыто теперь. Но в девятнадцатом, двадцатом, двадцать первом годах оно не сходило со страниц газет.

О «разрухе» говорили на каждом собрании, на всех съездах.

На борьбу с «разрухой» в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве партия бросала все свои силы и все силы рабочего класса.

«Неслыханно разоренная страна едва-едва начинает оправляться, только теперь видя всю глубину разорения, испытывая мучительнейшие бедствия, остановку промышленности, неурожаи, голод, эпидемии, — писал Владимир Ильич в августе 1921 г. — ... При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата рядом усилий почти сверхчеловеческих, мы беремся за самое трудное: за фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее: продуктообмен) промышленности с земледелием». (Ленин, т. XXVII, стр. 6, 10 и 11.)

Борьба за утверждение социалистического строя продолжалась в новых формах: вопрос о том, «кто кого», должен был решаться теперь на фронте хозяйственном. Чтобы на-

чать подводить фундамент «действительно социалистической экономики», требовалось собрать пролетариат, восстановить крупную промышленность, пустить фабрики и заводы.

Заводы и фабрики стояли, не было топлива, не было сырья. До последней степени изношено оборудование. В мартенах и домнах застыли глыбы льда. В фабричных трубах вили гнезда галки. Только единичные заводы и фабрики героическими усилиями поддерживали еще огонь в кочегарках.

Транспорт едва работал. Неурожай 1921 г. обострил продовольственный кризис.

В стране обращались бумажные «миллионы» и «миллиарды», но покупать на них было нечего: лавки, магазины были заколочены.

Встал вопрос о восстановлении производства и перед «Красным треугольником». Завод оказался в лучшем положении, чем многие другие предприятия. Рабочие уберегли от порчи оборудование. Сохранили, не дав дирекции расхитить, запасы сырья — каучука и материалов. Были и квалифицированные кадры рабочих. Недоставало только топлива.

И когда в 1921 г. к заводу по постановлению Совета труда и обороны [1] подвезли топливо, «Треугольник» вступил в число действующих предприятий Республики.

Отмена продовольственной разверстки и введение свободной торговли открыли в стране широкой рынок для фабричных изделий. Предъявила спрос на товары деревня. Предъявило спрос на предметы первой необходимости население городов. Галоши «Треугольника» расходились мгновенно. Промышленность, восстанавливая производство, требовала ремней, рукавов, труб, валов, различных резиновых и эбонитовых принадлежностей.

И «Красный треугольник» спешил наладить производство всех этих изделий.

---

[1] Постановление СТО состоялось 29 июня 1921 г. Некоторые мастерские завода начали работу почти немедленно, не дожидаясь 1 августа.

Пуск гиганта на Обводном был крупнейшей победой на хозяйственном фронте страны. Громадных усилий стоило государству снабдить завод топливом, продовольствием, транспортом.

Но завод был нужен стране, — от его продукции зависела работа и даже самый пуск десятков других заводов и фабрик (всем требовались шкивные ремни, соединительные трубы и т. д.), — и правительство не жалело сил и средств, чтобы обеспечить производство «Треугольника».

И на этом сыграли вредители.

Инженеров и администраторов «Красный треугольник» унаследовал от старого завода. Эти люди остались на советском заводе не как лойяльные специалисты, а как агенты бывших капиталистических хозяев. Они получили от своих хозяев задания: не допускать нормальной работы советского завода, срывать насколько удастся производство, уберечь для хозяев сырье. Хозяева щедро заплатили своим агентам — инженерам, и те «старались»... Часть специалистов с завода ушла и в органы советской резиновой промышленности. Это обстоятельство также облегчало работу вредителей на заводе.

В годы гражданской войны и тяжких лет топливного кризиса вредители сжигали топливо на ветер.

Когда государство, в 1921 г., начало восстанавливать производство на заводе, вредители раздували перед советскими органами финансовые и технические трудности, побуждая отказаться от «непосильных затей».

Для развертывания производства на «Красном треугольнике» требовалось пополнение запасов каучука и химикалий. Нужно было затратить на это миллионы рублей золотом. Государство было не в силах затратить такую сумму, и вредители услужливо подсказали «выход». Оставшийся на заводе в качестве специалиста акционер Ю. М. Кетниц предложил сдать завод на 50 лет прежним хозяевам — в концессию.

Кетниц сейчас же составил даже и «проект договора».

В этом беспримерном по наглости документе предусматривалось, что государство должно привести завод в тот вид, в каком он был национализирован, а также возместить все убытки, понесенные владельцами. Ставилось условием. что концессионерам дается право покупать за границей не только любое сырье и материалы, но и пищевые продукты; что «концессионерам предоставляется право свободного вывоза изделий фабрики на заграничные рынки без установления пошлин на предметы вывоза» и что «до передачи концессионерам фабрики в эксплоатацию правительственные органы должны произвести за свой счет окончательный расчет всех рабочих, всего служебного и технического персонала, причем на концессионеров никаких обязательств приема на фабрику кого бы то ни было из прежних рабочих и служащих возлагаемо быть не может».

Словом, дело клонилось к тому, чтобы фактически не только отдать завод обратно хозяевам, но и отменить монополию внешней торговли, рассчитать всех рабочих...

В «проекте» были предусмотрены и ограждены все интересы капиталистов. Теперь даже не верится, что эти господа смели предлагать такие условия:

«§ 10. 1) *Прием и увольнение рабочих будет производиться* исключительно администрацией фабрики по ее усмотрению и распоряжению из лиц как русских, так и иностранных подданных, *без какого бы то ни было вмешательства государственных и профессиональных органов.*

2) Установление размера и характера заработной платы, а равно и всякого рода премиального вознаграждения предоставляется исключительно добровольному соглашению администрации с рабочим...

§ 11. 2) Правила охраны труда, условия безопасности и гигиеничности работ на фабрике вырабатываются народным комиссаром труда совместно с правлением до начала эксплоатации фабрики. Если бы по этим вопросам оказалось затруднительным установить определенные положения, то

за основание в таком случае должен быть принят порядок действующий на германских резиновых заводах».

Это означало бы не что иное, как полную отмену всех советских законов о приеме и увольнении рабочих, полное устранение пролетарского государства и профсоюзов от защиты прав рабочих, полную зависимость рабочего от концессионера в зарплате и полную отмену законов об охране труда.

Но концессионеры хотели и еще большего:

«§ 12. 1) Никаких учреждений, непосредственно к работам на фабрике не относящихся, как-то: школ, амбулаторий, яслей, санаторий и т. п. при фабрике не должно иметь места, если на то не будет особых соглашений РСФСР с концессионерами.

2) *В стенах фабрики или ее территории не должно быть никаких профессиональных, партийных и других тому подобных общественных учреждений,* непосредственного отношения к производству работ не имеющих».

Это — целая программа восстановления буржуазией капитализма при... советской власти.

Слухи о сдаче завода в концессию вызвали сильную тревогу в рабочей массе. Группа буржуазных спецов, работавших на заводе, в Главрезине и ВСНХ, единодушно ухватилась за предложение о сдаче завода в концессию. Эти спецы, надрываясь, доказывали рабочим организациям завода, что государство не сможет наладить резиновую промышленность, не сможет «конкурировать» с американскими и европейскими фабриками, что для государства невыгодна резиновая промышленность, так как все сырье — каучук и химикалии — придется ввозить из-за границы, и т. д.

Споры и столкновения вокруг «проекта» приняли настолько серьезный оборот, что им занялась правительственная комиссия под руководством т. Богданова, председателя ВСНХ. Тов. Богданов поставил вопрос на обсуждение совещания из представителей ВСНХ, ЦК союза химиков, Главхима, Главрезины и завода «Треугольник».

Товарищи М. П. Шевченко (первый красный директор «Треугольника»), Берзин (представитель Главрезины, член партии) и представители ЦК химиков решительно возражали против сдачи завода в концессию. Партийная часть совещания выдвинула резолюцию: «каковы бы обстоятельства ни были, необходимо возможно дольше держаться с продолжением работ на государственных заводах».

Представители же ВСНХ — З. И. Доссер и Н. Н. Бехтерев — стояли за сдачу завода в концессию.

Совещание длилось два дня — 1 и 2 декабря 1921 г. Было признано всеми, что «оборудование «Треугольника» более чем удовлетворительно». Но дальше — мнения разделились, и совещание не приняло никакого определенного решения.

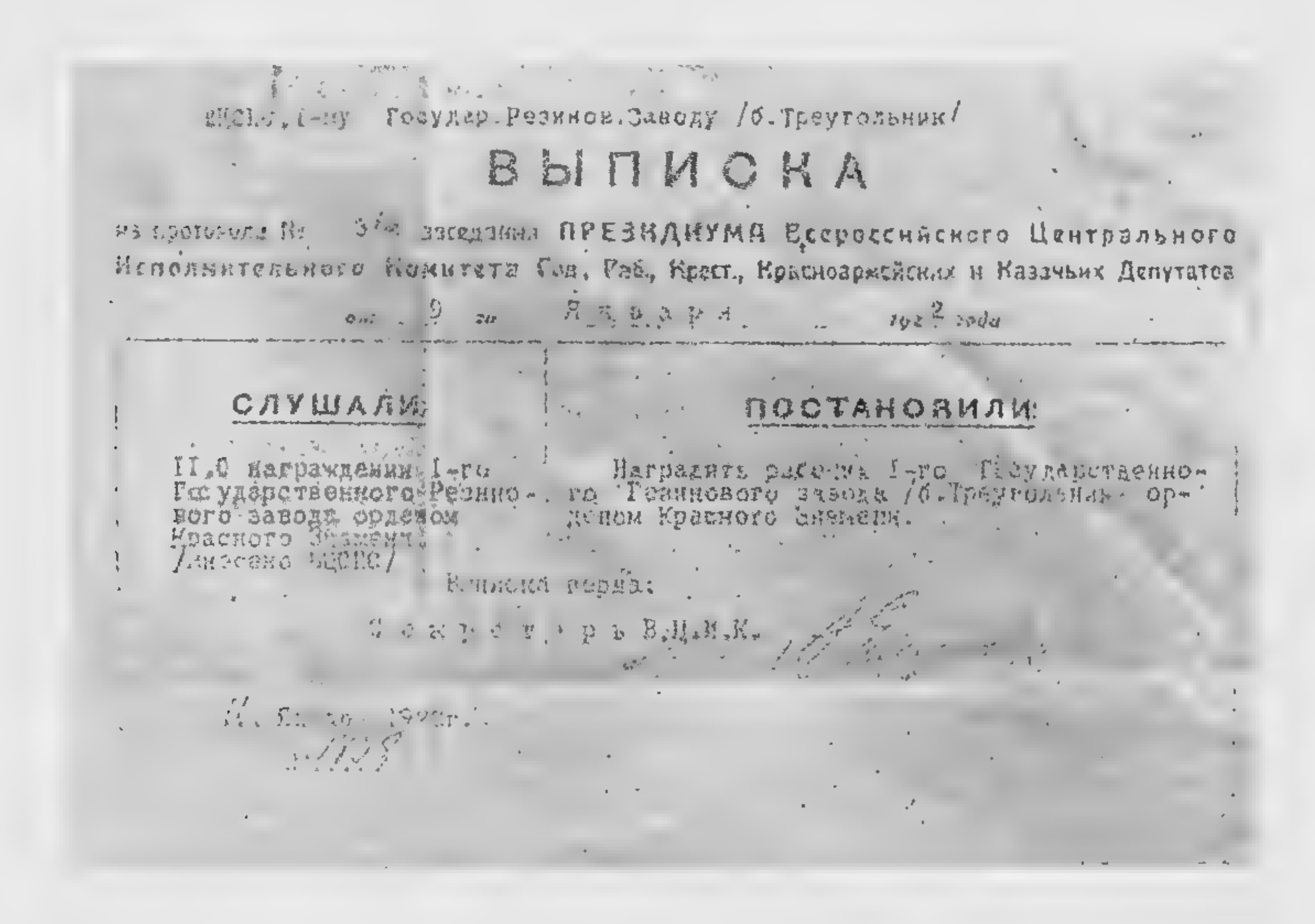
В эти дни, полные тревоги за судьбу родного завода, рабочие «Красного треугольника» удвоили, утроили энергию, они ударными темпами восстанавливали завод.

Дело было чрезвычайно сложное и трудное, но рабочие сломили вредительские планы, доказали, что они смогут развернуть производство своими силами. Пуск «Красного треугольника» был громадной победой пролетарского государства на фронте народного хозяйства. Вот почему вся страна отметила этот героизм рабочих «Треугольника». «Красный треугольник» был первым заводом в стране, который пролетарское государство наградило орденом «Трудового красного знамени».

Торжество вручения Красного знамени состоялось 18 марта 1922 г., в день памяти Парижской Коммуны.

«Обычно тихий и безлюдный в нерабочие дни Обводный канал в районе «Треугольника» необычайно оживлен, — писала «Петроградская правда». — Непрерывною вереницею движутся празднично приодетые рабочие и работницы, идут и идут сотни и тысячи, чтобы славить мощный и исполненный жизни «Треугольник» — за его достижения на фронте труда . . .

«Наш завод — первый в Республике кавалер ордена Красного знамени. Мы первые удостоены ВЦИК этой чести» — с гордостью говорят рабочие.

Госудap. Резинов. Заводу /б. Треугольник/

ВЫПИСКА

из протокола № 3 заседания ПРЕЗИДИУМА Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов. Раб., Крест., Красноармейских и Казачьих Депутатов

от 9 Января 192 2 года

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
II. О награждении I-го Государственного Резинового завода орденом Красного Знамени.	Наградить рабочих I-го Государственного Резинового завода /б. Треугольник/ орденом Красного Знамени.

Выписка верна:

Секретарь В.Ц.И.К.

Громадная балонная мастерская, красиво разукрашенная зеленью и тканями, неумолчно гудит тысячами голосов собравшихся на торжество.

Все с нетерпением ждут момента внесения знамени. Вот торжественно, мерно колыхаясь над головами, яркоалое, горящее золотом шитья ... Знаменосцы — старейшие заслуженные рабочие, эскорт, президиум; звуки «Интернационала» переливаются с многочисленными кликами.

Тов. Смирнов оглашает постановление ВЦИК о награждении «Треугольника» орденом Трудового красного знамени.

— Русский пролетариат, — говорит т. Смирнов, — под Красным знаменем труда выявил свою неуклонную волю к победе. Вы первые в Республике удостоены этой великой почести. Ваш труд будет еще плодотворнее, и вы пойдете к новым прекрасным достижениям.

Длинный ряд речей. Многие из них наполнены неподдельным волнением, которое передается громадной аудитории.

В словах этих — воспоминания о прошедших тяжелых годах и радостная удовлетворенность настоящим.

Торжественный день ознаменовался открытием Дома рабочей культуры». («Петроградская правда» 28 марта 1922 г.)

К концу 1922 г. на «Красном треугольнике» работало уже восемь тысяч рабочих, и за год завод дал $30^0/_0$ довоенной выработки, увеличив выпуск изделий против 1921 г. в шесть раз (322 тыс. пуд.).

Но стремительный подъем производства завода в 1922 г. был задержан наступившим в 1923—1924 гг. кризисом сбыта, который XII съезд партии назвал «кризисом торговой беспомощности».

Промышленность только начинала подниматься, товаров выпускалось еще очень мало и в них была громадная нужда, но потребитель не раскупал и того, что производили фабрики и заводы: непомерно высоки были цены. Высокие цены на промышленную продукцию были результатом неправильной троцкистской политики ряда руководителей хозяйственных организаций, которые не учитывали слабой платежеспособности крестьян. Резинотрест начал испытывать острые затруднения со сбытом изделий, особенно галош. За десять месяцев 1923 г. на складах скопилось товаров на сумму свыше 30 млн. Оборотные средства треста завязли в нераспространенных товарах. Пришлось сокращать производство.

В 1923/24 г. выработка галош по сравнению с прошлым годом сократилась на $40^0/_0$. «Красный треугольник» начал свертывать производство, сокращать рабочих, главным образом галошниц. Тяжело переживал завод этот удар.

Но партия указала выход. Из «кризиса торговой беспомощности» выход был один — сломить сопротивление тех

хозяйственников, которые вели политику непомерно высоких цен, снизить цены на изделия промышленности и укрепить хозяйственную смычку города с деревней. А это значило: улучшить работу торгового аппарата, снизить накладные расходы в производстве и в торговле, а главное — повысить производительность труда рабочих на фабриках и заводах.

Снизили цены на галоши на 40%, и рынок в несколько месяцев поглотил все товарные запасы. На «Красном треугольнике» начался такой бурный рост производства, что уже через два года довоенный уровень был превзойден по всем изделиям.

По *галошам* довоенный уровень был достигнут в 1925/26 г.

По *шинам* — довоенный уровень был достигнут в 1922 г., а в 1926/27 г. выпуск превышал довоенный более чем в пять раз.

По *технике* — превышение на 15% уже в 1925/26 г. и почти на 25% — в 1927/28 г.[1] Был организован ряд новых мастерских (гребни — до 6 млн. штук в год, нити и др.).

Число рабочих на заводе к концу 1928 г. достигло 19 тыс. человек.

Сухие, скупые цифры...

Но в этих скупых и сухих цифрах отражены итоги целого этапа в жизни страны и завода, этапа, который вплотную подвел «Треугольник» к героической первой пятилетке строительства социализма.

---

[1] За предвоенное пятилетие — 1909—1913 гг. — «Треугольник» выпускал в среднем 18 млн. пар в год, в 1927/28 г. выпущено было 25,3 млн. пар; по шинному производству было изготовлено в 1913 г. 289 тонн, в 1926/27 г. — 1,544 тонны. По технике: в 1913 г. — 5948 тонн, в 1927/28 г. — 7394 тонны. Вся продукция за 1927/28 г. составила 107,2 млн. руб.; галоши — 62,5 млн. руб., шины — 13,5 млн. руб. и технические изделия — 31,3 млн. руб. Таким образом «Красный треугольник» остался до первой пятилетки заводом галошным и техники широкого потребления по преимуществу.

За этими цифрами годов «восстановления» и «реконструкции» скрыта напряженная, полная драматизма борьба. Многотысячный коллектив рабочих бился за то, чтобы не только дать стране больше галош, шин и «техники», но и переделать старый «Треугольник», эту каторжную «мануфактуру», в передовое социалистическое предприятие. И стоит лишь немного «приподнять занавес», как каждая цифра, освещенная этой борьбой, становится живым выразителем несокрушимой мощи рабочего класса и его партии.

Не забудем, что эти завоевания сделаны до 1929/30 г., когда техническое руководство завода возглавляли вредители...

Когда сорвалась попытка сдать завод в концессию, вредители получили новую директиву из-за границы: всячески тормозить развитие «Красного треугольника», выпускать недоброкачественную продукцию, подрывать советскую марку на иностранном рынке.

Бывшие владельцы не дремали и сами. Они организовали производство галош в Финляндии, но стали выпускать заведомо негодную продукцию. Эти галоши они клеймили поддельной маркой «Красного треугольника» и бросали на мировой рынок.

А вредители начали делать брак и на самом «Красном треугольнике».

В 1924/25 г. усердием вредителей был сорван первый экспорт ботиков и галош в Чехословакию и Австрию, в следующем году — экспорт велопокрышек в Швецию. Из партии в 20 тыс. велошин, проданных в Швецию, 18 тыс. было возвращено... В 1928/29 г. был сорван экспорт шин еще в целый ряд стран. Например, в Германию отправили шины такого низкого качества, что их возвращали для обмена по пять-шесть раз. Это нанесло удары советской резиновой промышленности за границей: рекламации (претензии на недоброкачественность) на продукцию «Красного тре-

угольника» получили широкую огласку. Покупатели в Европе возбудили целый ряд судебных процессов.

Резинотрест расплачивался по претензиям покупателей золотом, тем самым золотом, ради которого страна вывозила галоши на заграничный рынок.

За один только 1925/26 г. государство заплатило англичанам и голландцам за каучук и химикалии 21 млн. руб. золотом.

Надо было эти расходы покрывать вывозом готовых изделий. От успешного экспорта зависели и работа «Красного треугольника» и ввоз из-за границы нового оборудования. Вредители били на то, чтобы сорвать экспортно-импортные планы...

Вот что рассказал на следствии вредитель Ш.:

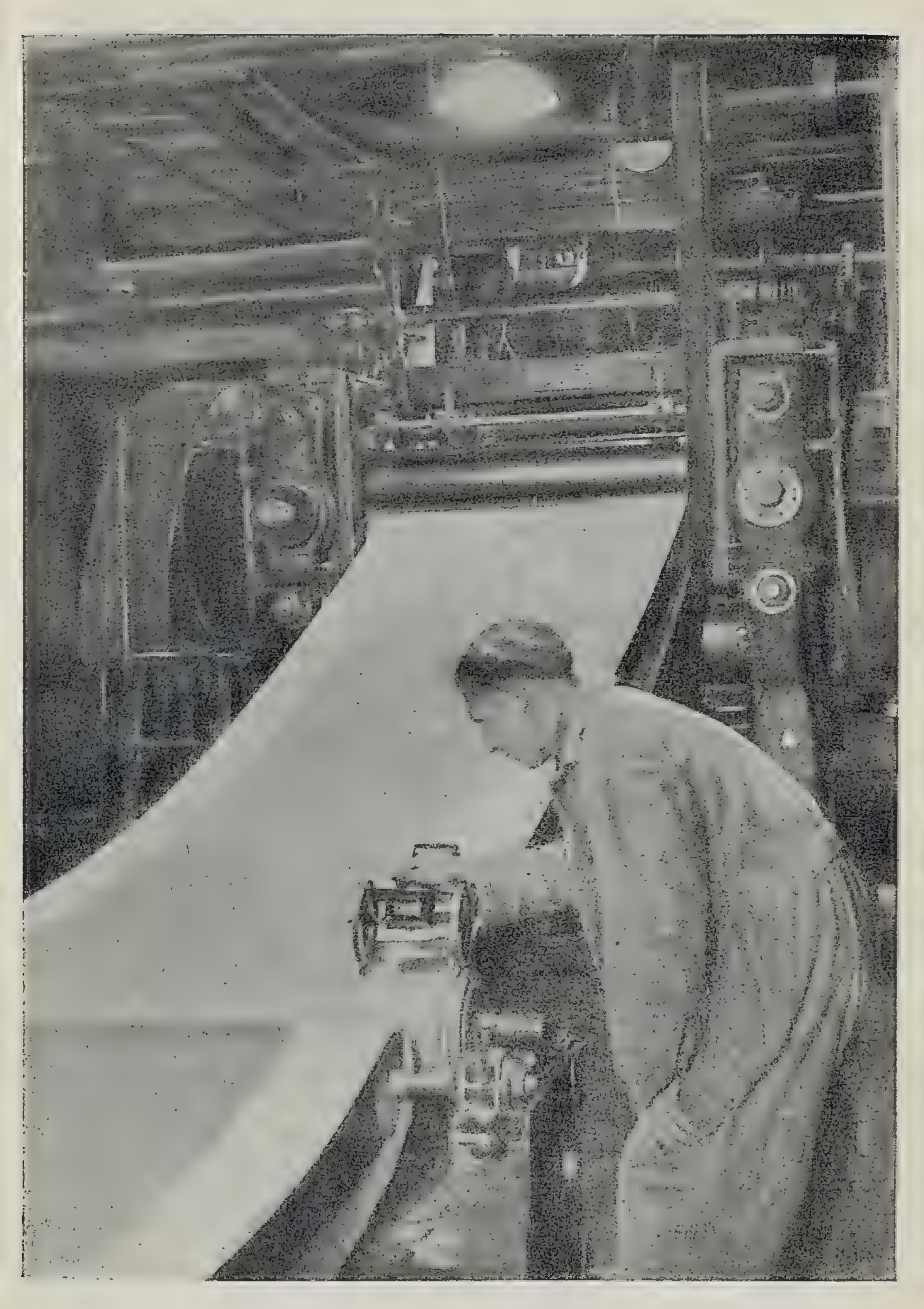
«...Я, несмотря на пониженное качество материала, пустил его в производство, в результате чего получились массовые рекламации ботиков на заграничном рынке и подрыв авторитета советской резиновой промышленности. Кроме себя я считаю виновным в этом вредительстве Лявданского, который, хорошо зная на практике галошное производство, все же мне дважды подтвердил свое распоряжение о пуске в работу заведомо негодного текстиля».

Брак в производстве по вине вредителей вырастал до огромных размеров: в 1927/28 г. было выбраковано изделий на 1 469 871 руб., причем неполноценный товар и брак в полуфабрикате даже и не учитывались.

В 1924/25 г., благодаря бдительности и усилиям рабочих, было изготовлено и вывезено на заграничный рынок отличного качества галош на 900 тыс. руб., а в 1928/29 г. уже на 14,9 млн. руб.

Вредители пытались смешать эту продукцию с мусором — браком, но это им удалось только частично.

Главной в галошном производстве была работа галошницы, и это решало качество продукции. Советская галоша, марка «Красного треугольника», несмотря на все козни

Каландр Фарреля для раскатки резины.

вредителей, завоевала высокую оценку на мировом рынке.[1]

И это — победа пролетарской организованности, победа большевистской бдительности на производстве.

Для автошин заграничный рынок, вследствие вредительства, был потерян на несколько лет. Технологически сложное производство пневматических изделий рабочим контролировать было трудно и трудно было разоблачить в этой части вредительство.

Качество шин в 1924/25 г. было настолько плохо, что вопрос пришлось ставить ребром: или улучшить качество, или вовсе прекратить их производство на «Красном треугольнике». Вредителям пришлось отступать, заметать следы под страхом разоблачения. Но и в последующие годы вследствие вредительства выпускалось большое количество плохих камер и покрышек.

Вот признания вредителя К.:

1. «Касаясь характеристики рецепта, я заявляю: химик, проработавший год или полтора... в резиновой промышленности, такого безграмотного рецепта не составит. Это действие я признаю... за прямое вредительство...»

2. «...В изготовлении плохих покрышек в 1924/25 г. повинен всецело инженер Г., ведавший этим производством, и инженер Лявданский, — они представляли из себя, тогда в особенности, как бы одну монолитную фигуру, один покрывал другого. Производство таких покрышек считаю актом... прямого вредительства. Несмотря на неоднократные обращения к ним со стороны рабочих собраний, где

[1] В 1927/28 г. резиновые изделия (главным образом галоши) вывозились в следующие страны (в скобках показана сумма вывоза в тысячах рублей): в Персию (1619), Чехословакию (1257), Турцию (969), Литву (312), Монголию (256), Австрию (182), Китай (253), Афганистан (106), Эстонию (104) и менее чем на сто тысяч рублей в каждую было вывезено в страны: Латвию, Англию, Швецию, Норвегию, Германию, Грецию, Венгрию, Францию, Финляндию, Тану-Тува. (Данные взяты из сборника «Внешняя торговля СССР за период 1918—1927/28 гг.». Изд. Снабкоопгиза, 1931 г.; цифры не точны, но таблица дает представление о распределении экспорта по странам.)

буквально стон стоял от такого огромного брака и рекламаций, также со стороны гаражей госучреждений, — Г. неизменно отвечал, что «преувеличиваем страхи», покрышки хорошие, до этого они были значительно хуже...»

В Западной Европе и Америке в эти годы произошла полная революция в производстве шин. Покрышки «бегали» там по двадцать-тридцать тысяч километров и больше. Там были найдены новые способы вулканизации, новые рецепты, введены были новые ткани для покрышек. Вредители знали об этом, но только под давлением общественности и советских молодых инженеров они вводили улучшения в пневматическое производство завода.

На беговой покрышке были введены новые рисунки («аллигаторные», в виде ромбов и трапеций, вместо старой «елочки»). Вместо ткани «Пнев» для покрышек стала употребляться особо приготовленная ткань «Корд», удлинившая срок службы шин. Вместо египетского ввозного хлопка для ткани использовали свой, ферганский, и шины с «Красного треугольника» стали давать пробег вместо двух и трех тысяч до пятнадцати тысяч километров. Пневматическое производство было не только переоборудовано, но создано почти заново. И всего этого добилась пролетарская общественность завода во главе с большевистской организацией, вопреки буржуазным спецам-вредителям и в непрерывной борьбе с ними.

Отдел пневматики был расширен и реконструирован. Раньше покрышки изготовлялись на металлических сердечниках весом от 200 до 450 килограммов, рабочие вертели их вручную. Старых спецов заставили выбросить эти болванки. Вместо них снабдили мастерские легкими камерами по 10 — 20 килограммов, на механическом приводе.

Целый ряд других существенных мероприятий облегчил и оздоровил обстановку работы в шинных мастерских. Один из самых каторжных видов труда, унаследованных от старого «Треугольника», был ликвидирован социалистической рационализацией.

Шла борьба и на производстве изделий промтехники. Одно время вредители, например, так «рационализировали» производство обкладки валов для бумажной промышленности, что Облсовнархоз поставил вопрос о ввозе резиновой обкладки из-за границы. А изготовлять ее умели еще до революции, причем качество валов было даже лучше заграничных. Заводская газета вынесла вопрос на обсуждение рабочих. Инженеры «доказывали», что ничего сделать нельзя, что «виноваты» скорости бумажных машин и т. п. Но старые рабочие — Александров, Новиков, Семагин, мастер-выдвиженец Родионов — вскрыли причины плохого качества: дело оказалось в том, что вредители изменили технологический процесс, непозволительно сократили время вулканизации и просушки валов, пускали в работу негодную резину и т. д. На производсовещании разоблачали действительные причины брака, и вредителям пришлось, под угрозой разоблачений, принять предложения рабочих.

Можно привести еще десятки примеров того, как коммунисты-рабочие и заводская общественность путали карты вредителей и принуждали их делать то, что было нужно советскому государству.

Когда в 1925 г. началась реконструкция завода, — вредители попытались ее сорвать, омертвляя государственные средства. Завезенное с «Проводника» оборудование, около 600 вагонов, ржавело и портилось под открытым небом.

Вредители были так уверены в восстановлении капитализма, что решали попутно разорить своего бывшего конкурента — о-во «Проводник».

Из-за границы выписывалось оборудование на сотни тысяч рублей золотом. Установку его оттягивали под разными предлогами, а многие машины прямо из Порта везли на знаменитый 29-й двор, то есть на свалку.

За границей нередко покупали машины устаревшего типа или совершенно непригодные для производства.

Вот признания вредителя В.:

Лодка из резины

«Мною на заводе «Красный треугольник» после национализации проведены следующие вредительские акты: в 1923 г. мною были установлены два олово-прокатных каландра... хотя мне заведомо было ясно и известно, что в силу своей маломощности они для производства нерациональны. После их установки и выяснения их нерациональности для остальных окружающих, были приняты меры к получению сильных каландров... Были... привезены на завод два таких каландра. После их установки в 1924 г. малосильные... остались на месте и в бездействии находились до 1929 г., после чего их сняли...»

Таким путем были выброшены на ветер сотни тысяч рублей валюты. Устаревшее оборудование подменялось несвоевременно, планово-предупредительный ремонт отсутствовал. Ремонтно-строительные работы затягивались, велись без планов и расчетов.

После одного из обследований в 1928 г. «Экономическая жизнь» писала о капитальных работах на заводе:

«Завод вложил в капитальные сооружения около 10 млн. руб., но в какой степени продуктивны эти затраты — никто сказать не возьмется. В отдельных случаях можно говорить, что деньги пущены на ветер. Например, погибло несколько тысяч рублей в брошенных работах по оборудованию вальцами, потеряны для завода десятки тысяч вместе с малоплавильным производством, ликвидированным по распоряжению треста в самый разгар капитального оборудования, обречена сотня тысяч рублей, забитая на протяжении двух лет в сероугольный завод, который также предстоит ликвидировать...

Мы ознакомились по «Красному треугольнику» с полсотней работ из программы минувшего года. И что же? Не оказалось ни одного сооружения, исполнительная стоимость которого показала бы хотя какое-нибудь сходство со сметными предначертаниями. Дистанции в 200, 300 и больше процентов — здесь заурядные дистанции...»

Это было до начала пятилетки. Прошло полтора года со времени появления статьи о неблагополучии на заводе, но дело ничуть не улучшилось. И на пленуме парткома в июле 1929 г., когда обсуждались итоги ремонта завода, рабочие заявляли:

«Тов. Федоров. ...Работницы правильно говорят, что после ремонта в цехах стало еще хуже работать.

Тов. Соловьев. ...В нашем цехе после ремонта работы переделывались снова. Когда мы вышли на работу, так на станках нельзя было работать... Это не ремонт, а просто бросание денег на ветер. Это настоящее преступление...

Тов. Расюк. ...То, что начали ремонтировать, — не работает и сейчас, а работаем мы только на тех станках, которых не трогали для ремонта.

Тов. Масальцев. ...Пример шахтинского дела открыл нам злоупотребления в промышленности, а что вы думаете — в резиновой промышленности лучше обстоит дело? Вот возьмите пример с нашим ремонтом, что вы думаете? Что это делалось без умысла?..»

Партия и рабочий класс напрягают все силы, чтобы освободить страну от иностранной зависимости, — вредители бьют на то, чтобы увеличить нашу зависимость от капиталистических стран.

Вот два решения: дирекции и инженеров — и общественности:

Дирекция и инженеры:

«...6) Поставить перед правлением треста вопрос о приобретении заграничных материалов в тех случаях, где налаживаемое в СССР производство не даст гарантий в получении достаточно доброкачественного материала, например, цинковые белила...» (Протокол совещания от 7 марта 1925 г.)

Производственная конференция рабочих:

«...28) Высказать пожелание, чтобы правление треста возбудило вопрос перед соответствующими инстанциями о необходимости принятия мер к ограничению ввоза хи-

Опыты по вулканизации каучука в заводской лаборатории.

микалий из-за границы, ставя вопрос в плоскость изготовления их на заводах СССР, не останавливаясь даже перед затратой нужных средств на оборудование и постройку новых заводов...» (Из резолюции производственной конференции завода 25 — 27 сентября 1926 г.)

Брали часто верх «авторитетные специалисты» и везли из-за границы всякую мелочь, вплоть до стеклянной и фарфоровой посуды, которую можно было в любое время получить с наших заводов. В 1925/26 г. купили в Австрии 300 тыс. заклепок, в Англии — 1500 дюжин напильников и т. д. и т. п.

То же самое происходило с оборудованием: заказывали за границей то, что вполне могли делать советские заводы и механические мастерские «Красного треугольника».

Рабочая общественность, видя, что постановлениями «авторитетных специалистов» не сломить, посылала своих представителей на заводы и фабрики и добивалась своего: все больше заказов переходило на советские заводы. Расходы на импорт, благодаря упорству рабочих и настойчивости парторганизации, из года в год сокращались.

Страна укрепляет оборону советских границ... Вредители бьют и в эту сторону! Изготовляют негодные маски, снабжают Красную армию другими негодными изделиями. Однажды в партии из 70 тыс. масок, сданных Наркомату обороны, было обнаружено и возвращено заводу 14 539 штук как непригодных. Ответственный военный товарищ писал директору А. А. Янену:

«...Александр Адамович, я, грешный человек, склонен думать, что со стороны твоих инженеров нет просто желания что-либо сделать хорошего в этом направлении... я должен оговориться, что я совершенно их не знаю, а поэтому прошу тебя, если я в своих взглядах и оценке людей ошибся, то ты на это мне укажи, а если не ошибся, то прими наши большевистские меры к тому, чтобы было сделано так, как *нам* надо, а не так, как *им* надо...»

Так с разных сторон шли сигналы о вредительстве на заводе. Но дирекция завода была слепа (в частности, сам директор А. А. Янсн), — и вредители продолжали орудовать.

Бичом работниц и рабочих старого «Треугольника» было отсутствие вентиляции. Вопрос об устройстве вентиляции стоял после революции как *основной* вопрос охраны труда на заводе.

Инспекция труда, обследовав завод в 1922 г., отметила: «Обращает на себя внимание *большое количество несчастных случаев*, происходящих на территории завода, количество, *превышающее все заводы района вместе взятые*». Инспекция составила перечень важнейших работ по охране труда, причем почти во всех мастерских в первую очередь предложено было «устроить мощную вентиляцию, в особенности в галошных залах».

Начиная с 1924/25 хозяйственного года государство выделяет крупные суммы на мероприятия по охране труда на заводе и в первую очередь на оборудование вентиляции. Средства были достаточны, чтобы капитально переоборудовать в этом направлении завод. Но вредители тормозят работы. Изготовление проектов по вентиляции умышленно затягивается. Средства, отпущенные государством на вентиляцию, вредители сознательно тратят не по назначению. А потом показывают их в «отчетах по охране труда».

Пример: смета на расходы охраны труда в 1924/25 г. достигала полумиллиона рублей. Израсходовали деньги. И оказалось: 124,5 тыс. руб. растранжирили на «мелкие ремонты», 89 тыс. руб. употребили на... постройку зданий для сероуглеродного завода и т. д. А на все работы по вентиляции из полумиллионной сметы затратили 17,6 тыс. руб. — всего около трех процентов!

Между тем положение в ряде мастерских оставалось нетерпимым.

Вредители *не хотели* делать вентиляцию, ссылаясь на отсутствие опыта» и т. д. Пришлось их *заставлять* делать.

П. С. Каспаров, секретарь парткома завода, докладывал на заводской партийной конференции 25 ноября 1928 г.:

«По части охраны труда. На это дело было отпущено 717 тыс. руб. Когда мы в мае обследовали этот вопрос, мы пришли к тому, что чуть не 8—9 месяцев прошло с начала хозяйственного года, а заводоуправление израсходовало всего 300 тыс. руб. Вы, товарищи, наверное слышали, что и заводоуправление, и заводский комитет получили выговор от РК партии и Союза, и теперь они нажали на все кнопки и говорят, что программа полностью реализована. Пусть Янеп, — он будет иметь слово, — пусть он скажет, как они расходовали эти средства, насколько хорошо расходовали, не было ли такого случая, что они бесцельно тратили деньги. У Фадеева имелись, как говорят, сейфы. И вот инженер по технике безопасности чуть ли не специальную делегацию послал в помещение, чтобы эти сейфы перевести на 29-й участок».

Так летели деньги на ветер. Проведение работ поручалось безграмотным технически людям. Некоторые вентиляционные установки приходилось сразу же переделывать, эффективность их оказывалась низкой при высокой стоимости и т. д. Все, что было сделано по технике безопасности и устройству вентиляции, сделано было под напором партийных и общественных организаций завода, Губотдела и ЦК союза химиков, Здравотдела, органов НКТруда, печати. Вот почему как крупнейшую победу рабочей общественности необходимо отметить устройство за 1921—1928 гг. вентиляции в десятках мастерских, ограждений, душей, раздевалок. Условия труда, особенно у галошниц, радикально улучшились: *после 1928 года на заводе не было ни одного случая отравлений.*

Озлобленность вредителей доходила до того, что они готовы были обрушить завод, они устанавливали на четвертом этаже машины, зная, что пол не выдержит, устанавливали с тем, чтобы вызвать катастрофу.

Один из вредителей показал:

«...Инициатором проекта по переносу производства камер в четвертый этаж в 1925 г. был инженер Ш. На мое замечание о недопустимой нагрузке четвертого этажа тяжелыми машинами Ш. был смущен и они сразу же стащили вниз четыре котла, оставив наверху два, причем Ш. буквально заявил следующее: «Все тащить вниз неудобно, заметят рабочие, будут спрашивать, поднимется буза, зачем, скажут, строили леса» и пр... Насколько помню, по подсчету проф. Дмитриева, нагрузка пола была превзойдена процентов на семьдесят выше нормальной, и это грозило неминуемым провалом пола, разрушением здания и гибелью работавших в нижних этажах рабочих (в третьем этаже работало человек 150, во втором — 60)...»

Не было ни одного производственного участка на заводе, где бы не нанесли ущерба вредители...

Конечно, вредителям хорошо платили за их «деятельность».

У вредителя Ю. М. Кетница после ареста было найдено на 70 тыс. руб. долларов, английских фунтов и т. д. У арестованного Ф. Ф Бекмана — 9 077 долларов, 25 тыс. финских марок, у Нефедова — 4 360 долларов и т. д.

Вредители долго занимали на заводе командные должности (технические директора, заведующие отделами, главный бухгалтер).

Они держали в руках все нити технической и финансовой жизни завода, и наносили ему огромный ущерб. Но *подорвать* производство *советского* завода, сколько они ни прилагали усилий, — им не удалось.

За ними бдительно следили партийные организации завода, райком, производственная секция Ленсовета, профсоюзные организации. Непосредственно на производстве они постоянно наталкивались на мастеров-выдвиженцев.

Вредители на протяжении всех лет своей подрывной деятельности на заводе бились за то, чтобы иметь в масте-

рах «своих людей», которых они вербовали и тащили на завод из охвостьев разбитых эксплоататорских классов. Тов. Каспаров говорит: «Обычно работа вредителей шла по линии подбора низовых административных кадров: мастеров, бригадиров. Линия ими была взята на то, чтобы везде иметь своих людей».

Рабкор завода Н. Сковородников писал в январе 1926 г. в «Ленинградской правде»:

«С апреля по август 1925 г. принято на завод:

подпрапорщиков	22	чел.
прапорщиков	43	»
поручиков	17	»
капитанов	3	»
подполковников	1	»
полковников	3	»
штаб-ротмистров	1	»
корнетов	2	»
генерал-адъютантов	1	»

Есть и моряки:

лейтенантов	1	»
капитанов	2	»

Пробирались, случалось, на завод и зубры покрупнее, — например, бывший секретарь святейшего синода А. И. Новиков.

Вредители помогали «бывшим» проникать на завод и устраиваться на «тепленьких местечках», — ведь они тоже боролись за свои «кадры». И тут вредители потерпели решительное поражение.

Сразу же после возобновления работ на заводе (с 1921 г.) партийная и профессиональная организация занялись подбором кадров мастеров и мастериц. Из опытных рабочих и работниц общественность выдвинула около трехсот мастеров и мастериц, заменивших хозяйских ставленников.

К концу 1926 г. было 182 выдвиженца, из них 82 коммуниста; за 9 месяцев 1928 г. было выдвинуто 127 чел., из них 75 членов партии.

Механизированная раскраска мячей из резины

Многие из выдвиженцев выросли на низовой работе и занимают сейчас на заводе ответственные посты: В. Ф. Мотова — руководитель галошного сектора в совете изобретателей, М. М. Васильева — председатель советской группы, бывший кочегар И. Т. Фомин — теперь начальником котельных установок, смазчик паровых машин А. А. Андреев работал директором Шинного и Галошного заводов (сейчас начальник ОРСа), вальцовщик Лиш — руководит отделом личного состава, галошница Леухина — на руководящей работе в Резинпосбыте. Многие нынешние начальники цехов вышли из рядовых работниц и рабочих.

Партийная организация, опиравшаяся на передовых рабочих и лучших инженерно-технических работников, явилась той организующей силой, которая обеспечивала успешное развитие производства и противостояла вредительской верхушке.

Вредителям приходилось все более и более отступать. Чем дальше, тем труднее им было путать дела.

Всюду и везде они видели настороженных коммунистов, настороженных рабочих.

Каждый сколько-нибудь значительный вопрос производства и организации работы разбирался в партийных организациях, выносился на обсуждение производственных конференций рабочих.

«...Предложить т. Янепу (директору), — постановляет бюро коллектива, — в ближайшее же время организовать плановое бюро для планирования работ по капитальному строительству...

...Передавать своевременно и проекты и планы реконструкции на обсуждение соответствующих производственных совещаний». (Протокол 16 ноября 1928 г.)

Провал вредителей был неизбежен, но они были разгромлены в упорной, длительной, жестокой классовой борьбе.

Все руководство производством фактически осуществлялось в эти годы парткомом. Без оперативного вмешатель-

ства парторганизации даже в чисто административные функции завод в то время не мог работать.

Партийная организация опиралась на растущую политическую активность передовой массы рабочих, на выдвиженцев, на молодых советских инженеров — тт. Н. Г. Зоркина, Н. А. Реймаруса, А. В. Буштуева, Е. О. Старосельского и др.

Овладевая техникой, рабочие непрерывно вносили в производство завода улучшения и усовершенствования.

За один только 1926 г. было внесено 1050 предложений, из них проведено в жизнь более 900, причем из 898 предложений принадлежали работницам и рабочим.

Рабочие не только вносили рационализаторские предложения, — целый ряд рабочих выдвинулся в крупные изобретатели:

«Годами приводные ремни из прорезиненной материи изготовлялись на «Красном треугольнике» по старинному способу. Разложенную на столе материю заворачивали на требуемую ширину и тщательно закатывали тяжелыми роликами. На каждом столе при таком способе работало 2 — 3 человека. В один час изготовлялось 6 метров ремня.

Рабочий т. Рачковский предложил новый способ изготовления приводных ремней. При этом способе достигается полная механизация производства ремней.

Способ т. Рачковского дал возможность через каждый час выпускать не 6, а 180 метров ремня. Увеличение производительности в 30 раз позволяет снизить себестоимость». («Ленинградская правда», 29 июня 1928 г.)

«В трубной мастерской «Красного треугольника» 70 лет из года в год работницы вручную отстирывали в горячей воде от пудры прошедшие вулканизацию лабораторно-медицинские трубки.

Несмотря на резиновые перчатки, которые выдавались работницам, руки из-за стирки обдирались и всегда были в ссадинах.

Так продолжалось до тех пор, пока наш красный мастер-

выдвиженец т. Курилкин не взялся механизировать стирку. Результаты его работы получились превосходные. Тов. Курилкин приспособил для стирки двухстепный барабан, внутри которого имеется сетчатый вращающийся цилиндр.

Стирка машинным способом производится сейчас без мыла, в то время как при ручной работе расход поташного мыла превышал в год 3500 килограммов.

В том же отделении трубной мастерской те же трубки после стирки ручным способом свертывались в круги, что отнимало ежедневно по два часа у 15 человек.

Тов. Курилкиным изобретен станок-мотовило для свертывания товара в круги, который дал возможность заменить труд пятнадцати человек двумя работницами. Изобретение красного мастера Курилкина облегчило труд рабочих и приносит сейчас солидную экономию заводу». («Ленинградская правда», 30 марта 1928 г.)

Вредители, разумеется, и к этому делу прикладывали руку. Они задерживали ценные изобретения, издевались над изобретателями при распределении премий, теряли чертежи, в то же время щедро премировали друг друга за такие «изобретения» и «предложения», которые обязаны были делать в порядке текущей работы. Вредителям удавалось нередко тормозить и задерживать движение массового технического творчества, но остановить его они не могли.

За работой советского социалистического завода следят сотни и тысячи рабочих глаз, десятки рабочих организаций. Советский завод — в центре внимания государственных органов пролетарской диктатуры, и Ленинградский Совет внимательно наблюдал за успехами, — победами и болезнями резинового гиганта. Большую роль в улучшении работы и реализации изобретений сыграли пленумы производственной секции Ленсовета, заседавшей на заводе, и посвященные специально итогам обследования завода. На одном из пленумов — 30 декабря 1927 г. — изобретатель-рабочий т. Цыганков говорил:

«... Все знают, — говорил он, — поговорку, что рыба портится с головы. Что сделано заводоуправлением по отношению технического персонала, который делает столько браку? Надо бы грязной метлой гнать таких «спецов»... Если рабочий долголетним опытом добивается известных достижений, то ему говорят, что не подойдет. И нужен целый ряд мероприятий и настойчивость рабочего, чтобы добиться осуществления в жизни своего достижения. Был в частности такой случай и со мной. Мною было сделано изобретение и только благодаря вмешательству коллектива удалось добиться своевременных результатов. Обработка коммутаторных рам стоила раньше 6 руб., а сейчас, когда мною сделан прибор, работа эта стоит 2 руб. 40 коп.

Нужно сказать нашему заводоуправлению, чтобы оно несколько освободилось от бюрократических опекунов и дало бы свободу производственному совещанию...»

На заседании присутствовало 317 членов Ленсовета и около 800 рабочих завода. Рабочие и общественные организации, преодолевая огромные препятствия, добивались проведения в жизнь изобретений.

В крепком партийном руководстве завода, в активности и производственном героизме рабочих масс были заложены те силы, которые вывели «Красный треугольник» к крупнейшим производственным победам, вопреки бешеному сопротивлению классового врага. Об одной из этих побед — перевороте в галошном производстве — должно рассказать полнее.

Галоша пошла по конвейеру

Шестьдесят пять лет треугольниковская галоша целиком делалась одной работницей — «трясучкой», ручным способом, без каких бы то ни было механизмов. Социалистический завод не мог мириться с кустарной техникой галошного производства, изнурявшей работницу, сковывавшей производительные ее возможности.

В 1923 г. комиссия советских ученых, во главе с академиком В. М. Бехтеревым, изучила условия труда галошниц и выработала целый ряд предложений по нормализации труда.

Академик В. М. Бехтерев был на заводе в марте 1914 г. в качестве члена правительственной комиссии, которая выясняла причины массовых отравлений. Он не подписал тогда фальшивых выводов комиссии, а на суде заявил вполне определенно, что работницы гибнут от бензина. Теперь его встретили на заводе как друга, ему предоставили все возможности ознакомиться с производством. Комиссия нашла много ненормальностей в условиях труда, но указала в то же время, что все они могут быть так или иначе устранены.

Вскоре после комиссии Бехтерева на завод пришел работать доктор А. Ф. Вербов, заведующий биомеханической

лабораторией Физио-терапевтического института. Его назначили на заводе заведующим Бюро НОТ (Научной организации труда). Громко сказано — бюро НОТ: все бюро составлял он один.

А. Ф. Вербов изучил производство ряда мастерских (асбест, игрушки, ящичная). В каждой мастерской он начинал с того, что сам становился на рабочее место, изучал в деталях процесс, а потом разрабатывал схему новой организации труда. И всякий раз добивался серьезного эффекта: производительность труда в мастерской поднималась, условия для рабочего улучшались.

Вербов стал требовать людей. Но техническое руководство завода оставалось глухим к его требованиям.

Не добившись поддержки от специалистов, Вербов обратился в партийную организацию, явился на общее собрание коммунистов и комсомольцев.

Выслушав Вербова, собрание постановило: «Предложить культкомиссии совместно с завкомом разработать план для проведения целого ряда лекций о научной организации труда».

Идеи НОТа пошли в массу, на суд общественности. Партбюро выделило в помощь Вербову т. Бахарева, комсомол — Андрианова. Заинтересовались работой Вербова инженер Яблочников и два молодых техника - рационализатора — Фишер и Данилов. Эта группа приступила к перестройке работы галошных мастерских.

Рационализаторы начали расчленять процесс изготовления галош на отдельные простые операции. Все операции свели в восемь групп. И предложили на каждую группу операций поставить отдельную работницу.

Старые мастера опыты Вербова и его сотрудников встретили в штыки. Враждебно и подозрительно отнеслись к новшеству и многие старые галошницы. Технические руководители завода, воспользовавшись колебанием работниц, поспешили провалить все дело: начали забирать у Вер-

бова наиболее энергичных его помощников, ставить ему всяческие палки в колеса. Директор А. А. Янен занял выжидательную позицию.

Наконец в июне 1925 г. Вербову дали восемь квалифицированных галошниц для работы «восьмеркой».

Получился провал... «Восьмерка» выпускала галош на треть меньше, чем давали работницы при индивидуальной клейке. Сколько ни бились — достичь нормы не могли.

Это был критический момент для потовцев. Как быть? Что делать?

Поддержала снова партийная организация. Старые галошницы-коммунистки на делегатском собрании 22 сентября 1926 г. говорили:

Голубева. «...Галошницам трудно работать, цех вредный, пускай т. Янен посмотрит, как они работают. Они являются в одно и то же время галошницами, красильщицами, мазильщицами, подметалами и т. д. Нужно, чтобы галошница работала только на клейке».

Бакульская. «Я неоднократно говорила Янену на каждом делегатском собрании, что нужно разгрузить галошниц. Мы, галошницы, являемся и красильщицами, и мазильщицами, и метельщицами, но т. Янен не хочет обратить на это внимание...»

Партколлектив выделил для работы на опытной станции крепких коммунистов. Комсомольская организация отобрала пятнадцать лучших парней и девчат. Посоветовавшись с Е. Н. Егоровой, секретарем партбюро, Вербов набирает на «восьмерку» не старых галошниц, а новичков, никогда еще не работавших на галошах.

Опыты из общей мастерской вынесли в отдельное помещение. И через два-три месяца «восьмерки» перекрыли нормы клейки галош. Неквалифицированные «восьмерочницы» обогнали старых опытных галошниц, работавших по старому способу.

Успех окрылил всех работников опытной станции. Стали

Один из конвейеров галошного цеха.

понятны и причины первой неудачи: опытные галошницы не могли приноровиться к новой системе. Летом 1926 г. на заводе была создана первая мастерская из «восьмерок» — из 15 столов — 120 человек.

Самое существенное в новой системе было то, что благодаря разделению труда удалось сразу и резко улучшить гигиену труда галошницы. Вредная операция — намазка деталей бензиновой мазью — была изолирована.

В галошном цехе благодаря этому воздух стал чище.

Затем сконструировали новые столы взамен старых, неудобных. За новыми столами стали работать сидя, — это очень облегчило труд. Ввели десятиминутные перерывы через каждый час работы. Работница разгрузилась от лишних деталей и инструмента, перестала метаться как белка в колесе. Работа стала ритмичнее, спокойнее, легче. И производительность труда пошла в гору, по сравнению с индивидуальной клейкой выросла вдвое: восьмерка стала вырабатывать 240 пар.

Но технические руководители не собирались сдавать свои позиции потовцам. Они делали все, чтобы дискредитировать «восьмерку» в глазах и рабочих и дирекции. Мастерскую оставляли часто без материалов, без сырья. Не давали хорошего помещения и т. д.

Вербову в мастерскую, для расширения дела, требовались инженеры-резинщики.

Прямо отказать ему было неудобно. И Лявданский решил сплавить на опытную станцию молодого инженера Е. О. Старосельского. Этот инженер, незадолго перед тем поступивший на завод, проявил себя как общественник — и это беспокоило вредителей.

Его бросили на опытную станцию и поручили организовать потовскую мастерскую в расчете, что он на этом сломит себе шею.

Лявданский и Бекман изощрялись всячески, чтобы дискредитировать новую систему. Они дали установку прием-

щикам: галоши с опытной станции браковать, отправлять на рубку. При перевозке галош чьи-то руки «рубили носки» у галош... Потовцы стали избегать даже вешать на вагончики свой ярлык. Сотни пар брака ежедневно записывали на счет опытной станции. Долго такое безобразие продолжаться не могло, но не мало пришлось перенести всяких неприятностей и рабочим и руководителям опытной мастерской.

Комсомольцы крепко поддерживали А. Ф. Вербова. Новая система труда начала завоевывать себе сторонников и в массе старых галошниц. Противники становились горячими сторонниками «восьмерок».

Можно было вводить уже новую систему во всех мастерских. Но тут возникло одно серьезное затруднение: с прикаткой подошв. Это — тяжелая физически операция, и работницы, поставленные теперь в связи с разделением труда на прикатку, не могли с ней справиться. Прикатку надо было механизировать. Сконструировали и построили прикаточную пневматическую машину. Машина не только облегчила труд прикатщицы, но и сильно убыстрила его — стала прикатывать по несколько пар в минуту. «Восьмерка» не могла использовать всей производительности машины. Машина потребовала иной организации труда. Возник «комбинат» — четыре «восьмерки» вокруг одной прикаточной машины.

Так был сломан на «Треугольнике» десятилетиями державшийся кустарный способ выработки галош. Механизация не могла развиваться, так как невыгодна была капиталистам, которым никто не препятствовал эксплоатировать дешевый труд работниц.

Социалистическая рационализация труда сломала рутину, облегчила, оздоровила труд работниц, открыла широкие возможности для повышения производительности труда.

Героями-энтузиастами этого дела были товарищи: А. Ф. Вербов, Г. Г. Яблочников, Г. Э. Фишер, Б. В. Данилов, М. Н. Ковалевская, К. И. Бахарев, Е. Л. Шадурская, Тоня

Тарасова, Кольцова, Е. О. Старосельский, десятки коммунистов, комсомольцев и беспартийных работниц. И осуществлено было это мероприятие только благодаря большевистской энергии и настойчивости партийного коллектива и его руководителей (Е. Н. Егорова, И. С. Каспаров, В. Невинский).

Сопротивление старых специалистов, упорно державшихся старых традиций в производстве, и консерватизм хозяйственного руководства были сломлены.

В агусте 1927 г. партийный пленум коллектива «Красный треугольник» постановил: подробно разработать конвейеризацию, в первую очередь по галошному отделу.

Прошел год с небольшим — и в первом году пятилетки в галошных мастерских на месте столов-верстаков заработали конвейеры. Кустарная ручная техника была навсегда отброшена социалистической рационализацией.

Подводя итоги борьбы за переход на новую систему и перечисляя достижения в этой области, бюро коллектива партии в постановлении 27 марта 1928 г. заключает: «Бюро коллектива отмечает крупнейшую роль и заслуги партийной, комсомольской организации и производсовещания в активнейшем участии и помощи проведению новой системы клейки галош на 2-м заводе. Только благодаря их упорной работе совместно с администрацией удалось провести в жизнь новую систему».

Это не совсем точно, — лучше было сказать: «совместно с передовыми инженерами и техниками и несмотря на сопротивление со стороны ряда руководителей...»

Пришел конец «*мануфактуре*», а с ней и галошнице-«трясучке». Теперь многие из молодых работниц даже и не знают, что существовала когда-то такая гнетущая кличка для одной из самых губительных профессий, создашных капиталистической резиновой фабрикой.

«Трясучку» сменило новое поколение советских работниц и рабочих.

Новые хозяева

Старые кирпичные корпуса, прежние заборы и тот же Обводный канал... Но не идет уже утром к заводу со Старо-Петергофского проспекта с сигарой во рту директор Гейзе и не стоят вдоль забора без шапок мужчины и женщины. Не толпятся у проходных за полтора часа до работы галошницы. Не видно разъяренного «Дьяволе», сортирующего людей, как скот. Не ловят безработные у ворот мастеров, не носят им на квартиру взяток, не ходят после работы чистить конюшни и дачи. И «швейцарская гражданка» Матильда Мегро, урожденная Краузкопф, как и все прочие акционеры, уже много лет не получает на свои акции ни одного перевода из России, «потеряв» на этом миллионы дивиденда.

Те же стены, те же коридоры и цехи, те же галошные мастерские и галошные залы.

Но не видно икон на стенах, дружно встречают работницы своих мастеров и мастериц, садятся спокойно за столы с лентой, по сигналу приступают к работе. Над столами — широкие воронки от вентиляционных труб: они высасывают бензиновую отраву.

Раньше приходили на завод только затем, чтобы отработать свою норму, получить зарплату, как-нибудь просуще-

ствовать. Ненавистный завод высасывал из рабочего и работницы все силы.

Но вот совершилось величайшее в истории человечества событие — Великая пролетарская революция: рабочий класс стал сам хозяином средств производства. Завод перестал быть каторгой, труд перестал быть проклятьем.

Завод превратился в центр жизни и интересов рабочей массы. В стенах завода началась великая работа по воспитанию кадров сознательных, культурных борцов и строителей социалистического общества.

Партия сумела поднять пролетариат на героическую борьбу за восстановление разрушенного войной производства и его мощное социалистическое развитие. Преодолевая хозяйственные трудности, партия в этих боях закаляла и воспитывала массу рабочих в духе большевизма. Работа по идейно-политическому и культурному воспитанию массы была еще более сложной и трудной, чем борьба за производство.

«Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, а не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены в борьбе». «У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов», — так ста-

вил Ленин вопрос о воспитании кадров сознательных строителей социализма. (Ленин, т. XXIV, стр. 64—65.)

Большевистская партия привела пролетариат к победе и показала, что свержение господства эксплоататоров и есть то решающее условие, которое обеспечивает не только подъем материального уровня жизни рабочего класса, но и безграничные возможности для культурного развития как самого пролетариата, так, под его руководством, и всех трудящихся.

На примере «Красного треугольника» необычайно ярко раскрывается картина подъема и материального уровня жизни и культурно-политического роста рабочего класса после Октября.

Первой задачей после окончания гражданской войны было: собрать пролетариат.

В течение целых 5—6 лет (1914—1920 гг.) кадровый состав пролетариата в России не пополнялся, а рассеивался. Если учесть так называемую «естественную убыль», которая обычно принимается за 4%, то только она одна, — и только за годы революции 1917—1921 гг. — должна была дать сокращение квалифицированных кадров на 20—25%. Но это не все. В годы империалистической и гражданской войн погибло рабочих не меньше, чем от «естественной убыли». Кроме того, значительная часть пролетариата не вернулась на производство: тысячи людей вошли в состав государственного аппарата — в советские, партийные, военные, хозяйственные органы. Тысячи рабочих и работниц были направлены на рабфаки, на курсы, в вузы, — образовали первые кадры пролетарской советской интеллигенции.

Когда завод полностью возобновил работу, старых рабочих оказалось не больше 4—5 тыс. Это ядро резинщиц и резинщиков перенесло на себе до революции всю тяжесть эксплоатации, бесправия и унижений.

Эти рабочие «старики» прошли богатую школу революционной борьбы, закалились в боях с капиталистами и

Жилмассив завода на проспекте им. Ив. Ив. Газа.

самодержавием, вынесли на своих плечах разруху, это они ревниво сохраняли для пролетарского государства завод.

Политический опыт кадровых пролетариев особенно обогатился за годы революции. Эти кадровики безраздельно шли в массе за большевиками. На них именно и опиралась парторганизация в борьбе за восстановление завода. При всем том общекультурный уровень кадровых рабочих был невысок, и это тормозило дальнейший их рост. Например, еще цепко держались в массе религиозные предрассудки.

В газете «Петроградская правда» за 21 марта 1923 г. была помещена коротенькая, но очень выразительная заметка:

«ДАВНО ПОРА БЫЛО СДЕЛАТЬ».

«*Из всех мастерских «Красного треугольника» удалены все иконы*».

Предстояла громадная работа в самых разнообразных направлениях, чтобы поднять культурный уровень рабочих и работниц, сделать их полноценными бойцами в новых условиях наступившей эпохи мирного социалистического строительства.

«Красный треугольник» возобновил работу с 3380 рабочими, а к первому году пятилетки на заводе работало уже 19 тыс. чел. — на 6500 чел. больше, чем в 1913 г. За семь лет на завод влилось около 15 тыс. новых рабочих и работниц.

За один лишь 1925 г. завод вобрал 8 тыс. новых рабочих.

Из 15 740 рабочих в 1926 г. по социальному положению было учтено: рабочих — 4898 чел., крестьян — 9118 чел., служащих, б. мещан, ремесленников и пр. — 1621 чел., дворян и пр. — 103 чел.

На одного коренного пролетария уже в это время приходилось 2 — 3 чел. новых рабочих, впервые попавших из деревни на завод.

Свежему пополнению рабочих надо было не только дать квалификацию, но — что важнее — научить молодых рабо-

чих по-новому, по-социалистически относиться к труду. Для этого их надо было обучать грамоте, просвещать политически, поднимать культурно. Из 1147 чел., принятых в октябре-ноябре 1925 г., 886 чел. не состояли даже членами профсоюза.

Каждую весну эти рабочие одолевали завком просьбами об отпуске в деревню на полевые работы. В день поступало по 300—400 заявлений, стремление бросить завод на лето было массовым. И когда этим рабочим пытались втолковать, что завод не может работать сезонно, — многие уходили, не взяв расчета...

Ключ к перевоспитанию рабочих дала Октябрьская социалистическая революция. Ключ был в смене труда подневольного — трудом на себя, на свое пролетарское государство.

Но вместе с тем был силен еще и враг — «мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата». (Ленин, т. XXVII, стр. 7.)

Приток тысяч новых рабочих, вчерашних мелких собственников — с одной стороны; затем наличие «тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше» (Ленин, т. XXIII, стр. 213); наконец, засоренность состава рабочих осколками разгромленной буржуазии, — все это чрезвычайно осложняло для коммунистической партии развертывание социалистического строительства. Первые годы работы завода изобиловали прогулами, хищениями, случаями пьянства среди рабочих. Дисциплина труда была на крайне низком уровне.

На «Красном треугольнике» с 1 апреля по 5 мая 1925 г. было обнаружено 263 случая краж.

В 1927/28 г. зарегистрировано 6845 прогулов по неуважительным причинам.

Нарушения дисциплины принимали часто самый злостный характер. Вот например официальная справка, выданная суду, о проступках рабочего Александрова, Алексея Яковлевича, рабочий № 32205

7/V 1924 г. — кража заводских материалов (дело передано угрозыску);

10/V 1926 г. — опоздание, — выговор;

11/VIII 1926 г. — не отбил карточку, — выговор;

14/I 1927 г. » » » »

25/V 1927 г. — опоздание, — выговор;

27/V 1927 г. — » »

3/VI 1927 г. — опоздание, — выговор;

15/X 1927 г. — сон на работе, — строгий выговор с предупреждением;

19/IX 1928 г. — появление на работе в нетрезвом состоянии, — выговор с предупреждением;

13/XI 1928 г. — прогул. Подвергался общественному суду при заводе, — выговор;

14/XI 1928 г. — прогул;

28/II 1929 г. — прогул, — выговор;

16, 22 и 23/III 1929 г. — прогул, — объявлено об увольнении, но РКК увольнение отменила...

14/VII 1929 г. — нетрезвость, — выговор.

23/VII 1929 г. — прогул, — выговор.

В заключение всего — опять кража. Документ говорит не только о слабой производственной дисциплине, допускавшей несчетное количество нарушений внутреннего распорядка, но и о расхлябанности профорганизации, бравшей под защиту злостного прогульщика, пьяницу и вора.

Одним административным нажимом эту волну нарушений разумеется остановить было невозможно.

Надо было воспитывать в массах сознательную дисциплину, новое отношение к труду и общественной собственности. И партийная организация завода эти вопросы ставит во главу угла всей своей воспитательной работы.

Мелкобуржуазная расхлябанность и недисциплинированность настойчиво преодолевались организованным воздействием передовой части рабочих, во главе с коммунистами завода, — в этой борьбе росли кадры старых рабочих, выявлялись, воспитывались и новые передовики. Передовые рабочие вели массу.

Социалистическое отношение к труду начинает принимать новые формы: зарождается социалистическое соревнование.

В 1925 г. на «Красном треугольнике» был организован конкурс по производительности труда, и на него откликнулись почти все мастерские (приняло участие 65 мастерских). Конкурс вызвал большой подъем. Передовые рабочие добровольно снижали расценки и повышали нормы выработки, бились над тем, чтобы удешевить производство, сэкономить на материале, уменьшить брак и т. д., — и личным примером увлекали новых рабочих.

Большинство новых рабочих были выходцами из трудящегося крестьянства. Они представляли еще отсталую массу, но это были уже не те дореволюционные «псковские» и «васильевские» мужички, которые сторонились «политики» и дальше личного заработка ничего не видели.

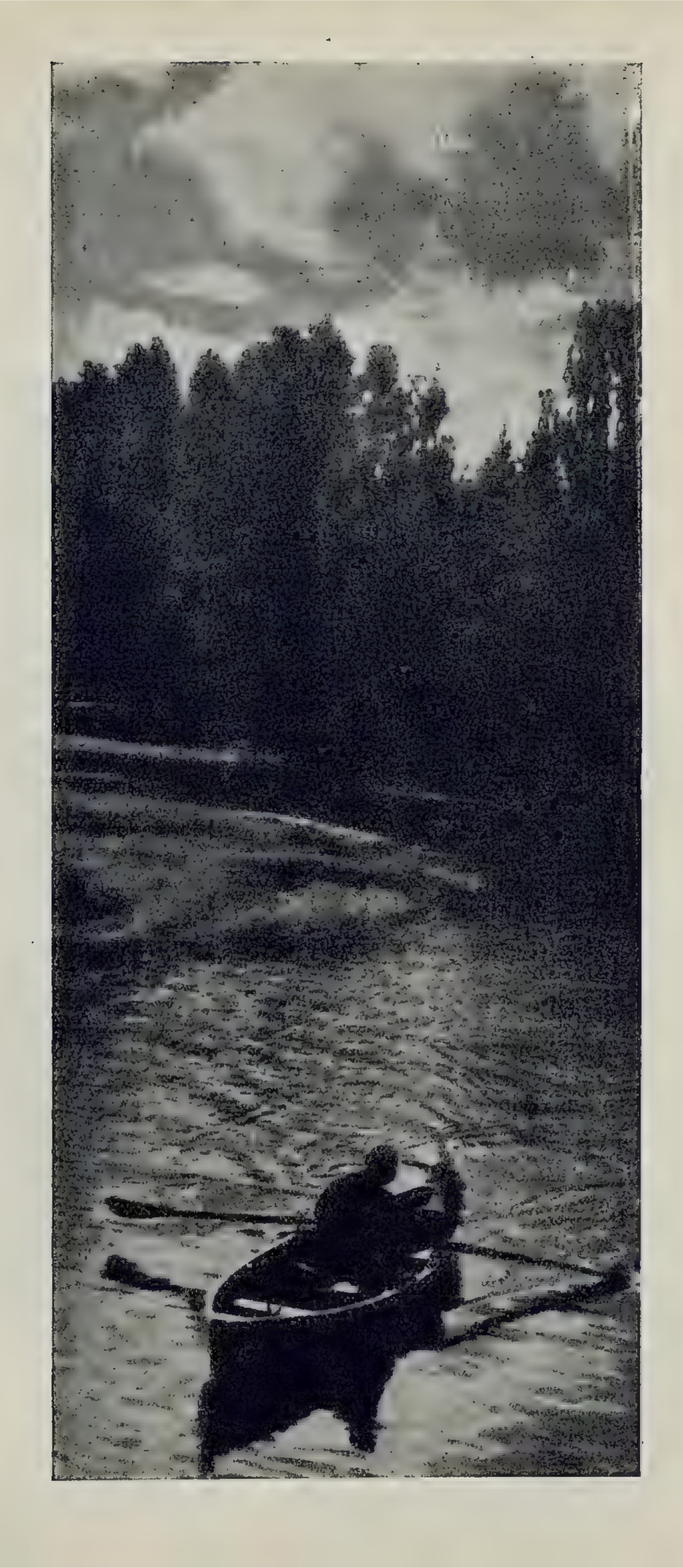
В цехах, на собраниях, в курилках, в общежитиях теперь возникали споры о том, кому лучше живется — рабочему или крестьянину, теперь или до революции мужику жилось лучше, почему хлеб дешевле, а ситец и сахар дорог, есть ли на заводе эксплоатация, почему неодинаково берут налог, — сотни таких вопросов горячо обсуждались в стенах завода.

В годы восстановительного периода на завод устремились самые разнообразные элементы. Комиссия, изучавшая состав рабочих на «Красном треугольнике» в мае 1926 года, сообщала:

«Кроме новых слоев рабочих, пришедших из деревни, имеются рабочие, не принадлежащие к индустриальным рабочим и профессии которых не имеют никакого отноше-

Заводской дом отдыха на Сиверской.

ния к нашему производству: архивариусы, бухгалтеры, воспитательницы, золотых дел мастера, кассирши, колбасники, кухарки, кондитеры, лекпомы, музыканты, модистки, мясники, официанты, парикмахеры, почтальоны, продавцы товара, мастера по золочению мебели, санитары, садовники, судостроители, телеграфисты, учителя, хлебопеки, чулочницы...»

Немалая часть этих людей шла на завод только затем, чтобы получить почетное звание пролетария и, «заработав стаж», уйти в вузы, рабфаки, сделать себе карьеру. Завод им был чужой, и пребывание на производстве для них было лишь «временной необходимостью».

В сложной обстановке значение основного пролетарского кадра на заводе как опоры партии во всей, и производственной и массовой, работе возросло еще более.

«В большинстве на нашем заводе новые слои рабочих, но они не растворяют старых рабочих. Старые рабочие ведут за собой новые слои», — отмечала комиссия по изучению состава рабочих в 1926 г. Этот слой рабочих был тем *проводником*, посредством которого партия большевиков и советская власть руководили заводом и всей массой рабочих. За годы революции эти кадры выросли и окрепли, вплотную подошли к коммунистической партии и в месяцы ленинского призыва дали огромное пополнение партии. Партколлектив завода вырос с 300 человек до 2000.

Шаг за шагом масса рабочих убеждалась в правильности политики ленинской партии, видела примеры самоотверженной работы коммунистов и кадровых пролетариев, дорастала до понимания того, что рабочий класс является хозяином завода и всей страны. И это было главным залогом успешного продвижения вперед, успешной мобилизации рабочих масс на борьбу с трудностями, возникавшими в восстановительном периоде.

Материально-бытовой уровень жизни рабочих и работниц неизменно повышался.

Зарплата из года в год росла.

Средний заработок рабочего «Красного треугольника» в месяц:

1923/24 г.	57 руб.	52 коп.
1924/25 »	74 »	64 »
1925/26 »	90 »	96 »
1926/27 »	105 »	12 »

в спичечном производстве за 1926/27 г. средняя зарплата была 39 руб., в фарфоровой — 54 руб,. в стекольной — 50 руб..

Но реальная зарплата советского рабочего — это не только то, что он получает на руки.

В 1924/25 г. расходы по соцстраху, отпускам, спецодежде, спецпитанию, культработе и т. д. составляли 36,13%, т. е. больше чем треть к выданной на руки зарплате. За 1927 г. было направлено 1171 чел. в санатории, курорты и здравницы, 2505 чел. поехали в дома отдыха. 24% всех работающих на заводе получили таким образом бесплатное или удешевленное лечение и отдых за счет государства.

Дети всех рабочих стали учиться в школах. Каждый рабочий мог отдать сына или дочь в фабзавуч при своем заводе, где не только учили бесплатно, но и выдавали еще зарплату. Летом для детей рабочих предоставляли дачи. Работницы получили прекрасные ясли и т. д.

В 1935 году бюджет заводского комитета «Красного треугольника» равен 16 миллионам рублей. Куда они идут, эти миллионы? За год было куплено для работниц и рабочих 6000 путевок в дома отдыха и санатории. 1300 пионеров — детей рабочих завода — провели лето в прекрасно оборудованных лагерях «Зеленого городка» на Сиверской, причем на строительство и содержание лагерей завод отпустил 400 000 руб. Более тысячи детей работниц устроены в ясли и очаги, — недавно закончено строительство еще одного очага на 120 мест. 500 товарищей получают специальное диэтическое питание в особых столовых завода. В заводской поликлинике 97 врачей по всем специальностям.

В эти шестнадцать миллионов не входят расходы по оплате отпусков. А если прибавить и эти расходы, то оказывается, что рабочие «Красного треугольника» расходуют на себя больше, чем составляет бюджет такого государства, как Эстония!

Миллионы, уплывавшие в карманы Краузкопфов, фан дер-Пальсов и Утемановы, пошли теперь на индустриализацию страны, на улучшение жизни галошниц, вальцовщиков, их детей.

Рядовой рабочий проверял генеральную линию партии не в теории, а практически на успехах производства, на улучшении своего материально-бытового положения, на своем личном культурно-политическом росте.

Могучим средством политического воспитания и организации масс явилась созданная революцией заводская печать. Первые стенные газеты стали выходить на «Красном треугольнике» в 1923 г. (комсомольская газета «По пути Либкнехта»). Затем появляются стенновки в цехах, а через короткое время возникает общезаводская газета «Красный резинщик» — одна из лучших заводских газет в Союзе. — Некоторые номера ее уже в 1925 г. печатались тиражом в 2000—1500 экз. В 1925 г. у газеты было 65 рабкоров, которые выступали и в центральной печати. «За двухмесячный период, август — октябрь, в центральных газетах, по нашему счету, было помещено 128 заметок наших рабкоров, из них: в «Ленинградской правде» — 45, в «Красной газете» — 45 и в «Ленинградском рабочем» — 34 и т. д.». (Информационный доклад о работе коллектива ВКП (б) за время с 1 марта по 1 октября 1925 г.)

Рост политической активности и культурности массы и «подлинной рабочей демократии» ярко проявился в массовом рабкоровском движении. К 1928 г. организация рабкоров насчитывала около тысячи человек. Рабкоры вели большую борьбу со всеми неполадками на производстве, с вредительскими планами, с нарушителями дисциплины. Заводская печать стала одним из могучих средств руковод-

ства, воспитания и вовлечения в общественную жизнь тысяч новых рабочих.

Через пять лет после выхода первой стенновки, в 1928 г., на заводе стала издаваться многотиражная печатная газета «Красный треугольник» и приложение к ней — первый в СССР заводской общественно-литературный журнал «Красный резинщик», с тиражом 5—10 тыс. экз.

Значительную работу развернула парторганизация среди женщин. За короткое время партийная организация вырастила из работниц несколько сот преданных активисток. Рабкорка Шульц в 1925 г. писала в «Ленинградской правде»:

«...В прошлом (1924) году, когда завод насчитывал 3866 работниц, было избрано 350 делегаток.

И сразу же после выборов они окунулись в работу. 227 делегаток были прикреплены в разные комиссии, к кассе взаимопомощи и к различным добровольным обществам... 277 делегаток окончили политкружки, а 92 вступили в партию. Через учебу и практическую работу вырос новый актив. На выборные должности были выделены 36 работниц. Профсоюзную работу несут 178 делегаток, а некоторые являются даже членами ЦК союза химиков или Губотдела, а также членами завкома и ревизионной комиссии...

1862 работницы втянуты через делегаток в производсовещание. Делегатка участвует в работе здравоохранения, обследуя детские дома, больницы, пункты охраны материнства и младенчества. Даже в комхоз и жилсоюз проникли наши делегатки. И там работают они, не отставая от мужчин...

62 делегатки заседают в суде, борются они и через печать — стенную и центральную газету. На заводе 23 рабкорки.

Растет актив работниц. Их на заводе уже 1100 человек. Растет и тянется в партию. 291 работница стоит уже в авангарде рабочего класса...

Помнит работница и о деревне. Многие ведут работу по

На стадионе завода.

культсмычке, выезжают в деревню, посылают крестьянам литературу».

На основе роста материального уровня и всей политической работы партии быстро расширялись культурные потребности рабочих и работниц. Галошница стала не только чище одеваться и лучше питаться, — она получила возможность пойти в театр, в кино, в выходной день она отправляется в музей, в картинную галлерею, в загородную экскурсию. Жизнь работницы с каждым днем становится все ярче и богаче. Она стала заниматься спортом, потянулась к музыке, к классической литературе, начала писать в стенную газету заметки о беспорядках в цехе, стала выписывать газету и журнал, учиться в кружке политграмоты и стрелять в тире.

Двадцать четыре тысячи билетов в кино и больше трех тысяч билетов в театры ежемесячно распределялось по заводу в 1927 г. За один этот год было проведено в цехах и красных уголках 3250 бесед, на которых участвовало в общей сложности 350 тыс. чел. Каждый рабочий и каждая работница побывали на десятках бесед.

Рабочие создали свой клуб им. Цурюпы, но он очень скоро стал тесен, и в 1927 г. сооружается уже грандиозный Московско-нарвский дом культуры, в который рабочие «Красного треугольника» вкладывают 1 млн. руб. из средств на жилстроительство.

За четыре-пять лет культурный облик рабочих и работниц переменился до неузнаваемости.

Еще в 1923 г. в отчете завкома писали:

«...Совершенно определенно можно сказать, что наш Московско-нарвский район купается в театральных помоях. Бесчисленное количество кино, с самыми похабными картинами, к которым часто добавляется какой-нибудь чертолом, ломающий рельсы и по которому ездят автомобили, — растлевают, в полном смысле слова, и ум и вкусы рабочего населения... Недалеко ушли и драматические театры нашего района...»

А через три года, в 1926 г., хоровой кружок «Красного

треугольника» из самих рабочих и работниц под руководством оперного дирижера Аркадьева выступает в Филармонии, в центре вокальной и симфонической культуры города.

«Где только ни выступал кружок, — и в подшефных воинских и флотских частях, и в подшефной деревне и во многих других клубах Ленинграда, и в Академии им. Толмачева и в Государственной филармонии и в музыкальном музее и на радиостанции и почти во всех пунктах летних загородных экскурсий. В общем за пятилетний срок существования кружка им дано свыше 160 концертов, не считая выступлений на клубных вечерах самодеятельности... В прошлом году им была поставлена целиком опера «Русалка». И солисты, и хор, и балет—все ребята из хорового кружка. Опера прошла три раза с большим успехом в театре клуба (в Доме просвещения им. Тимирязева).

В Бетховенские дни, в прошлом году, когда весь музыкальный мир почтил память гениального композитора, хоровой кружок разучил и исполнил вместе с симфоническим оркестром в зале Филармонии 9-ю симфонию Бетховена. Общественное значение проделанной кружком работы за 5 лет громадно. Иностранные делегации, посетившие клуб и побывавшие на занятиях кружка, с трудом верят, что участники его—действительные рабочие, и только замасленная блузка галошницы или смазчика убеждают их, что это действительно так». (Журнал рабкоров завода «Красный резинщик» № 2, 1928 г., стр. 14—15.)

Хоровой кружок вырос в ценный художественный коллектив и продолжает работу. В его репертуаре несколько опер. Шесть членов кружка учатся на сольном отделении в консерватории: галошницы Женя Мехнина, Валя Жукас, Дуся Суконкина, служащие Баркова и Стрелкова, а гребенщица Вера Петрова в нынешнем году уже кончает консерваторию. Кружок занял первое место в Олимпиаде ВЦСПС и был премирован поездкой по СССР.

Пример с ростом вокальной культуры характеризует не

Выступление оркестра гусляров «Красного треугольника» в Парке культуры и отдыха.

Экскурсия в Новый Петергоф

только расширение культурных потребностей, но и выявление и расцвет рабочих талантов, рост творческих сил рабочего класса.

Вот что говорят о своем росте старые производственницы тт. Орлова и Киссель (их слова могли бы повторить сотни товарищей):

«Часто нас, старых работниц, молодые спрашивают, как мы раньше на «Резиновой» работали.

А мне, по правде, и вспоминать тошно.

18 лет до революции я работала на фабрике, и самый счастливый день за все 18 лет был такой, когда он проходил без выговора и штрафа. И вот при советской власти я работаю в почете и уважении. Шесть раз я успела в разных санаториях побывать, — и в Крыму, и в Сестрорецке.

Много раз меня премировали, вот сегодня нам цветы подарили, за то, что работать стараемся. Сколько раз я в театры ходила, и всегда билеты поближе дают, чтобы виднее было. Во всех театрах побывала и в кино хожу. Если бесплатно билетов нет, то на свои деньги покупаю.

Возраст у меня такой, что вот-вот и на инвалидность. Но я не пойду отдыхать, пока сил хватит.

Хорошая теперь жизнь, жаль, что в молодости не довелась такая.

Матрена Степановна Орлова.
16-я мастерская».

«Отец мой 25 лет работал на старом «Треугольнике» и умер на нем от истощения сил. Я поступила на завод в 1904 г., когда мне было 13 лет. За все время работы на «Резиновой» самые счастливые дни были тогда, когда я корью болела и в больнице лежала. . .

Темной, неграмотной женщиной, только с большими мозолями на руках, да с 19-летним производственным стажем вступила я в Ленинские дни в партию.

Помню, меня рабочие выдвигали инструктором, а я не

могла пойти на эту работу, потому что была малограмотна.

Сейчас я мастер подсобных мастерских 1-го цеха, сейчас я рационализатор, дала пять предложений, сэкономивших цеху несколько тысяч рублей.

Партия воспитала меня, сделала из меня человека, полезного нашему строительству. Из неграмотной, темной женщины я стала культурным человеком.

Начиная с политкружка слабой группы, я доучилась до райкомвуза и выделена пропагандистом в цехе.

Если раньше газета для меня была просто листом бумаги, потому что, читая ее, я половины прочитанного не понимала, то теперь по ячейке я несу нагрузку по массовой читке газет, я читаю вслух работницам и объясняю все, что им непонятно.

В райкомвузе в моей группе учится большинство мужчин, и ни у одного мужчины нет таких отметок, как у меня. Я имею два отлично, все остальное хорошо.

Читаю я и художественную литературу. В книгах на примерах советских героев я тоже учусь жизни.

С ужасом я оглядываюсь назад, чем была бы моя жизнь, если бы не Октябрь и не партия.

Киссель, мастер 1-го цеха
Галошного завода».

Тот же канал, те же заборы, те же стены...

Но нет и следов «Резиновой мануфактуры».

Ничем, решительно ничем не похожи рядовые рабочие и работницы на запуганных «трясучек» и неграмотных «скобарей» с прежнего «Треугольника».

Все изменилось внутри этих стен.

И завод перерабатывает не только мертвое сырье — «каучук», он стал школой культурной революции, школой коммунизма, крепостью пролетарской диктатуры и большевизма.

Завод воздействует разнообразными способами на жизнь

всего района, города, всей страны, высылает отряды бойцов в деревню, в армию, в государственный аппарат.

2 января 1923 г. в «Страничках из Дневника» Владимир Ильич впервые высказал мысль о рабочем шефстве над крестьянством. Рабочий класс горячо отозвался на призыв Ленина. В июле того же года на «Красном треугольнике» создалось первое заводское общество — «РОС», а через год общество насчитывало пять с половиной тысяч членов. Начиналось дело с маленького — с культурной помощи деревне газетами, карандашами, литературой.

Приезжают, например, подшефники-комсомольцы, жалуются:

«...Ощущается потребность в политической литературе; также имеется драматический кружок, где, за неимением революционных пьес, приходится ставить постановку буржуазного характера. В хоровом кружке, в котором изучают народные песни, нет хорошего преподавателя и преподает дьякон местной церкви...

...Бюро коллектива РКСМ завода решает: просить волком РКСМ прислать на комсомольское рождество пять представителей, каковым и представить списки на нужную для них литературу и костюмы, которые требуются для артистов, участвующих в спектакле». (Протокол бюро РКСМ от 18 декабря 1923 г.)

Выезжают в деревню комсомольцы завода, налаживают работу избы-читальни, помогают деревенскому хоровому кружку обойтись без регента-дьякона, везут литературу, грим, костюмы, собирают на заводе прочитанные газеты и отправляют подшефникам.

На «Красном треугольнике» были тысячи рабочих, связанных с деревней. И завод широко это использовал. Возникли землячества. Перед отпусками партийная организация организовала конференции, на которых отъезжающие в деревню рабочие инструктировались. Их снабжали литературой, «памятками», приглашались специалисты для беседы

Работницы 4-го галошного цеха в театре (слева направо): А. И. Баторина (парторг), Е. М. Трофимова (начальник смены), А. П. Аверьянова, А. П. Пенькова, Е. Глазкова, Матвеева.

о советских законах, о порядке взимания налогов, о работе кооперации в деревне и т. д.

Отпуска превратились в важнейшую политическую кампанию, и отпускники проводили на родине большую работу, помогали внедрять советскую законность, очищать от кулацких элементов советы и кооперацию.

После отпусков снова созывались конференции, и отпускники делали отчеты перед рабочей массой о проделанной за отпуск работе. Отпускники привозили десятками жалобы на незаконные действия местных властей и разрешали их в соответствующих организациях, завязывали переписку с местными работниками и т. д.

Эта работа приняла огромный размах, на ней, выполняя важнейшую политическую задачу — помощи и руководства пролетарского города деревней, росли сотни рабочих.

На постоянную работу в деревню парторганизация направляла десятки лучших коммунистов из потомственных пролетариев «Треугольника». Они поддерживали с заводом постоянную связь и получали в районном комитете постоянную помощь и поддержку.

Сохранилось одно из писем Марии Ивановой, посланной работать в б. Бельскую волость Гдовского уезда Ленинградской области. Как далеко ушла теперь колхозная деревня и каким далеким прошлым кажется эта жизнь, в которую только начинал врезаться по-настоящему плуг пролетарской революции! Вот отрывки из этого письма работницы:

«Дорогие товарищи, пишет вам ваш товарищ, которого вы послали на работу среди крестьянок. Волость, в которой я работаю, очень бедная, темная, серая и отсталая.

Работать приходится в страшно тяжелых условиях. Революция здесь только начинает воскресать. Год тому назад здесь еще было такое хулиганство, бандитизм и самогонщина, но благодаря работе местной милиции положение улучшается. Женщины почти неграмотные, есть такие деревни, где женщины не видели, что такое железная дорога,

хотя от полустанка наша волость находится в 15 верстах, от Гдова — 90 верст. Работа среди женщин вовсе не велась. В партии состоит 4 женщины, если считать со мною, а всего ячейка у нас 12 человек. Есть кандидаты. Жителей в волости 11 тыс. человек: 5 тыс. женщин, 6 тыс. мужчин, включая детей. Работа среди комсомольцев велась очень слабо, не было организатора коллектива. Молодежь распущена, например, здесь принят такой спорт: кулачные бои, или, как говорится здесь, идет деревня на деревню, и по случаю такого спорта была убита девушка. Во время масленицы было пять случаев тяжелого ранения. Работа здесь, хотя и трудная, но очень интересная. Женщины, хотя и темные, но очень бывают рады, когда к ним придешь в деревню и проведешь собрание. Но вот, товарищи, есть у нас фельдшер, — на всю волость один, — лечит и старых и малых, и лошадей и коров, не так, как у нас в «Треугольнике», — чуть не 20 врачей. Не мешает вам поделиться с нами. Открылась консультация, но как ни агитируй, все-таки наши женщины не хотят понять, что такое консультация, не хотят нести здоровых детей, говорят, что здоровых нечего носить.

День 8 марта проведен был так: были назначены собрания женщин, пришли даже из дальних районов, за 15 верст; несмотря на то, что дорога занесена снегом и даже некоторые были в лаптях, было 72 женщины... После собрания пошли на братскую могилу, потом был устроен чай в волости, и наши мужчины подавали нам чай.

Одним словом, мы были праздничные. Вечером в избе-читальне был устроен спектакль 8 марта.

Работа среди делегаток очень слабая, потому что почти все малограмотны. Я все написала вверх ногами, забыла написать, что в Совет у нас прошло 19 женщин, а раньше этого не было. И вот на таком собрании, когда выбирали сельсовет, мне на выдвинутую кандидатуру женщины мужчины закричали: мы выбираем председателя, а не бабу. Вот,

В приемной заводской поликлиники, в которой работает 97 врачей.

товарищи, как понимают здесь женщину. Меня здесь зовут бабий командир. И вот этот командир появляется в деревне, — так уже и кричат: явился бабий командир. На выборах волисполкома выдвинули мою кандидатуру, но дали отвод мужики, говорят: ее прислали воевать среди баб, пусть и воюет годик, тогда и выберем в совет, но все-таки выбрали на перевыборах в уезд, в Гдов, а в Гдове выбрали на губсъезд в Ленинград. Пишу вам про актив нашего вика. Председатель — парень все-таки ничего, — ну, а дальше и говорить нечего, — никуда не годится. Кооперация работает так, что никуда не годится. Правление проворовалось, на нем задолженность Райпотребкому — 13 тыс. Хотели закрыть, но все-таки отстояли. Комзайм[1] работает слабо по случаю бедности, но все-таки тут пришли нам навстречу шефы, прислали нам земледельческих орудий, как плугов, жнейку, веялку, и еще некоторые орудия, которые мы можем использовать, и вырученные деньги употребить на нужды наших беднячек. Организуем ясли, — идет навстречу Губздрав: прислали белье, хотя и не новое, но мы и такому рады. При помощи организованного кружка шитья приходится его переделывать, ну да это ничего. Вот, дорогие товарищи, мы собираем на ясли, как говорится, с миру по нитке — голому рубашка, и вот, товарищи, с вашего мира ждем хотя маленькую ниточку. Я думаю, товарищи «Красного треугольника» не откажут нам в этом, хотя Бельская волость не вашего шефства. Я пишу, «мы» потому, что пишу не одна, а общим коллективом... Но все-таки не откажите дать нам для яслей клеенок, сосок и немного роскоши для наших бедных малышей, хотя несколько мячей, игрушек, несколько штук гребней, так будут они очень довольны вашим подарком. Дорогие товарищи, когда я приехала в Гдов, мне предложили выбрать волость, — я выбрала самую отсталую, самую хулиганскую, и вот среди такого народа работаю. Когда уезжала

[1] По смыслу ясно, что речь идет о комитете взаимопомощи.

из Ленинграда, страшно не хотелось ехать, но, поработав здесь, убедилась, что работать здесь очень интересно.

Ну, пока все, скоро приеду в Ленинград и приду в коллектив. До свиданья.

Работница «Красного треугольника»,
гребеночной мастерской
Мария Иванова».

Рабочие и работницы не ограничивались культурной и политической помощью, а начали сразу же организовывать в подшефном районе производственную помощь бедноте.

В 1925 г. в Мошковской волости, над которой тогда шефствовал завод, был организован первый прокатный пункт. К 1928 г. шефская работа приняла уже широкие размеры.

«Теперь рабочие «Треугольника» — шефы 21 сельсовета Опочецкого района Псковского округа.

В подшефной деревне треугольниковцы организовали машинное и мелиоративное товарищества, маслобойный и кирпичный заводы, мельницу. Посланы в деревню: ветврач, агроном, трактор. Приобретено 7 племенных быков. Содержатся 2 медицинских пункта и 18 пунктов по ликвидации неграмотности. Оборудованы народный дом, избы-читальни, красные уголки». («Ленинградская правда», 30 марта 1928 г.)

На коллективизацию, в помощь деревне, рабочие и работницы «Красного треугольника» послали 300 отборных коммунистов и беспартийных активистов в счет двадцати пяти тысяч.

В Сибири, на Кубани, в ЦЧО — двадцатипятитысячники руководили коллективизацией, исправляли ошибки, боролись с перегибами, выкорчевывали кулаков. Они поддерживали регулярную связь с заводом и получали помощь от своих коллективов.

В Сибирь, в Омский район, была послана старая галошница — коммунистка Вера Жукова. Два года работала она председателем колхоза и инструктором Райколхозсоюза,

и т. Каганович во время посещения колхоза одобрил ее работу.

Посланные в деревню товарищи приезжали на завод и отчитывались в проделанной работе. Вальцовщики, заслушав доклад Николая Кузнецова, который работал председателем колхоза, признали его работу удовлетворительной и дали наказ:

«Развернуть шире работу по вовлечению единоличников в колхоз, строго придерживаясь линии партии. Шире развернуть учебную часть, чтобы не было ни одного неграмотного колхозника. Усилить медпомощь колхозникам и ветеринарную помощь для скота. Держать крепкую связь с рабочими «Красного треугольника».

Наладить работу производсовещания, соцсоревнования и ударничества среди колхозников, к чему привлечь единоличников на добровольных началах. Среди колхозников и единоличников проработать решения XVI партсъезда. (Газета «Красный треугольник» № 168, 28 июня 1930 г.)

В подшефном Опочецком районе Ленинградской области рабочие «Красного треугольника» организовали колхозы («Урожай», «Им. «Красного треугольника», «Искра», «Им. 1-го мая») и проводили громадную работу как по хозяйственному, так и по культурному строительству. За одну лишь весенне-посевную кампанию 1929 г. завод послал в подшефные колхозы несколько тракторов, организовал два передвижных обоза с двумя зерноочистительными машинами и льномялкой, которыми обслужили бедноту и маломощные хозяйства 57 деревень; шести колхозам была выдана денежная ссуда в размере 13 тыс. и единоличникам — 21,5 тыс. руб.; создано было 24 животноводческих, мелиоративных, семеноводческих, маслодельных и торфяных товариществ. От завода были посланы бригады по ремонту машин и инвентаря, агроном, тракторные инструктора, бригада врачей. Рабочие организовали шесть летних детских яслей и снабдили их инвентарем, бельем и пита-

В пионерском городке завода «Красный треугольник» в Сиверской.

нием. Радиофицировали все 22 подшефных сельсовета и т. д.

Рабочие отрабатывали несколько дней в году в пользу подшефного района. На праздники с завода выезжали к подшефникам десятки рабочих, из колхозов прибывали на завод по 30—40 колхозников.

Когда шефская комиссия приобретала тракторы (они прибывали всегда на заводский двор), отправка их подшефникам выливалась в стихийную демонстрацию. Руководство рабочих «Красного треугольника» облегчило тысячам крестьянских хозяйств строить новую колхозную жизнь.

И в свою очередь на этой конкретной работе вырастали и поднимались от беспартийности к коммунизму сотни и тысячи рядовых рабочих и работниц «Красного треугольника».

Широко развернулась работа парторганизации за интернациональное воспитание рабочих и работниц завода. Десятки иностранных рабочих делегаций посещали завод, делали доклады о положении рабочего класса в странах капитала, знакомились с жизнью и бытом завода. С огромным вниманием слушают рабочие массы сообщения о борьбе германских, китайских товарищей, о славной стачке английских горняков, о боях эстонских рабочих, польского крестьянства, о героических классовых боях международного пролетариата.

К началу первой пятилетки сформировались кадры новых рабочих, поднялись на много ступеней вверх кадры старых рабочих и работниц, выросли из среды рабочих сотни руководителей.

Соревнование и ударничество, развернувшиеся в 1929 г., показали, какие мощные созидательные силы накопились в рабочем классе под руководством партии Ленина — Сталина.

Выросли новые хозяева.

В боях за ленинское единство

После пуска завода перед коллективом коммунистов «Красного треугольника» встали новые задачи: надо было восстанавливать производство, собирать рабочих, поднимать производительность труда, бороться с саботажем и вредительством спецов, выращивать кадры партийных руководителей завода, расширять и углублять работу по большевистскому воспитанию всей массы рабочих и работниц, повышать их производственную и политическую активность.

«...Завоевания революции теперь не могут быть такими же, как прежде, — писал Владимир Ильич в сентябре 1921 года, — они неизбежно меняют свой характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный... В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов; улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелко-буржуазной и мелко-буржуазно-анархической стихии...» (Ленин, т. XXVII, стр. 12.)

Партия перестраивала, укрепляла свои ряды для новых завоеваний.

Первая партийная чистка в конце 1921 года, во время которой была выброшена из партии группа разложившихся работников во главе с председателем завкома В. Ребровым, оздоровила коллектив «Красного треугольника», сплотила его и сделала его более боеспособным для преодоления трудностей восстановительного периода.

Одной из труднейших задач партийной организации было — обеспечить партийное влияние на основных участках производства, правильно расставить свои силы, учиться руководить заводом.

Новое бюро коллектива, избранное после чистки партии, вплотную занялось вопросами руководства производством.

«Тов. Карпов (организатор коллектива) информирует собрание о работе Бюро коллектива за истекший срок с 22 ноября 1921 года по 27-е января 1922 г... Линия Бюро заключалась в следующем: во все организованные отделы завода вводить ответственных работников из коммунаров, если не заведующими отделами, то по крайней мере помощниками, а также производится переброска коммунистов внутри завода и распределение их по мастерским и отделениям завода, в целях поднятия партийной и производственной работы и выделения на административные должности в качестве мастеров тех товарищей, которые соответствуют своему назначению». (Протокол № 2 общего собрания коллектива РКП(б), 26 января 1922 г.)

Опыта руководства производством у коммунистов не было. Из двухсот человек членов партии к началу 1922 года активистов, подготовленных вести руководящую работу, было не больше 40 — 50 человек, — на плечи их и ложилась вся тяжесть руководства хозяйственной и политической жизнью завода. Главной задачей внутрипартийной работы являлось поэтому повышение уровня политического развития и активности членов партии.

Переход к мирному строительству потребовал от партии новых организационных форм и методов работы: от «край-

него централизма и системы боевых приказов» периода военного коммунизма партия шла к развертыванию внутрипартийной демократии, к широкому обсуждению всех важнейших вопросов, развертыванию внутрипартийной критики, к полной выборности руководящих органов.

Немногочисленный партийный коллектив мог руководить всей жизнью завода только при том неограниченном доверии и авторитете, какими пользовалась партия в массе беспартийных рабочих, активно поддерживавших политику большевистской партии.

Вокруг коллектива группировался многочисленный актив беспартийных работниц и рабочих, которые за годы революции подошли к партии, — на них в первую очередь и опиралась парторганизация.

К концу 1923 года, накануне Ленинского призыва, коллектив коммунистов «Красного треугольника» насчитывал уже около трехсот человек (из 8 тысяч рабочих). Организация выросла за 1923 год на сто человек — частью за счет демобилизованных из Красной армии членов партии, частью за счет старых производственников.

Все члены партии входили тогда в одну общезаводскую ячейку (коллектив). В цехах общественная жизнь только еще начинала зарождаться. Активисты были распределены по «округам», и «отделениям», в которые входили по несколько мастерских и цехов — это был первый шаг к созданию цеховых ячеек. Вся массовая политическая и культурная работа велась в общезаводском масштабе.

Большое место в массово-политической работе в 1922—1923 годах занимала антирелигиозная пропаганда. Религиозные предрассудки в массах гнездились еще прочно. На заводе был проведен цикл диспутов под общим названием: «С богом или без бога». Делали доклады профессора, приглашали на дискуссии в качестве оппонента даже... протоиерея. На диспуты собирались тысячи работниц и рабочих.

Большую и интересную работу в этом направлении вел комсомол завода. «Комсомольская пасха», «комсомольское рождество», «красные крестины», — все это теперь забыто, но в те годы «комсомольская пасха» или «крестины» были боевыми кампаниями. Приходилось бороться с религиозными предрассудками упорно, настойчиво и с разных сторон.

В бюро комсомола поступали, например, от рабочих такие заявления:

«Заявление тт. Диденко, Сковородникова и Жилова о революционном наименовании их детей.

Постановили: сына т. Сковородникова в честь вождя гладиаторов — наименовать Спартаком.

Дочь рабочего Жилова в честь Клары Цеткин наименовать Кларой.

Дочь т. Диденко, в виду того, что она имеет со дня рождения год, — торжественно утвердить в почетные члены пионеров». (Протокол № 100 заседания бюро коллектива РКСМ 4 декабря 1923 г.)

Завком организовывал «октябрины».

«В столовой завода в декабре 1923 г. и в январе были устроены «октябрины», было дано наименование гражданства 8 детям рабочих завода в честь вождей революции...

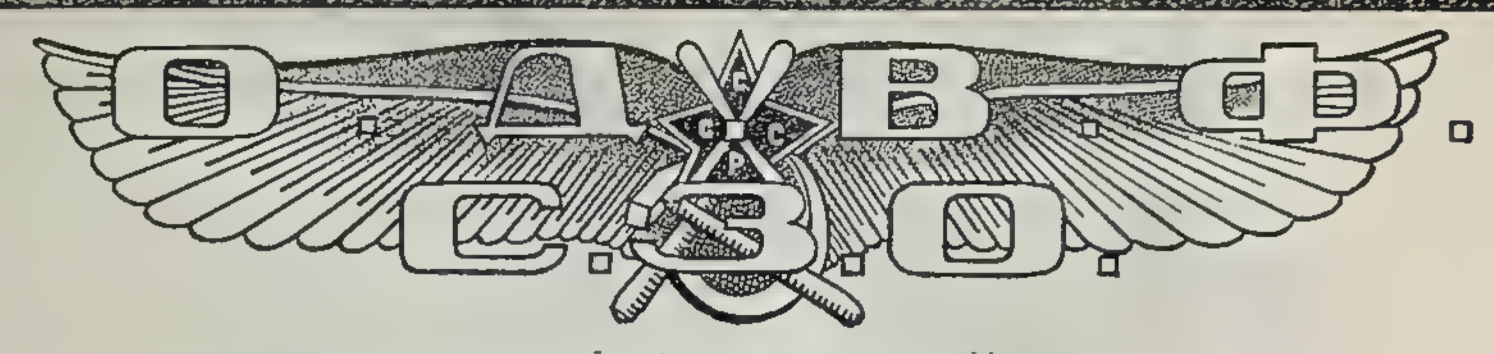
После концерта выступали сами рабочие и работницы...

На «октябринах» присутствовало по 3 тыс. человек каждый раз. Необходимо отметить следующее:

1) что революционная обрядность является конкурентом поповской обрядности и прекрасным орудием антирелигиозной пропаганды и

2) неподдельное, бесконечно искрещее веселье, охватившее всю трехтысячную массу». (Отчет завкома о работе с 1 июля 1923 г. по 1 февраля 1924 г.)

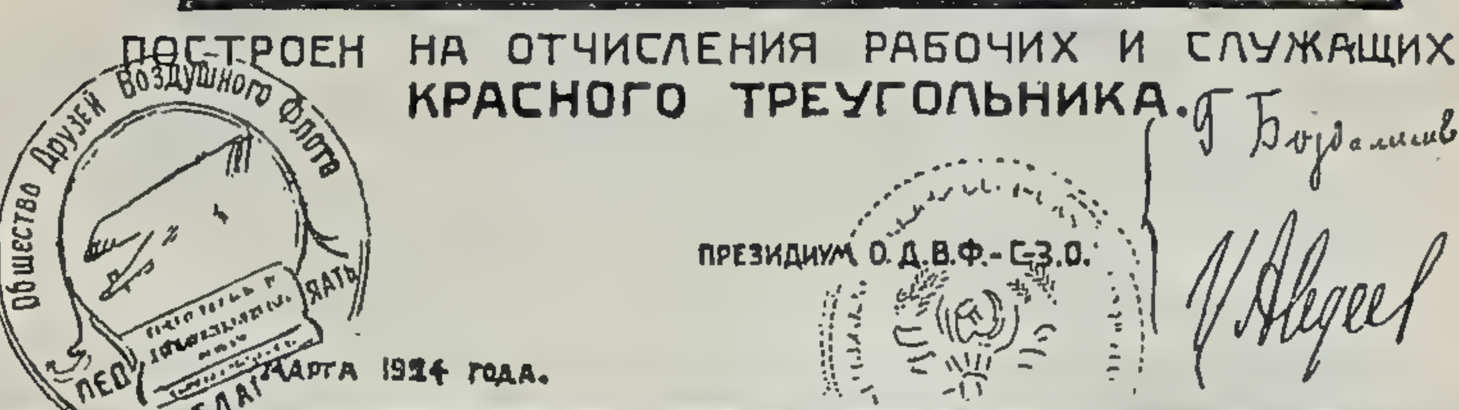
Антирелигиозная работа была в то время важным зве-

ПОЧЕТНАЯ ДАТА.

30 МАРТА 1924 ГОДА ГИДРОСАМОЛЕТ „КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК" ВОШЕЛ В СОСТАВ БОЕВЫХ СИЛ КРАСНОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА С.С.С.Р.

ПОСТРОЕН НА ОТЧИСЛЕНИЯ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ
КРАСНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА.

АДРЕС О. Д. В. Ф.-С.-З. О. ЛЕНИНГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 7, ТЕЛ. 183-28.

Первый в СССР самолет, выстроенный на средства рабочих одного завода.

ном политической работы, она расшатывала в массе веру в бога, многих оторвала от религии, толкнула к работе над собой, к политической учебе.

Политически парторганизация «Красного треугольника» была крепкой, — и во время дискуссии с троцкистами в конце 1923 года троцкисты не получили в заводской организации ни одного сторонника.

В отчете о работе парторганизации за декабрь 1923 года сообщается, что «по вопросу о новых задачах партии ячейка целиком присоединяется к постановлению ЦК и ЦКК». В этом был залог тех успехов, которые коллектив треугольниковских рабочих имел на путях восстановления завода и развития производства.

Усилилась тяга в партию со стороны активных работниц и рабочих, целиком поддерживавших линию Ленинского ЦК. В декабре 1923 года поступило 30 заявлений о приеме в партию.

В этот период перестройки, поисков новых форм работы и оживления внутрипартийной жизни, партию и весь рабочий класс постигло великое горе:

21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин.

Много месяцев подряд, почти целый год работницы и рабочие всей страны с тревогой следили за бюллетенями о болезни Ильича. В апреле 1923 года в Москве побывали беспартийные рабочие «Треугольника» — Корытин и Рыбикова. Они по поручению рабочих ездили приветствовать XII съезд партии. Ленина на съезде уже не было. Вернувшись, Корытин и Рыбикова сделали доклад о своей поездке на общем собрании завода. Собрание послало Владимиру Ильичу телеграмму:

«... С тревогой, с замиранием сердца следим мы за бюллетенями о твоем здоровьи. Радостен будет тот день, когда мы узнаем, что ты снова занял свое место у руля революции».

И вот случилось то, о чем не смели, боялись думать...

22 января, около 8 часов вечера, работницы и рабочие «Красного треугольника» собрались отметить день 9 января и неожиданно узнали, что умер Ленин.

«Эта незаменимая потеря всколыхнула, потрясла, пробудила к новым усилиям сотни тысяч рабочих, протянувших свои руки на помощь нашей партии. Волна неслыханного подъема прошла по всей нашей стране, и могучий прилив в нашу партию новых и новых бойцов лучше всего показывает всем врагам пролетариата, как крепка, как жизненна Советская власть, как верно идет к своей цели коммунистическая партия, как тверда воля пролетариата к его окончательной победе. Залог этой победы в неразрывном единстве рабочего класса и его партии.

... Теперь мы стоим в новой полосе развития. Нам в будущем предстоят великие битвы. В настоящем — кропотливая, неустанная работа по нашему хозяйственному возрождению.

... Втянуть всех рабочих в эту сознательную работу на самих себя, не на капиталистов, а *против* капиталистов и *в борьбе* с ними — наша первейшая задача. Эту задачу можно разрешить лишь при дружной, беззаветной поддержке со стороны самих рабочих. Великим подспорьем в этой работе является приток новых членов от станка, настоящих пролетариев, *стоящих непосредственно в самом производстве,* в нашу пролетарскую партию. Партия целиком и безоговорочно идет навстречу этой братской помощи со стороны своего класса». (Обращение пленума ЦК РКП(б) 29 — 31 января 1924 г.)

Невозможно передать ту глубокую скорбь, которую вызвала смерть вождя.

Семь тысяч работниц и рабочих, собравшиеся на митинг в этот день, дали клятву:

«Нашего дорогого учителя и вождя, самого гениального и самоотверженного, самого простого и понятного всем, неизменного товарища всего рабочего класса, товарища

Ленина — не стало. Свершилось то, чего мы так боялись. Он умер.

Будет радость у толстых буржуев, жирных банкиров, подлых хищников мирового грабежа.

Но пусть не радуются, проклятые!

Ленин умер, но идеи его вечны.

Великая скорбь охватывает нас, но, верные заветам великого учителя, мы смело и неуклонно, стальными шеренгами бойцов пойдем к новым боям и новым победам. Нет и не будет такой силы, которая внесла бы смятение в наши ряды.

Мы, рабочие и работницы завода «Красный треугольник», клянемся еще теснее, еще крепче сомкнуть свои пролетарские ряды вокруг учеников и преемников товарища Ленина, Российской коммунистической партии и штаба мировой революции — Коммунистического Интернационала.

Мы заявляем всем нашим врагам, стремящимся погубить дело революции, завоеванное пролетариатом под руководством товарища Ленина, что мы не выпустим красного знамени до полной победы коммунизма на всем земном шаре».

На митинге выступали десятки беспартийных рабочих и работниц и заявляли, что они помогут партии продолжать дело Ленина и просят принять их в партию. К концу собрания поступило более двухсот заявлений, — буквы на них расплывались от упавших слез:

«Прошу принять меня в кандидаты партии РКП(б), так как я работаю в производстве на «Красном треугольнике» 12 лет и желаю исполнять заветы нашего дорогого вождя В. И. Ленина. (Колобкова, П. П.)

«В связи со смертью любимого вождя В. И. Ленина, считаю своим долгом быть в партии Ленина и хранить его идею до окончательной победы над всемирной буржуазией. Только единая партия РКП(б) ведет человечество к освобождению от рабства капитала». (Слесарь Конев, И. Ф., произв. стаж 20 лет)

«Прошу бюро коллектива принять меня в кандидаты РКП(б) на общих основаниях, считаю себя вполне подготовленной, желаю исполнять заветы Ильича, а потому прошу не отказать в моей просьбе». (Короткова, Ксения, произв. стаж 16 лет.)

В этот день снова состоялся многотысячный митинг, на котором краснотреугольниковцы возбудили ходатайство перед правительством «о перевезении тела Ильича в Петроград, с переименованием Петрограда в город Ленина».

В помещении бюро партийного коллектива с утра и до поздней ночи было людно, перебывало несколько тысяч рабочих и работниц, — они приносили пожертвования на венок вождю и многие подавали заявления о вступлении в партию.

Двенадцать старых работниц и рабочих — ветеранов «Треугольника» — ездили в Москву на похороны вождя.

«После похорон наши делегации собрались на митинг. В нем участвовало больше тысячи делегатов, и все мы в этот день вступили в ряды партии». (Воспоминания т. Корниловой.)

Не ладилась работа в эти дни, опускались руки, туманились глаза... В тот миг, когда запели по всей стране прощальные гудки, остановились на «Красном треугольнике» вальцы и моторы, перестали стучать ролики галошниц.

Люди сиротливо собирались вместе, придавленные горем, теснее прижимались друг к другу и не стеснялись слез. А когда умолкли гудки, в необычайной этой тишине раздались печальные звуки песни, которую любил Ильич:

...Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои...

В эти дни на заводе было принято в партию около тысячи человек. Коллектив «Красного треугольника» за два месяца ленинского призыва вырос в четыре раза.

Во второй ленинский призыв в 1925 г. снова вступило 294 человека (из них 114 комсомольцев). В июне

1926 г. в коллективе завода было уже 2406 членов и кандидатов партии. Коллектив стал крупнейшей заводской парторганизацией в Союзе.

С ленинского призыва начинается новый этап в жизни партколлектива «Красного треугольника». Прошло всего тридцать лет с той поры, когда несколько одиночек, работниц и рабочих с «Резиновой мануфактуры» начали принимать участие в первых социал-демократических кружках Питера.

Всего лишь десять лет прошло со времени организации первого общезаводского центра большевиков вокруг Больничной кассы, где объединились первые два десятка ленинцев-«правдистов».

И вот большевистская организация «Красного треугольника» выросла в двухтысячную армию.

Партийно-воспитательная работа с ленинским призывом стала теперь главной задачей. Вопросы новых форм работы и оживления внутрипартийной жизни стали крупнейшим вопросом партийной работы. Пришлось перестраивать организационные формы, чтобы охватить работой всю массу членов партии, — на заводе были созданы 32 цеховых ячейки. Центр партработы переносится в цехи, в мастерские. По цеховому принципу перестраиваются и профессиональные и комсомольские организации. Широкий размах получает работа по партпросвещению. На заводе по цехам вырастает сеть кружков, курсов, партшкол. Вновь с огромной остротой встал вопрос о кадрах, — каждый цех, каждая мастерская, каждый кружок требуют партийцев-руководителей.

Актив приходилось воспитывать на практической работе. С созданием партцехячеек усилилось партийное влияние не только на производственную работу непосредственно в цехах, но и на все стороны жизни цеха.

Создание цеховых ячеек было крупнейшим шагом вперед в организационном строительстве. Цех становится центром всей общественной жизни завода. Десятки молодых членов партии и беспартийного актива стали учиться руководству

на конкретной и посильной для них практической работе в своем цехе.

— Актив наш молод, он вырос за один год, — говорила в отчетном докладе 25 мая 1925 года Е. Н. Егорова, секретарь коллектива.

Но перестройки по цехам скоро оказалось уже недостаточно. Цехячейки по количественному составу настолько разрослись, что и они уже не могли охватить работой всех членов (в крупных ячейках было по несколько сот коммунистов). Впервые в практике работы партии на «Красном треугольнике» был создан институт звеновых организаторов (1925 г.). Первичной формой партийной организации на заводе стали звенья. Институт звеноргов превратился в первичную массовую школу воспитания низового партактива на практической работе. Эта система организации была затем подхвачена парторганизациями крупных предприятий и вскоре стала достоянием всей партии. Инициатором создания института звеновых организаторов была парторганизация «Красного треугольника» и ответственный секретарь коллектива Е. Н. Егорова.

Старая большевичка (член партии с 1911 г.), Е. Н. Егорова возглавляла двухтысячный отряд большевиков завода в период острой борьбы партии с зиновьевско-троцкистской оппозицией.

Вскоре молодой массе членов партии ленинского призыва пришлось выдержать серьезное политическое испытание в связи с той борьбой, которую повела против партии зиновьевско-троцкистская банда.

Зиновьевско-троцкистская оппозиция оформилась в партии к концу 1925 г. На предсъездовской дискуссии — перед XIV съездом партии — оппозиция выступила с целой системой антиленинских взглядов по основным вопросам революции и с нападками на политику ЦК партии.

На партийных собраниях зиновьевцы не смели развертывать свои взгляды. Наоборот, они заявляли о полном доверии Центральному Комитету партии.

Свои принципиальные разногласия они перед партийной массой затушевывали. На районных партийных конференциях Ленинграда и затем на XXII губпартконференции зиновьевцы голосовали за политику ЦК. Но с их стороны это был только маневр. Руководители оппозиции не рисковали разоблачать себя до съезда.

Парторганизация «Красного треугольника» привлекала большое внимание вожаков оппозиции.

«Когда перед XIV съездом зиновьевская оппозиция начала атаку генеральной линии партии, — пишет В. И. Невинский, — на завод оппозиционерами был подослан из райкома в качестве заместителя секретаря Наливайко.[1] Этот Наливайко когда-то работал на «Треугольнике». Явившись на завод, он начал обрабатывать отдельных партийцев. Обработка шла в том духе, что, мол, «Ленинград зажимают», хотят устранить от руководства Зиновьева и других. Московско-нарвский райком поддерживал Наливайку».

На XIV съезд партии (18—31 декабря 1925 г.) с «Красного треугольника» были избраны три делегата: Наливайко, зам. директора Кастрицкий и Козлова-Пассек, — все трое ярые зиновьевцы. Партийная масса не знала, что посылает на съезд зиновьевцев: Наливайко и другие на собраниях коллектива умалчивали о своих взглядах.

Открылся XIV партийный съезд. «Ленинградская правда», ставшая в этот период фракционным органом зиновьевцев, лживо освещала ход съезда, а сторонники Зиновьева в Ленинграде по директивам своих «вождей» постарались сделать все, чтобы скрыть правду от рядовых членов партии. Наоборот, распускались провокационные слухи о том, что «ленинградцев травят», «ленинградцам на съезде не дают говорить», и т. д.

---

[1] Ответственный секретарь коллектива — Е. Н. Егорова — находилась в это время в декретном отпуску, на ее место райком и назначил Наливайко.

Во время съезда на завод приехал Наливайко, созвал собрание «узкого партийного актива» и подготовил резолюцию о полной поддержке ленинградской делегации на съезде. (Протокол 27 декабря 1925 г.) 29 декабря эту резолюцию оппозиционеры провели на общем собрании коллектива.

Принятие этой резолюции и было единственной «победой» оппозиционеров. Но им удалось обмануть массу только на несколько дней.

«За резолюцию голосовали потому, — говорила В. П. Артамонова, — что многие не разбирались в существе дела.

Но когда на завод со съезда приехали представители ЦК и рассказали, в чем суть, — всем стало ясно, что ленинградские главари вводили партийную массу в заблуждение».

Разобраться рядовому партийцу действительно было не просто. Спор шел о коренных вопросах пролетарской диктатуры, о судьбах социалистического строительства. А оппозиционные вожаки во время съезда и после съезда запрещали распространение в Ленинграде съездовской литературы и «Правды», органа ЦК, разоблачавших оппозицию, — и делали это тоже под видом «борьбы за единство партии».

После съезда Наливайко и его сторонники принялись травить всех, кто начал выступать против оппозиции.

«В понедельник 4 января у рабочих-коммунистов, стоящих на точке зрения большинства партии (например у т. Никитина И. с Буферного завода, у т. Шмелева В. из отметной, у т. Малиновской с Галошной и др.), была отобрана партийная литература с отчетами XIV съезда партии.

Литература была отобрана не только у распространявших ее товарищей, но и у тех, кто ее получил для чтения. Литературу собрали и пачками сложили в бюро коллектива.

Тов. Шмелеву был сделан выговор, причем организатор коллектива Наливайко пригрозил т. Шмелеву увольнением с завода. На второй день, во вторник 5 января, он был

Е. Н. Егорова, отв. секретарь партколлектива завода «Красный треугольник» в 1924—27 гг.

снят с работы на заводе, причем дать ему официальный расчет отказались.

Тов. Никитину также был сделан выговор агитпропорганизатором Жулябиным. Была угроза «вышибанием из партии».

Сторожам завода отдан был приказ не пропускать на завод партийной литературы...» («Ленинградская правда», 6 января 1926 г.)

Бюро коллектива во главе с Наливайко приняло в ответ на разоблачения печати лицемерную и наглую резолюцию. В резолюции говорится, что такое «неорганизованное распределение» литературы «недопустимо», так как «при этом нарушается единство партии...» (Резолюция бюро 6 января 1926 г.)

Так двурушнически действовали против партии оппортунисты, прикрываясь словами о единстве. С двурушничества оппозиция начинала свою «деятельность», и в дальнейшем двурушничество стало основным методом ее сношений с партией.

Зиновьевские последыши всячески старались поддерживать легенду о том, что «весь коллектив «Красного треугольника» был за оппозицию». Они злостно клеветали на партийную массу.

На самом деле уже во время съезда и сразу после съезда группа товарищей с «Красного треугольника» резко выступила против линии ленинградской делегации на съезде. Но этих товарищей буквально загнали в подполье.

Е. Н. Егорову оппозиционеры, руководители райкома, попытались было привлечь на свою сторону, а когда это им не удалось, Наливайко отдал распоряжение охране не пускать ее на завод.

«На одном из заседаний актива, — рассказывает т. Фомин И. Т., — я встретился с т. Невинским и видел, что он голосовал за съезд. После заседания я подхожу к нему и говорю, что нам нужно принимать какие-либо меры против

оппозиции. Тогда т. Невинский мне предложил пойти в тот же день вместе с ним на совещание на квартиру Жени Егоровой. Там собралась небольшая группа: тт. Егорова Женя, Невинский, Фадеев, Виш, я и другие. Несколько раз собирались на совещания в Кавалерийской школе, на Лермонтовском проспекте, тщательно маскируя наши совещания».

В. И. Невинский, заместитель т. Егоровой, сыгравший выдающуюся роль в борьбе с оппозицией на «Красном треугольнике» пишет об этом: «Совещания цеховых ячеек делались также нелегально. Работу мы проводили через казначея завкома т. Мухина, который сидел в кассе завкома. Никто не знал, что он сторонник большинства, а нам через него было удобно информировать цехи о ходе событий.

Первыми на активную борьбу против оппозиции выступили кадровые рабочие-металлисты, кочегары, слесаря, токаря. На пленуме ячейки паровых машин был дан первый открытый бой оппозиции. Туда явился Наливайко со всем своим штабом, с профессором Бялым, Войцеховичем и др. После небольшого доклада старого члена партии, кочегара т. Фомина, вся ячейка, около 200 человек, голосовала за генеральную линию партии. Только один голос был подан за оппозицию, и то это был молодой рабочий, работник в юнсекции клуба».

После этого собрания (оно происходило 5 или 6 января) стали выходить из подчинения оппозиционному руководству и другие цехячейки. Они собирались, несмотря на запрещения бюро, и принимали резолюции о поддержке решений XIV съезда, выносили недоверие бюро коллектива и требовали смены руководства.

Потребовалось не более двух недель, для того чтобы стало ясно, что заявления оппозиционеров от имени массы делались «без хозяина». За время с 6 по 15 января 1926 г. все крупные цехячейки вынесли решения, осуждавшие оппозицию. Ячейки требовали смены руководства бюро коллектива, а также и руководства райкома и губкома,

Окончательный разгром оппозиции произошел на пленуме коллектива 15 января, когда на завод приехали тт. Молотов, Ворошилов и Калинин. Оппозиционеры вели себя на собрании самым разнузданным образом, мешали членам ЦК говорить, кричали, — делали все, чтобы сорвать собрание.

«Предварительно оппозиция провела подготовку среди группы комсомольцев завода, которым была дана установка: во что бы то ни стало сорвать пленум. Председателем собрания они выдвинули пом. директора Кастрицкого, — оппозиционера. Свои силы они рассадили по разным концам столовой (пленум происходил в столовой). В одном конце сидела Козлова, а в другом конце — Файвилович, Сайкин, Романова и прочие. Особенно нападали они на т. Ворошилова». (Воспоминания В. И. Невинского.)

Хулиганское поведение оппозиционеров и председателя Кастрицкого вызвало такое возмущение собравшихся, что пленум переизбрал президиум собрания, и собрание закончилось уже под председательством т. Егоровой. Товарищи Молотов, Ворошилов и Калинин в своих выступлениях разоблачили до конца антипартийную, антиленинскую сущность оппозиции.

Пленум подавляющим большинством голосов принял резолюцию, в которой говорилось:

«Заслушав доклад т. Калинина и тт. Ворошилова и Молотова о работе XIV съезда ВКП(б), общее собрание членов партии и кандидатов коллектива завода «Красный треугольник» целиком и полностью присоединяется к решениям XIV партсъезда, признает их единственно правильными, большевистски выдержанными и соответствующими духу и учению ленинизма...

Мы категорически осуждаем позицию ленинградской делегации на XIV съезде...

Мы отказываемся от своего прежнего решения от 29 декабря 1926 г., как вынесенного только вследствие односто-

рошего и неправильного освещения работ съезда ленинградской делегацией...

Так как бюро нашего коллектива своими действиями подорвало доверие партийных масс, мы лишаем его с сегодняшнего дня права на дальнейшее руководство работой коллектива, считаем его распущенным и поручаем выбранной пятерке немедленно принять все дела от бюро коллектива и приступить к работе по перевыборам нового бюро...» («Ленинградская правда», 16 января 1926 г.)

До этого собрания оппозиция еще *числила* коллектив «Красного треугольника» за собой. Но обман стал ясен подавляющему большинству рядовых членов партии, и они показали оппозиционным вожакам — что значит подлинная партийная демократия.

За оппозицией осталось человек 40 — 50 «активистов», которые повели против партии еще более ожесточенную борьбу.

Организационная пятерка, в которую были выбраны Е. Н. Егорова, И. Т. Фомин, В. И. Невинский, Фадеев и Вин, провела перевыборы во всех 32 цехячейках. На всех собраниях оппозиционеры давали бой пятерке, но в цеховые бюро им удалось протолкнуть всего 15 оппозиционеров — из 231 члена цехбюро.

27 января, после доклада члена ЦК т. Шверника, было избрано новое бюро коллектива: Женя Егорова — организатором, Невинский и Фомин — заместителями.

Оппозиция осталась без массы, но не прекратила антипартийной борьбы. Весь 1926 и 1927 гг. кучка фракционеров на «Красном треугольнике» мешала партийной организации вести деловую работу.

Потерпев полное поражение в открытой борьбе, не имея за собой массы, зиновьевцы скатились к нелегальщине, срослись с белогвардейскими элементами.

Двухтысячный коллектив большевиков «Красного треугольника» в борьбе с зиновьевщиной вырос и закалился. Необычайно поднялась политическая активность рядовых

членов партии. Впервые низовые активисты стали выступать на собраниях с томами Ленина в руках, с партийными документами съездов и конференций.

Выросли новые кадры актива из молодых членов партии. Тов. Фомин сообщает о ячейке № 3:

«Целый ряд товарищей первого ленинского призыва в этой борьбе выросли, укрепились, стали настоящими ленинцами: Смирнов, Коровин, Чуркин. Особенно можно отметить т. Смирнова. В бытность его тогда еще кандидатом партии он помогал нам в борьбе с оппозицией и вскоре перешел в члены партии, стал секретарем цехячейки № 3, где и теперь работает».

То же самое происходило и во всех других ячейках.

Выступления рядовых членов партии и актива против оппозиции проникнуты глубокой принципностью. Вот, например, несколько выступлений в прениях по докладу т. Позерна 1 ноября 1927 г.:

«Тов. Федоров. Мы задали Евдокимову вопрос — почему голосовал против манифеста. (Манифест ЦИК в связи с 10-летием Октябрьской революции.) Он говорит: «потому, что нет ни слова о китайской революции». На вопрос — почему против 7 часов рабочего дня — «потому, что надо бороться за 8-часовой рабочий день». Мы шли за Зиновьевым, когда он был за ленинизм, а теперь он с Троцким, и мы с ним теперь не пойдем.

Тов. Максимов. Зиновьев сказал: «да здравствует единство», а одновременно дал директиву распространять антипартийные листовки. Приехали на сессию, а собирались на квартирах. Шатания все время, беспринципность, хвостизм у лидеров оппозиции.

Тов. Корнилова. Не дурачьте, товарищи оппозиционеры. Мы видим постановления и линию ЦК. В мастерской мы знаем, на что бьет оппозиция, и за ней не пойдем. Как наша партия была твердой, так и останется.

В ПАМЯТЬ ПОСЕЩЕНИЯ ЗАВОДА «КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК» ДЕЛЕГАТАМИ ЯПОНСКИХ МЕТАЛЛИСТОВ.

Мы весьма удовлетворены всем виденным на этом заводе, который в техническом отношении стоит выше соответствующих заводов Японии. Нас очень радуют картины, которые мы наблюдали в мастерских, и особенно та жизнерадостность, с которой рабочие и работницы выполняют свою работу. Нет гнетущего состояния японских капиталистических мастерских. Привет рабочих и работниц «Треугольника» мы передадим рабочим и работницам Японии. Ход вперед советской промышленности, шаги ее развития — суть шаги мировой пролетарской революции.

Ленинград, 8 января 1926 г.

КАВАССИ, ОДА.
Делегаты японских металлистов.

ИЗ КНИГИ ПОСЕЩЕНИЙ ЗАВОДА.

工場の規模や設備が日本の同産業の千分の一にもすぎない事に

愉快を感じた。然し其れ若い労働者諸君が皆、にこにこ

楽しそうに働いて居るのを見て、脱帽せずには居られなかった。[illegible]

めて来るソビエトロシアの経済上の発達は、とりも直さず極東日本や

世界のプロレタリアを解放する偉大な力であると思はれる。

一九二六年一月八日

牧

川瀬

小田

Тов. Залевский. Тов. Позерн попал вам прямо в глаз. У вас все построено на абсурде. С улиц и трамваев вы берете сплетни, а не факты из мастерских и из рабочей массы. В вопросе построения социализма у оппозиции есть такой багаж, который нужно выбросить в Обводный канал.

Тов. Шиткина. Оппозиция растеряла весь свой багаж. Семичасовой рабочий день в корне подрывает платформу оппозиции, поэтому они так яростно выступают.

(Записалось в прения 54 чел. Прения прекращены.)».

К XV съезду коммунистической партии парторганизация «Красного треугольника» пришла окрепшей и сплоченной с новым кадром активных членов партии. Молодые коммунисты Ленинского призыва, — а они составляли в это время 75% всего состава парторганизации, — с честью выдержали политическое испытание и закалились в этой борьбе. Авторитет партии возрос, и в октябрьский призыв 1927 г. сотни новых производственников подали заявления о вступлении в партию.[1]

«...Маловеры и штрейкбрехеры, расплакавшиеся интеллигенты отходят и уходят из партии, рабочие в нее приходят. Уходят жалкие кучки, троцкисты-одиночки, придут в партию рабочие массы... 324 рабочих ленинградского завода «Красный треугольник» подали заявление в коллектив о вступлении в партию...» (Передовая газеты «Правда», 5 ноября 1927 г.)

XV съезд объявил «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии».

На «Красном треугольнике» за участие во фракционной

---

[1] В сентябре 1927 г. в парторганизации «Красного треугольника» было 285 чел., вступивших в партию до 1924 г., — остальные вступили в 1924 г. и позднее. 87,6% всех коммунистов работали непосредственно на производстве.

работе было исключено 4 чел. до XV съезда и 8 чел. — после XV съезда. Вступило в партию за время с XIV по XV съезд больше тысячи человек.

По поручению шестнадцатитысячного коллектива «Красного треугольника» беспартийная работница т. Базаева заявила с трибуны XV съезда:

«...Товарищи, мы уже прожили десять лет под руководством Коммунистической партии. Мы, конечно, пережили, — вам известно всем, — голод и холод и всякую нужду. Но дальше, товарищи, мы уже видим большие достижения в нашей Советской республике, во всех отраслях. Этого мы добились под руководством ленинской партии. И мы, беспартийная масса, видим здесь, что есть такие, которые хотят сбить с правильного пути ленинскую партию. Но это им не удастся.

Наш «Красный треугольник» велел вам передать, что никогда не позволим мы колоть нашу ленинскую партию. Долой оппозицию раз и навсегда, да здравствует ленинская партия. Больше укрепляйте стальное единство, крепость ее, чтобы больше и шире она развивалась...» (XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 22.)

После XV съезда контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа была окончательно разгромлена. Часть исключенных из партии оппозиционеров искренне признала свои ошибки и преступления и вернулась в партию, другая же часть после разгрома отступила, заявив формально об отходе от оппозиции, но продолжая оставаться на прежних контрреволюционных позициях.

Большинство зиновьевцев на «Красном треугольнике» также «раскаялись», заявили о полном разрыве с прошлым. Но двурушничество стало основной заповедью контрреволюционной банды зиновьевцев, было основным методом их сношений с партией.

Оставаясь в рядах партии, двурушники продолжали свою преступную деятельность. В конце 1929 года на «Красном

И. С. Каспаров, ответственный секретарь парткома завода в 1927 — 1929 гг.

треугольнике» случайно всплыло дело о зиновьевке Козловой-Пассек, которая тоже числилась в «раскаявшихся». Дело было так. В 35-й ячейке возникла склока. Когда начался разбор дела, — оказалось, что склока возникла на политической почве: Козлова, работавшая мастером, стала преследовать ряд работниц — Адлер, Тихомирову, Стерлину и других, которые добровольно повышали норму выработки.

Стерлину, например, Козлова обвинила в том, что она перерабатывает норму потому, что неправильно режет материал. Обследование показало, что обвинение было ложным. Норму перерабатывали многие работницы, рабочий день в этой мастерской был не уплотнен. Но когда встал вопрос об учете выработки, несколько работниц — на глазах и с ведома Козловой — *изрезали часть готовых изделий*, чтобы скрыть действительную свою выработку. Козлова выжила хорошую мастерицу Гудомскую, которая мешала ей срывать нормы. Выжила Козлова из цеха и работниц Арсентьеву и Филатову — членов партии, не желавших соглашаться с ее оппозиционными взглядами.

Когда дошло до разоблачения, Козлова ухитрилась придать всему делу характер «склоки на личной почве».

Но работницы-коммунистки не отступали, довели это дело до товарища Кирова. Сергей Миронович предложил вторично расследовать дело Козловой, и тут раскрылась подпольная антипартийная работа Козловой. Ее преступно-вредительское поведение на производстве вытекало из ее контрреволюционных взглядов. Работницы Филатова, Арсентьева и Адлер сообщили, что Козлова не только продолжала высказывать взгляды зиновьевской группы, но и предлагала устроить на квартире у Адлер штаб оппозиционной группы.

Дорогой ценой расплатилась вся партия и ленинградская организация за недостаточную бдительность к подрывной, вредительской деятельности зиновьевцев, ушедших в подполье.

Правые уклонисты тоже не обошли «Треугольник». В парторганизации завода этот уклон организованно не оформился. Но в работе отдельных партийцев и групп партийцев правый уклон проявлялся. Это — хвостизм в вопросах зарплаты, мягкотелость профорганов в борьбе с нарушителями труддисциплины, разговорчики о неправильной политике партии по отношению к крестьянству, о «чрезмерных» темпах индустриализации страны, примиренчество к классово-чуждым элементам, проникавшим на завод, и т. д.

Крупнейшие достижения парторганизации в руководстве всей жизнью завода и во внутрипартийной работе объясняются твердым руководством, организацией; такими крепкими большевиками, как Е. Н. Егорова, И. С. Каспаров.

Сергей Миронович Киров лично вникал во все детали партийной и хозяйственной жизни завода, неоднократно бывал на заводе, лично вызывал к себе руководителей предприятия, давал конкретные указания, политически воспитывал многотысячный коллектив «Треугольника».

Развертывая и углубляя внутрипартийную демократию и самокритику, очищаясь от оппортунистических элементов, вовлекая в свои ряды лучшую часть рабочих и работниц, укрепляя всеми мерами связь с беспартийной массой, — парторганизация «Красного треугольника» подошла к первой пятилетке мощным, сплоченным отрядом, насчитывая в своих рядах на 1 сентября 1928 г. 2884 чел.

Девятнадцатитысячную массу рабочих «Красного треугольника» она уверенно повела на новые бои за социализм, к новым победам.

С. М. КИРОВ отчитывается о работе Ленсовета на «Красном Треугольнике» 1930 г.

Из галошного в завод тяжелой индустрии

...На огромной карте Союза вспыхивали разноцветные огни. Делегаты семи братских республик, как зачарованные, слушали рассказ о том, чего еще не было, но что должно было появиться в стране через пять лет.

Впервые назывались имена будущих гигантов металлургии Востока, гигантов машиностроения, будущих автомобильных и тракторных заводов, химических комбинатов, новых городов и железнодорожных магистралей.

Турксиб, Магнитогорск, Кузнецк, Днепрогэс, Сталинградский тракторный, Горьковский автозавод, Харьковский тракторный, Уральский завод тяжелого машиностроения и сотни других, действующих ныне предприятий — тогда существовали еще только в виде цветных пятен на карте. Это было на V Съезде Советов.

Докладывался план индустриализации.

V Съезд Советов принял сталинский план «развернутого наступления социализма по всему фронту».

Предатели и паникеры были отброшены и разбиты. Ленинская директива стала реальным планом великих работ.

«Красного треугольника» не было на этой карте пятилетки. Но он был один из тех «стариков»-заводов, на плечи

Пленум заводского комитета (декабрь 1935 года).

которых легла задача обеспечить создание новых гигантов.

Принятый съездом план решал судьбу «Красного треугольника». Индустриализация страны, освобождение Советского Союза от иностранной зависимости и укрепление оборонной мощи СССР — «ударной бригады мировой революции» — эти три генеральные идеи ленинско-сталинского плана были адресованы ко всей промышленности и в том числе к «Красному треугольнику».

Нужно было готовиться к массовому производству шин. камер, чтобы «обуть» сотни тысяч будущих автомашин.

Нужно было спешить с выпуском множества новых деталей из эбонита и резины — для автомобильно-тракторного парка, запроектированного планом пятилетки.

Каждый новый завод, транспорт, каждая вновь возводимая электростанция и каждая МТС потребуют от «Красного треугольника» в том или ином виде резину. Он давал три четверти всей продукции советской резиновой промышленности.

«Красному треугольнику» предстояло расширять свое производство, и государство ассигновало для этого заводу 27 млн. руб.

«Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство». (Сталин.)

Линия партии была ясна. Чтобы обеспечить запросы индустриализации, «Красный треугольник» должен был сам превратиться в предприятие тяжелой промышленности.

Но в пятилетнем плане развития, составленном на заводе вредителями-спецами, было записано:

1. «К концу пятилетки вырисовывается, что «*Красный треугольник*» *будет галошным заводом по преимуществу*...»

2. «На протяжении всего пятилетнего развития намечается

некоторая специализация завода на определенных изделиях, именно — *завод преимущественно будет занят выработкой техники широкого потребления и изделий из асбеста*»...

Начинался великий бой с вековой отсталостью страны, великий поход за выкорчевывание последнего крупного отряда буржуазии — кулачества, за построение фундамента социалистической экономики. Классовая борьба вокруг социалистической пятилетки разгорелась с особенным ожесточением.

Планы сооружения новых заводов и реконструкции старых, вопросы производительности труда и темпов роста продукции вызывали бешеные нападки вредителей и сопротивление правых оппортунистов.

«Фронт на Обводном» не окончился с гражданской войной.

Вредители, составляя план, намеревались сорвать индустриализацию «Красного треугольника». Они скрыли истинную производственную мощность завода, особенно резко преуменьшив ее по промышленной технике и по шинам (то есть по основным индустриальным цехам). Эти цехи они намеревались заморозить на уровне 1930/31 г.

Путем такого «планирования» в большинстве отраслей промышленности и социалистического сельского хозяйства вредители рассчитывали привести к кризису хозяйство страны и сделать Советский Союз уязвимым для новой интервенции.

Но мощный энтузиазм, с которым рабочий класс встретил план великих работ — пятилетку, опрокинул и на этот раз все расчеты интервентов.

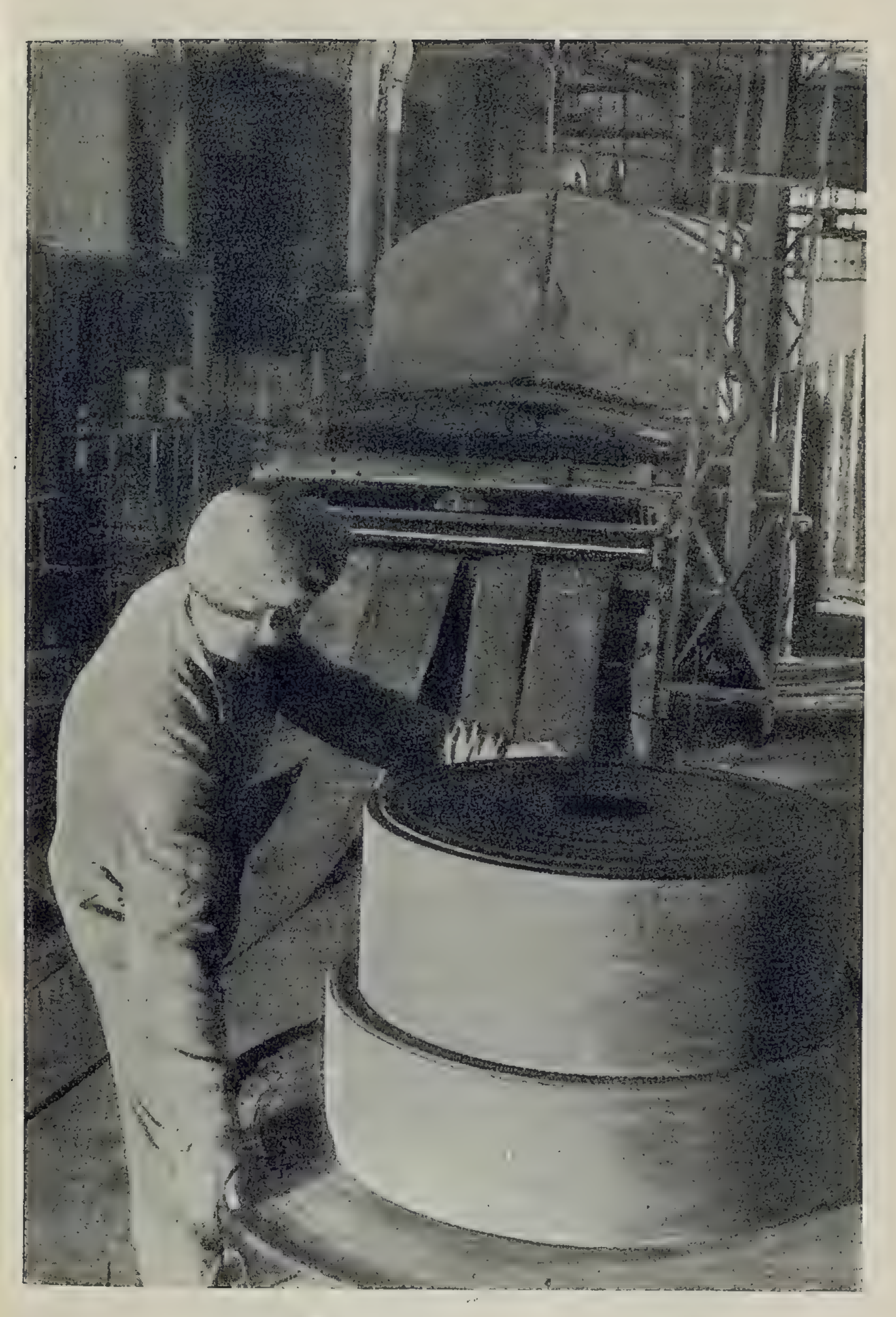
Социалистическое соревнование и «его детище — ударничество», возглавленное партией, сделалось основным методом работы на заводах, в шахтах, на грандиозных новостройках.

«Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой». (XVI партконференция.)

На заводе социалистическое соревнование развернулось

Транспортеры для новостроек и тяжелой промышленности.

Агрегат для производства ремней.

как массовое движение в марте 1929 г., 10 мая завод заключил договор на соревнование с «Красным богатырем».

К концу ноября 1929 г. на заводе было уже 136 ударных бригад, насчитывающих 2519 чел.

Рабочие и работницы, включаясь в соревнование, повышали добровольно нормы выработки и снижали расценки. На 1 октября 1928 г. снизили расценки 3754 чел., из них женщин 3220.

Повышалась производительность труда. Выработка на многих работах резко увеличилась. Например, на бордюре 22 чел. перешли на выработку 1860 пар и вызвали завод № 1. Завод № 1 дошел до 2 тыс. и вызвал завод № 2, который, доведя выработку до 2 500, в свою очередь, вызвал завод № 1. На пневматике комсомольская смена вместо 11 покрышек стала давать 12, а рабочий Вери там же повысил норму на 25%; на покрышках «Гигант» перешли с нормы в пять покрышек — на шесть.

В этом движении огромную роль сыграл комсомол. Делегаты X заводской конференции комсомола имели полное основание сказать, что «молодежь своим энтузиазмом захватила взрослых рабочих» (октябрь 1929 г.).

Вот примеры работы комсомольцев:

«42-я ячейка комсомола, подняв производительность труда и улучшив качество, перешла к рационализаторской работе. Ударники внесли предложение, которое дает минимум 28 тыс. руб. экономии.

25-я ячейка предложила коллективное изобретение, увеличивающее производительность труда на 50%.

12-я ячейка. Показательный стол увеличил выработку с 210 ящиков до 280—300 ящиков. Молодежь своим примером втянула всех в соревнование.

В мастерской «Гребни» молодежь перешла на новый способ работы: с индивидуальной — на НОТ. Создали «восьмерку». В результате — уменьшение брака, увеличение про-

изводительности труда и повышение зарплаты с 80 до 120 руб. Примеру молодежи последовали все работницы.

На резке бордюра каждая из 20 работниц бригады (завода № 2) стала нарезать ежедневно по 100 пар в фонд *индустриализации* нашей страны.

Комсомольская организация вызвала на соревнование инженерно-техническую секцию и заключила с ней договор о совместной работе и учебе.

К этому времени партком завода провел уже большую работу по расслоению инженерства, в бюро ИТС были избраны советски настроенные инженеры. Они пошли в ногу с заводской общественностью и увлекли за собой часть итровцев, но далеко не всех. И заводская газета в самый разгар соревнования правильно отметила:

«Совершенно очевидно, что инженерно-технический персонал в социалистическом соревновании не принимал того участия, какое он должен был принимать.

Из имеющегося у 5-й ВКК материала ясно, что в *тех цехах или мастерских, где технический персонал принимал деятельное участие в социалистическом соревновании* (ряд галошных мастерских, паровые котлы и машины, некоторые мастерские технического отдела и т. д.), *итоги соревнования были более чем удовлетворительны*»...

На производственных совещаниях за год было *внесено свыше тысячи предложений*. Изобретатели дали экономии на полтора миллиона рублей.

Этот героический подъем передовой части рабочих и работниц обеспечил выполнение плана первого года.

Первый год пятилетки ознаменовался в жизни страны крупнейшим событием: переходом на семичасовой рабочий день.

Парторганизация «Красного треугольника» после тщательной подготовки в числе первых предприятий страны осуществила (февраль 1929 г.) переход на семичасовой рабочий день.

Рабочих в этот день встретили на заводе с музыкой.

Была получена приветственная телеграмма от товарища *Сталина*:

Уважаемые товарищи рабочие и работницы «Красного треугольника». Примите мой дружеский привет по случаю перехода «Красного треугольника» на семичасовой рабочий день. В капиталистических странах наши братья и сестры работают по 10—12—14 часов; мы, рабочие и работницы нашего рабоче-крестьянского государства, будем работать отныне 7 часов в день.

Пусть знают все, что рабочие СССР стоят в первых рядах рабочего класса всего мира. Пусть наше знамя — знамя строительства социализма — станет знаменем рабочих всех стран.

Прошу извинения, что не имею возможности приехать к вам для участия в вашем торжестве.

И. Сталин.

Приветствие вождя вызвало огромный подъем и воодушевление. Производительность при семичасовом дне поднялась, зарплата повысилась, стоимость изделий снизилась.

На волне творческого подъема, в самом начале второго года пятилетки, родился лозунг — «пятилетка в четыре года».

«Авторов» этого лозунга обнаружить невозможно — он возникал одновременно глубоко в недрах рабочей массы и в руководящих партийных органах. К XII годовщине Октября Центральным Комитетом партии был дан лозунг: «Энергией и волей миллионных масс выполним и превзойдем задания пятилетки». («Правда» № 254, 2 ноября 1929 г.)

Через несколько дней в статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал:

«...*Оптимальный* вариант пятилетки, считающийся у буржуазных писак «недосягаемой фантастикой» и приводящий в ужас наших правых оппортунистов (группа т. Бухарина), превратился на деле в *минимальный* вариант пятилетки». («Правда», 7 ноября 1929 г.)

«Общее настроение демонстрантов, — пишет ЦО «Правда»

В 1935 году завод выработал свыше 600 тысяч автопокрышек

о демонстрации 7 ноября 1929 г., — можно выразить одной фразой: «Даешь пятилетку в четыре года».

Ленинградский пролетариат шел в первых рядах инициаторов лозунга «пятилетка в четыре года». Целый ряд предприятий накануне и в дни торжеств XII годовщины Октябрьской революции почти одновременно выдвинул эту идею — «Красный выборжец», «Красный путиловец». («Правда» 11 ноября 1929 г.) Застрельщиками этого великого дела на «Красном треугольнике» явились лучшие рабкоры-коммунисты, они же и лучшие производственники.

Не случайно, что лучшая заводская газета и рабкоровская организация, объединявшая более тысячи человек, которую Михаил Кольцов назвал «лабораторией рабкоровского опыта», первой поставила вопрос о практическом проведении в жизнь лозунга «пятилетка в четыре года».

Этим настроением жила многотысячная масса, и группа товарищей — Я. Л. Горев, Н. И. Седов, Ф. Г. Гуревич, П. Сковородников, Н. А. Кучин[1] и другие — были выразителями воли лучшей части партийной и беспартийной массы рабочих и работниц. И двадцатитысячный коллектив с энтузиазмом подхватил этот лозунг.

10 ноября 1929 г. бюро парткома приняло предложение заводской редколлегии.

Через четыре дня «Красный треугольник» объявляет себя первым в СССР ударным заводом по выполнению «пятилетки в четыре года»:

«Объявляем завод «Красный треугольник» ударным по выполнению намеченного правительством пятилетнего плана в *четыре года*. Величайший энтузиазм, с которым рабочие массы завода встретили четырехлетку, служит нам вернейшим залогом успеха.

---

[1] Я. Л. Горев — ныне литератор, редактор газеты «Социалистический пригород», Н. П. Седов — ныне редактор газеты северной судостроительной верфи им. Жданова — «Ждановец», Ф. Г. Гуревич — теперь редактор заводской газеты «Красный треугольник».

Четырехлетка — сокрушительный удар по нытикам, примиренцам, по правым и левым, по рабским темпам работы, — удар, который прогремит по всему Ленинграду, по всей Советской стране, по всему миру.

Ни минуты не медля — за работу.

Партком, завком, заводоуправление».

(Газета «Красный треугольник» № 84, 15 ноября 1929 года.)

Актив рабкоров развернул энергичную агитацию за «пятилетку в четыре года» не только на своем заводе.

Редколлегия «Красного треугольника» вызвала редакции заводских газет крупнейших предприятий, и через несколько дней уже весь Ленинград и весь Союз знали о почине резинового гиганта. «Красный путиловец», завод им. Сталина. «Металлический», «Скороход» приняли вызов.

20 ноября на расширенном заседании заводской редколлегии «Красного треугольника» выступали редактора заводских газет «Скорохода», завода им. Сталина и других и сообщали, что гиганты индустрии начали проводить практическую подготовку по пересмотру пятилетних планов.

На следующий день на митинге заводов Московско-нарвского района «Красный треугольник» вместе с «Красным путиловцем» вызвали «Электросилу», «Знамя труда № 2», «Северную верфь», завод им. Егорова и «Советскую звезду».

Движение начало принимать широкий размах. Еще через несколько дней VII Общезаводская производственная конференция вынесла пожелание Резинотресту: «В кратчайший срок перевести на рельсы четырехлетки пятилетний план всех предприятий Резинотреста... Конференция выражает полную уверенность, что на лозунг краснотреугольниковцев откликнутся не только предприятия Ленинграда, но и весь пролетариат СССР».

В проведении в жизнь «пятилетки в четыре года» «Красный треугольник» шел во главе лучших заводов Ленинграда.

Лозунг этот распространился по всему Союзу и стал одним из ведущих хозяйственно-политических лозунгов первой пятилетки.

Это было в самом начале второго года пятилетки — в ноябре 1929 г.

Наметки вредителей и трусливые проекты правых оппортунистов были опрокинуты. Стало ясно также и то, что планы выпуска шин и промышленных изделий по заводу составлены совершенно неудовлетворительно, и цифры по «Красному треугольнику» на 1929/30 г. были коренным образом пересмотрены: годовой план был увеличен со 189 млн. руб. до 230 млн. руб. Завод на протяжении одного только года поднял выпуск продукции почти на 50%, и при этом в основном за счет *промышленной техники и шин.*

План был огромный. Для выполнения плана потребовалось срочное расширение и дооборудование завода.

Правительство в 1929/30 г. выдало «Красному треугольнику» на капитальные работы половину всех сумм, которые были предназначены заводу на целую пятилетку: 13,7 млн. руб. Так остро стоял вопрос о капитальном строительстве.

Но строительство было провалено. Провалили вредители. Прикрываясь грудами цифр, планов, несогласованных заявок и т. п., они не завезли во-время оборудование из-за границы (план завоза выполнили всего на 25%); не разместили и заказы на советских заводах.

В результате — важнейшие работы по реконструкции шинного и галошного отделов были сорваны.

Целый ряд заданий по реконструкции мог выполнить механико-строительный отдел (это по существу целый механический завод в составе «Красного треугольника), но вредители заранее постарались дезорганизовать работу «мехстро» (механико-строительного отдела): они завалили и перегрузили его непосильными заказами, предназначавшимися для металлопромышленности.

*

Сорвав капитальные работы, вредители сорвали и производственный план завода на 1929/30 г. Прорыв в производстве оказался колоссальный: завод недовыработал продукции на 9 млн. руб., причем самые крупные цифры недовыполнения пали на отделы шинный, технический и экспортной обуви. Вредители били по самым важным участкам. Дезорганизованным оказалось все производственно-финансовое хозяйство завода: планы повышения производительности, снижения себестоимости, борьбы за качество.

Второй год пятилетки оказался самым тяжелым годом для завода.

Парторганизации и рабочим стало ясно, что причина прорыва — в техническом руководстве.

По настоянию заводских организаций был уволен с завода ряд специалистов, явно повинных в прорыве. Парторганизация настойчиво повела работу по расслоению специалистов. Многие из инженерно-технических работников, державшихся в стороне от борьбы, стали понимать, что средины нет — либо с партией, либо против нее. Шахтинский процесс ускорил процесс размежевания среди итровцев. Но даже в половине 1930 г. из 826 итровцев в соревновании участвовали всего лишь 63 чел.

Парторганизация начала решительно выдвигать на руководящую работу молодых, советских инженеров. Во все отделы на руководящую работу партком направлял крепких партийцев. Началась тяга инженеров и техников в партию, особенно после раскрытия вредителей. Директор А. А. Янен, слепо доверявший старым буржуазным специалистам, был освобожден от работы.

Успехи выполнения первой пятилетки и политика партии привели к дальнейшему расслоению среди старых специалистов.

Лучшая часть инженерно-технических работников, честно борясь за выполнение первой социалистической пятилетки, крепко связали себя с пролетариатом.

В 1930 году вредительская группа в резиновой промышленности была раскрыта и арестована органами ГПУ. Вредители предстали перед пролетарским судом. Часть вредителей (Бекман, Лявданский) были сосланы. Другие поняли всю глубину своего преступления, и советская власть дала им в дальнейшем возможность загладить свою вину: правительство допустило их к работе на социалистических предприятиях.

Во втором году пятилетки соревнование и ударничество развернулось с новой силой. Планы доводятся до цеха и бригады.

В 1930 г. возникают встречные планы, — новая ступень в соревновании. Ударники стали сами участвовать в планировании и контролировать выполнение заданий.

На 1 апреля 1930 г. завод насчитывал *15 716 ударников*. Во главе шел отряд ударников-коммунистов — 3604 чел. — и 1860 комсомольцев.

При проработке встречных планов в июне — июле 1930 г. ударники увеличили план завода на 12 млн. руб.

На протяжении года 6 тыс. галошниц добровольно снизили расценки. На комбинатах ежедневно вырабатывалось сверх нормы 2690 пар галош.

Опираясь на растущую активность рабочих, привлекая на свою сторону лучших специалистов, привлекая самих рабочих к плановой работе, — парторганизация добилась решительного перелома в производстве: выпуск шин и изделий промтехники начал быстро и неуклонно возрастать.

Старый галошный завод превращался в гиганта тяжелой индустрии.

8 марта 1931 г. Совет труда и обороны постановил:

«Учитывая изменения характера резиново-асбестовой промышленности в направлении увеличения ее связи с ведущими отраслями промышленности и, автотракторостроением, перевести резино-ас-

И. И. Алексеев, секретарь Кировского райкома ВКП(б).

бестовую промышленность из группы «Б» (легкая промышленность) в группу «А» (тяжелая промышленность).

Зам. председателя Совета труда и обороны *Я. Рудзутак.*

Секретарь Совета труда и обороны *Мирошников*».

Выдающуюся роль в борьбе завода играли руководители Нарвского, теперь Кировского, райкома партии Иван Иванович Газе и Иван Иванович Алексеев, старые большевики-путиловцы. Все крупнейшие производственные вопросы и вся сложная работа парторганизации завода всегда направлялись Кировским райкомом. Ряд указаний парторганизации цехов получили непосредственно от Ивана Ивановича Алексеева, часто посещающего цеха завода.

К 1931 г. годовая программа завода превышала четверть миллиарда рублей. На заводе работало больше 30 тыс. чел. Не было ни одного предприятия в Союзе, равного «Красному треугольнику» по объему выпускаемой продукции. Завод выпускал изделий на сумму втрое большую, чем «Красный путиловец». Отделы шинный, техники, галошные и механический фактически выросли в крупные заводы.

И с 1 октября 1930 г. «Красный треугольник» реорганизуется в комбинат, в составе шести заводов: 1) завод экспортной и технической обуви, 2) галошный завод для внутреннего рынка, 3) шинный завод, 4) технический завод («Промтехника»), 5) регенераторный (буферный) завод, 6) ремонтно-механический завод. Кроме того из системы заводов «Красного треугольника» был выделен самостоятельный асбестовый завод.

Организовалось шесть заводоуправлений, шесть парткомов, шесть завкомов и т. д.

Перестройка была совершенно необходима, чтобы сломать созданный вредителями громадный бюрократический аппарат, с помощью которого вредители сознательно запутывали все дела на заводе (отчетность, персональная ответственность и т. д.).

Перестройка облегчила оперативное руководство производством, борьбу за проведение шести условий товарища Сталина, подготовку кадров новых руководителей.

Наступила новая полоса в жизни «Красного треугольника». В 1931 г. заводы «Промтехника», шинный и механический дали новый крупный скачок в своем развитии.

Завод «Промтехника» освоил несколько сот совершенно новых видов изделий для авто-авиотракторной промышленности, для нужд обороны, для железнодорожного транспорта, для заводов сельскохозяйственного машиностроения, для нефтяной, металлургической, писчебумажной, полиграфической и других отраслей промышленности. Одних автодеталей было освоено в первые годы первой пятилетки больше 120 видов: кольца, буфера, прокладки, клапана, окошная и тормозная ленты и др.

Завод «Промтехника» выполнил пятилетний план *в два с половиной года*, а за четыре года и три месяца, к 1 января 1933 г., он дал вдвое больше изделий, чем первоначально намечалось по пятилетке.

До пятилетки, в 1927/28 г., «Красный треугольник» выпускал всех изделий техники (промышленной и ширпотреба) на 27 млн. руб., а программа 1935 г. — третьего года пятилетки — превысила 114 млн. руб.

При этом удельный вес изделий для нужд индустриализации страны поднялся с 40% в 1928/29 г. до 60% в 1931 г. Развитие соревнования, ликвидация вредительства и смена руководства вскрыли громадные возможности для расширения производства даже при старом оборудовании. В связи с этим значительно сократились затраты на реконструкцию технического отдела, сравнительно с первоначальными планами. При этом главная экономия — свыше миллиона золотых рублей — пришлась на заграничное оборудование.

Еще быстрее за годы первой пятилетки рос *шинный завод*.

По потреблению каучука завод вышел на первое место, переработав в 1932 г. 40% всего каучука, отпущенного

Конвейерное производство хирургических изделий.

«Красному треугольнику». Завод из этого каучука дал 552 тыс. покрышек, — в 4,8 раза больше, чем в 1927/28 г. Свой пятилетний план завод выполнил в три года и был занесен на «Красную доску» ЦК союза резинщиков (постановление президиума ЦК союза от 14 октября 1931 г.).

Это было огромное достижение.

«Необходимо отметить, — говорилось в приказе по Всесоюзному объединению резино-асбестовой промышленности, — что указанное перевыполнение дало возможность (в 1931 г.) обеспечить автотранспорт нашей страны выпуском продукции с одного Ленинградского шинного завода в таком объеме, какой намечался по пятилетнему плану на последний 1932/33 г. для Ленинградского и Ярославского шинных заводов вместе взятых». (Приказ № 205, от 19 октября 1931 г.)

За пятилетку — 1928/29 — 1932 гг. — завод изготовил 2 млн. 700 тыс. покрышек и 2 млн. камер. В 1932 г., по сравнению с 1913 г., объем всего производства шинного завода увеличился в 53 раза, а по покрышкам — в 31 раз.

Завод достиг, при таком колоссальном выпуске покрышек и камер, высокого качества изделий.

Так, в 1926/27 г. пробег покрышек не превышал 8 — 10 тыс. километров, к 1932 г. покрышка работает уже 25—30 тыс. километров. Покрышки «Гигант» выдерживают пробег в 35 — 40 тыс. километров.

За 1931 и 1932 гг. стоимость оборудования шинного завода выросла почти вдвое, главным образом за счет нового оборудования. Были введены в эксплоатацию такие крупнейшие аггрегаты, как тысячетонный автоклав для вулканизации крупных покрышек, каландр «Шоу», двенадцать станков Беннера, механизирующие сборку покрышек, шприц-машина «Адамсона» — с конвейером для подачи резины и устройством для механической резки протекторов и боковин, резательная машина для раскроя ткани; был полностью оборудован цех грузошин и т. д.

Формы для вулканизации с 1931 г. начали делать из

стали (вместо прежних чугунных), — они легче по весу и дают более четкий рисунок на покрышке. В отношении механизации шинный завод оставил далеко позади другие заводы, в частности завод «Промтехники».

В 1935 г. шинный завод программу в 600 тыс. покрышек перевыполнил.

Новый завод в Ярославле дает больше миллиона шин. Этой совокупной продукцией обоих заводов целиком покрываются потребности страны. Часть продукции вывозится за границу.

Ярославль работает шины стандартного размера. «Красный треугольник», в отличие от него, обслуживает все многообразные марки автомашин, имеющихся в парке страны.

В 1935 г. завод изготовлял покрышки и камеры девяноста видов и размеров, а двумя годами раньше ассортимент доходил до двух сотен. Это, разумеется, сильно усложняет и удорожает производство, затрудняет полную реконструкцию завода и снижает производительность мастерских. Но пока автомобильный парк страны еще не упорядочен, с этим злом приходится мириться.

Во второй пятилетке шинный завод успешно осваивает производство покрышек из синтетического каучука (СК). На испытаниях в «Каракумском пробеге» в 1933 г. покрышки из СК дали отличный результат. Качество советских шин достигает лучших мировых стандартов.

Резко изменил лицо и галошный завод. Новый уровень технической культуры страны обусловил крупные сдвиги и в этом, наиболее отсталом, производстве. За годы первой пятилетки галошный завод превратился в завод резиновой обуви: организовано производство технической обуви, гимнастических туфель, ботиков разных фасонов и т. д. В 1932 г. завод дал 42 млн. пар галош, на сумму в 145 млн. руб. — в два с лишним раза больше, чем в 12 году. В 1935 г. он выпустил почти 51 млн. пар резиновой обуви. Но не только новый ассортимент характеризует сегодняшний галошный завод.

За годы второй пятилетки произошел и «*третий переворот*» в галошном производстве. Первым, начальным переворотом явился переход с индивидуальной клейки на «восьмерки». Вторым переворотом было введение конвейера. Эти перевороты шли по линии новой организации производства, но не затрагивали еще самого технологического процесса: и при «восьмерке», и при конвейере в основе лежал еще ручной труд галошницы.

Третий «переворот» вносит революцию и в самую технологию: на заводе изобретен *галошный штамп.*

Вместо клейки начали галошу штамповать, как штампуют кастрюли, сковороды, заклепки.

«Галошный штамп несет с собой полный переворот в галошное производство. Вместо 17 деталей остается 4—5. Уничтожается закройка всех внутренних деталей (кроме подкладки), намазка, шипка, сокращается расход каучука и текстиля, сама галоша становится монолитной, ее качество резко возрастает.

Производительность труда увеличивается во много раз. При переходе на штампованную галошу завод сэкономит ежегодно 10—12 млн. руб.

Авторы нового метода производства галош — конструктор Н. И. Поспов и инженер Э. Б. Черно-Шварц — шли ощупью. Иностранная техника галошного штампа не знает. Без опыта, без каких бы то ни было образцов, без специальных машин для литья форм, для их обработки сконструировали они первый советский галошный штамп.

С помощью инженеров А. М. Чебан, Л. Е. Иванова, Вайнтрауб, галошницы Петкевич, работников завода Бирюкова, Кузнецова и других выпущены первые советские штампованные галоши...» («Ленинградская правда», 27 января 1934 г.)

Это были не только первые советские, но и первые в мире штампованные галоши.

Ручной труд на клейке галош скоро будет вытеснен целиком, — ему на смену идет труд механизированный, работа

Дублировочный резино-пропиточный цех.

на автомате. Первые тысячи пар прессованных галош уже находятся в «каракумском пробеге», — так называют на заводе испытание носкости галош, в частности почтальонами. Испытания уже показали, что прочность прессованных галош на много выше клееных ручным способом.

Предстоит еще немало работы для освоения механических приспособлений. Но в основном задача решена: социалистическая рационализация окончательно хоронит «галошную мануфактуру».

Крупнейшую роль в реконструкции «Красного треугольника» сыграл «Мехстро».

За пять лет, с 1931 г., механический завод изготовил десятки сложных станков и приспособлений: прессы мощные, вальцы, насосы, прикатные машины, смесители, сеялки, сотни форм и множество других агрегатов и машин, названия которых мало говорят не специалисту резинщику. Большинство этого оборудования до 1931 г. ввозилось из-за границы. В настоящее время механические мастерские изготовляют почти все оборудование для завода и выполняют заказы для других заводов резиновой промышленности.

Пять-шесть лет тому назад наряду с оборудованием из-за границы возили и большинство химикалий, употребляемых в производстве резины. Например в 1925/26 г. среди других химических материалов было ввезено: цинковых белил на 61 тыс. руб., магнезии — на 95 тыс. руб., сажи — на 210 тыс. руб., серы II сорта на 50 тыс. руб., серы комовой — на 31 тыс. руб., сурьмы сернистой на 115 тыс. руб. золотом.

Молодая советская химическая промышленность уже в первой пятилетке освободила завод от импорта химикалий, — кроме сернистой сурьмы. А в 1935 г. ни одного рубля валюты не потребовалось на покупку у капиталистов даже самых сложных красителей и ускорителей.

Так шаг за шагом освобождался «Красный треугольник» от иностранной зависимости.

Но эту зависимость долго не удавалось разорвать в отношении сырья. Каучук мы вынуждены были целиком покупать за границей. Ежегодно приходилось платить десятки миллионов золотых рублей английским и голландским капиталистам, которые держат в своих руках мировые плантации каучука.

Дело было не только в этих золотых миллионах, утекавших в карманы капиталистов. Дело было в самой зависимости Советской страны от капиталистической каучуковой базы.

В случае столкновения с капиталистическими странами эта зависимость ставила под удар резиновую промышленность СССР. С этим нельзя было мириться: слишком велико значение каучука во всем хозяйстве и в обороне Советского Союза. Центральный комитет партии поставил перед советской наукой, техникой и общественностью задачу — создать свою каучуковую базу.

«*У нас имеется в стране все, кроме разве каучука, но через год, два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении*» — говорил товарищ Сталин на конференции хозяйственников 4 февраля 1931 г.

К настоящему времени Советский Союз в основном разрешил эту коренную проблему резиновой промышленности.

Советский каучук есть!

Работа велась в разных направлениях, и по всем направлениям достигнуты решающие успехи: в распоряжении промышленности имеется уже несколько способов получения искусственного, синтетического каучука (СК) и практически разрешена проблема разведения плантаций каучуконосов для получения натурального каучука (НК).

Сейчас уже работают заводы СК — Ярославский, Ефремовский и Воронежский, поступает в эксплоатацию Казанский завод СК, скоро закончится строительство Эриванского завода, работает несколько полузаводских установок (опытный завод в Ленинграде и др.) и намечается постройка еще ряда крупных заводов СК.

Организованы наряду с этим громадные плантации каучуконосов в Средней Азии и на Кавказе, эффект от которых скажется в балансе каучука в ближайшие годы.

В первой пятилетке промышленное значение советского каучука было ничтожным. Но уже в 1934 г. один лишь «Красный треугольник» переработал 3900 тонн СК, а в 1935 г. завод поставил задачу переработать не менее 9 тыс. тонн СК, что составляет 35 — 36% годовой потребности. Это значит, что сэкономлено на импорте около 8 млн. руб. золотом.

Поступают в производство и первые десятки тонн советского НК.

Капиталисты смеялись над большевистской «затеей» с синтетическим каучуком. Знаменитый Эдиссон заявил в 1931 г., что он не верит в возможность получения искусственного каучука, способного заменить натуральный. Теперь, когда уже создана новая промышленность СК, какой не знают капиталистические страны, иностранная пресса заявляет, что это «ненормальное явление», так как СК дороже, чем плантационный каучук, и не может выдержать конкуренции.

Иностранцы судили по опыту Америки. В Америке фирма «Дюпон» построила заводик СК с проектной мощностью в 25 тонн в месяц. У «Дюпона» каучук получается действительно очень дорогой и очень плохой. За 1935 г. наши заводы дают не менее 25 000 тонн СК, а «Дюпон» никак не освоит проектной «мощности» в 300 тонн в год. И Америка продолжает платить Англии ежегодно сотни миллионов долларов за каучук.

В Германии во время войны фирма «Байер» выработала 2800 тонн СК, но покрышки из этого каучука трескались на холоде и пробегали не больше двух тысяч километров.

Невозможное для капиталистов — возможно в Советской стране.

Искусственные цветы из резины

На примере борьбы за советский каучук особенно ярко видны преимущества советской науки и техники, опирающихся на новую, социалистическую, экономику и на творческий труд пролетариата.

На всех стадиях борьбы за «каучуковую независимость» партийные и профессиональные организации «Красного треугольника» принимали в ней самое непосредственное участие: заводом отправлялись бригады для поисков каучуконосов. Завод шефствовал над первыми каучуковыми промхозами, контролировал работу лаборатории треста, научно-исследовательского института, резиновой промышленности и т. д.

Заводу выпала труднейшая задача — освоить технологию СК, и инженерно-технические работники «Красного треугольника» вместе с тысячами изобретателей и передовиков-рабочих успешно внедряют СК в производство.

Качество покрышек из СК — не хуже, чем из натурального. Галоши, с примесью половины СК, не уступают галошам из импортного каучука. Рукава, ремни, пластины, шлемы, макинтоши, материя, формовые хирургические изделия, автотракторные детали и десятки других видов изделий производятся или полностью из СК, или из смеси натурального и искусственного каучука и сохраняют высокое качество. А некоторые изделия из «резинита» (один из видов суррогата СК) обнаруживают 5—6-кратное удлинение срока службы сравнительно с естественным каучуком. Регенераторный отдел осваивает переработку СК. Оказалось, что регенерация даже улучшает качества СК, в то время как натуральный регенерированный каучук значительно ниже «нового» каучука, пускаемого в работу впервые.

Советский Союз за годы первой и второй пятилетки целиком освободился от ввоза всех резиновых и эбонитовых изделий и на одну треть — от ввоза каучука.

«Красный треугольник» в этой победе сыграл почетную роль.

И сейчас гигант на Обводном сможет дать все, что потребует от него страна для нужд народного хозяйства, для обороны, для богатой и радостной жизни взрослых и маленьких граждан советского общества.

У завода есть все для этого.

Есть главное — люди, выпестованные руководителем ленинградских большевиков С. М. Кировым на практической работе по реализации основных политических и хозяйственных задач социалистических пятилеток.

Тысячи замечательных людей, партийных и непартийных большевиков, создала героическая эпоха Ленина — Сталина.

Кадры решают все

Величественное зрелище — когда на берегу Обводного канала у своего завода собираются на демонстрацию все вместе тридцать пять тысяч краснотреугольниковцев — старые и молодые, ветераны труда и ровесники Октября, седые партизаны славных битв и фабзавучники, видавшие жандармов и капиталистов лишь на экране кино, — командиры и рядовые бойцы резинового производства.

Празднично одеты люди, торжественно разукрашен завод, на два километра выстроилась колонна.

Неужели всего лишь двадцать лет назад вот здесь же, на этой самой набережной, казаки и жандармы пороли нагайками и били шашками плашмя бастовавших галошниц?

Ослепительным, пестрым потоком, с песнями идет грандиозная колонна по знакомому маршруту.

Сто красных знамен плывут впереди. За ними мощные оркестры. Колонна идет по тем же самым улицам, где в июльские дни семнадцатого года рабочих обстреливали с чердаков и церквей, где тридцать лет назад, 9 января 1905 г., был убит резинщик Тарас Богданов. Тогда их выгнали на улицы отчаяние, нестерпимая нужда, и они шли к царю с попом впереди, безоружные.

Теперь это идет могучий отряд непобедимой армии строи-

телей нового человеческого общества, поднятый партией Ленина — Сталина к творческому труду, — идут хозяева завода, хозяева города, хозяева страны.

В колонне — тридцать пять тысяч. Среди них немного уже осталось тех, кто помнит старую «Резиновую мануфактуру», — тысячи две человек, не больше.

И даже тех, кто работает на заводе больше десяти лет, — только три тысячи семьсот человек.

Двадцать пять тысяч поступили на «Красный треугольник» за последние пять лет.

Вот почему в колонне так много молодежи. [1]

Стихийный приток рабочей силы из деревень, в связи с колхозным строительством, сократился: масса бедняков и батраков пошла в колхозы добывать зажиточную жизнь.

Навсегда было покончено с безработицей, этим гнетущим пережитком капитализма.

По указанию товарища Сталина с 1931 г. предприятия начали набирать рабочих организованно, в порядке договоров с колхозами.

Важную роль в пополнении сыграл фабзавуч. Он выпустил за пятнадцать лет существования около семи тысяч молодых рабочих высокой квалификации, причем больше половины этого количества падает на годы первой и второй пятилетки.

---

[1] На 1 октября 1935 г. на «Красном треугольнике» всего занято 33 130 чел. (без ФЗУ, техникума, строительных рабочих, пожарной охраны и персонала, обслуживающего жилмассив).

Все рабочие и служащие распределяются по трудовому стажу:

	До 1 года	До 5 лет	До 10 лет	До 20 лет	До 30 лет	Свыше
Общий трудовой стаж	1496	13446	7761	6837	2448	1120
Стаж на «Красном треугольнике»	12206	13790	3440	2760	694	240

Эти молодые и по возрасту и по производственному стажу рабочие, воспитанные советской школой, Красной армией, — были благодарным «материалом» для подготовки кадров советских рабочих *нового типа*, с иной культурой, с повышенными запросами.

Завод открывал перед этой молодежью богатые возможности для применения своих способностей и сил и продвижения в производстве от рядового рабочего до мастера, техника, инженера.

И молодежь, организованная в своей лучшей части в трехтысячный комсомольский коллектив, сыграла большую роль на всех участках производственной и общественной жизни завода.

Громадная работа по культурно-политическому и производственному воспитанию рабочих, которая велась в стенах завода, подняла на более высокую ступень культуры и старых производственников.

Механизированное производство, новые машины, станки, конвейера, усложнение технологических процессов, новый ассортимент изделий, — требовали вооруженных техническими знаниями рабочих.

Завод превращается в годы первой и второй пятилетки в учебный комбинат всех видов учебы — от ликбеза до втуза.

В центр всей культмассовой и политико-воспитательной работы выдвигается задача овладения техникой.

«Красный треугольник» не только обеспечил себя основными кадрами рабочих, но подготовил около шестисот квалифицированных рабочих и работниц для вновь выстроенного Ярославского резино-асбестового комбината.

...Нескончаемым потоком движется колонна «Красного треугольника» по праздничным улицам. Ничем не выделяется из рядов молодая галошница Настя Сидорова с 502 конвейера. Рядовая работница. Рядовая биография.

Настя — из деревни, полусирота. «В детстве сладости я

Заводской фабзавуч. Группа будущих галошниц.

не видала, кроме маминых ласковых слов. С восьми лет пошла в школу, но у мамы не было сил воспитать нас, и с девяти лет пошла я батрачить, в няни — два года жила за сапоги да за два платья. Няньчила пять лет, жила у богатых, немало они меня эксплоатировали, но деваться было некуда...»

В 1925 г. ее привезли в Ленинград. Было Насте в то время 13 лет. Взяла «из милости» родная тетка. Четыре года шила у нее Настя одеяла, работая по 15 — 18 часов, за 5 руб. в месяц, и прошло Настино детство в каторге у кулаков и у родной «тетеньки»... В 1930 г. рабочий шинного завода помог Насте поступить на «Красный треугольник».

«Вот здесь-то моя настоящая жизнь и началась. Я узнала о ячейке комсомола, о значении ее, сама подала заявление в комсомол. Нас вступило сразу много молодежи. Секретарем комсомольским была тогда Бедникова. Стали они учить всю молодежь грамоте, организовали молодежный конвейер. Трудов надо было положить на нас немало, — все новенькие, ничего не знаем, как в лесу. Мы понимали это, старались...»

А через год все новички на конвейере получили уже премию за освоение нормы и уменьшение брака.

«Нас это обрадовало, стали мы стараться работать еще лучше. Многие ребята пошли учиться, стали брать нагрузки — общественную работу, стали активными. Взяла и я работу — сборщика взносов по Мопру...»

А теперь, через пять лет, не узнать Настю Сидорову.

Она работает на том же конвейере, но уже руководит комсомольской групной бригады, — она один из лучших звеноргов на заводе, — она учится, растет, расцвела ее молодость, развернулись силы. Ничто уже не остановит ее, — она это знает.

«И разве одна я? Нас много таких на заводе, сотни и тысячи, которые посланы учиться. И мы учимся. Мы ра-

стем. Комсомолка Саша Смирнова в нашем звене выросла уже настолько, что мы ее выбрали в члены Совета».

Социалистическая индустриализация страны и коллективизация вырвали из условий «деревенского идиотизма», из цепких лап кулаков, кустарей, из вековечной нужды и кабалы миллионы людей и открыла перед ними путь строителей социализма.

На своем личном опыте испытали тысячи Настей Сидоровых, что такое сталинская линия партии...

... У Жени Савицкой нет в памяти гнетущих воспоминаний из детских лет, — зато запомнились на всю жизнь пионерский отряд, лагери в Сиверской, звуки барабана и «заря» горниста, дружные походы под песню о «картошке», ночные беседы у костра...

Она окончила семилетку, потом пошла в фабзавуч при «Красном треугольнике», вступила там в комсомол. Вскоре после фабзавуча—она инструктор в цехе № 6. Этот цех выполнил программу 1935 г. на два месяца раньше срока — и он идет первым в Октябрьской колонне.

Еще в пионерском отряде Женя получила навыки общественной работы. А на заводе, у себя в цехе, она становится руководителем комсомольской группы.

В двадцать лет Женя — мастер цеха, и не было случая, чтобы ее цех не выполнил программы. Мастер цеха! Вспоминают старые работницы старых своих мастериц, всех этих мадам Провостов, —и радуются, глядя на своих детей. Женя учится в повышенном кружке истории партии. Читает классиков и современных советских и западных писателей. На столе у нее тома Шекспира, Толстого, Драйзера, Шолохова, стихи Пушкина и Маяковского.

Она — физкультурница, азартная хоккеистка, успела уже давно сдать все нормы по ГТО и ГСО.

Вдобавок, у нее прекрасный голос, и нередко во всех 305 «радиоточках» завода — в красных уголках, комнатах

Октябрьская демонстрация «Красного Треугольника» *1935 г.*

отдыха, столовых, общежитиях — слушают ее выступления на заводском радиоузле.

Комсомольский руководитель цеха и авторитетный мастер Савицкая завоевала себе любовь, уважение и доверие не только молодежи, но и всех работниц и рабочих цеха. И на последних выборах Женю Савицкую выбирают в Ленсовет.

Новый представитель власти помогает молодежи фабрики «Красная заря» получить средства на достройку стадиона, достает через жилотдел комнату работнице Матвеевой, устраивает в бытовой коллектив стахановку Абрамову, проверяет на Балтийском заводе, как идет подготовка допризывников, ее сверстников, в армию, обследует работу Выборгского дома культуры и проверяет, как выполнены предложения; летом следит за работой Центрального парка культуры и отдыха.

А, ведь, Жене Савицкой всего лишь 21 год...

Легко и твердо идет она по советской земле, по свежему асфальту улиц, и сотни голосов подхватывают за ней:

Все выше, и выше, и выше...

Молодежь — украшение демонстрации, — тысячи юношей и девушек, живая молодость страны социализма.

В коллективе «Красного треугольника» сейчас 3129 комсомольцев, из них:

1586	человек	с низшим образованием	
1259	»	окончили	семилетку,
241	»	»	девятилетку,
31	»	имеют среднее техническое образование,	
12	»	с высшим образованием.	

Савицкая — лишь одна из многих в этом дружном хоре.

Дочь рабочего, комсомолка Варя Никитина окончила в 1929 г. фабзавуч, от рядовой работницы она продвинулась до старшего экономиста огромного цеха — «Ширпотреб № 4»: с 1931 г. она училась по вечерам в инженерно-эко-

Физкультурницы «Красного треугольника» на демонстрации.

номическом институте. Через полгода она получает диплом инженера-экономиста.

Клава Пикулина, бригадир молодежного галошного конвейера, член райсовета, активная комсомолка, — она научила работать на конвейере десятки молодых галошниц.

Мария Бруснна, из трубной мастерской, — лучшая парашютистка завода; комсомолка Маруся Ягодка — снайпер, «мастер огня»; Маруся Радченок — изобретательница, теперь руководитель целого отдела в Совете изобретателей; Тося Митяева — комсорг, бригадир, ровесница Октября и самый молодой член Кировского райсовета...

Их возглавляют, руководят ими на заводе Саша Сизов, Вера Рождественская, Вера Тихомирова, Ракушин, Степанская...

Идет и идет шеренга молодежи, — знатных людей в восемнадцать — двадцать лет.

В шеренгах вспоминают о Грише Ходосове, посланном работать в Политотдел на Камчатку, о Сереже Ракушине — он ушел в плавание на ледорезе «Литке», вероятно, зазимует во льдах океана; об А. Алешиной, бывшей фабзавучнице и галошнице завода — теперь всесоюзной рекордсменке по плаванию; восхищаются, говорят о Люсе Чистяковой — теперь знаменитой планеристке, — она только что вернулась в аэропоезде из Коктебеля; вспоминают об эбонитчике Коле Липовке, мастере парашютизма, недавно назначенном начальником Ленинградской парашютной станции...

Десятки, сотни талантливой молодежи, воспитанной партией и комсомолом, ежегодно посылает завод на все участки социалистического строительства: в вузы, втузы, техникумы, в армию, в госаппарат...

В нынешнем году только в Красную армию завод дал 285 человек, из них 92 комсомольцев. Целый баталион треугольниковцев.

...Тридцать лет отделяют молодость Насти Сидоровой и Жени Савицкой от молодости краснознаменки завода Александры Ивановны Костыговой.

А. И. Костыгова, галошница-краснознаменка.

Отец и мать Костыговой всю жизнь проработали на «Резиновой». В 1902 г., вместо того чтобы вести девочку в школу, мать привела Сашу с собой на завод. Наглухо захлопнулась дверь в детство.

Началась беспросветная жизнь, полная унижений, забот о куске хлеба. Испытала все — увольнения за забастовку, и отравление в 1914 г., и штрафы, и оскорбления, и наглые преследования, и голод, и холод.

«В тоненьком ситцевом платье, почти разутая, ходила она на работу, пытаясь заработанными грошами прокормить своих голодных детей. Всегда в долгу, как в шелку, была Саша», — пишут ровесницы Костыговой, старые производственницы, о своей подруге.

Революция пробудила ее. Она поняла, что начинается ее настоящая жизнь. Она шла на коммунистические субботники, таскала тяжелые бревна, чтобы не дать остановиться заводу. Пошла в ликбез. Стала ходить на лекции, на собрания. Вот она уже добивается, что пивная в жакте передается под детский очаг, вот она проводит подписку на заем, пишет первую заметку в стенную газету...

Ни одного прогула, ни одного опоздания не сделала она на советском заводе. Ее выдвигают инструктором. Она справляется с работой, старается оправдать доверие своих товарищей.

В 1933 г., по ходатайству общественности завода и старых производственниц, ее награждают орденом Красного трудового знамени.

«Мы гордимся Сашей Костыговой, — писали старые работницы, — она заслужила своей ударной работой, своим действительно социалистическим отношением к труду и общественной работе высшую награду пролетарского государства. Она — беспартийная, большинство из нас тоже беспартийные, но своей безукоризненной ударной работой мы имеем право заявить, что мы выполняем на деле решения нашей коммунистической партии. И мы гордимся этим.

Мы гордимся тем, что т. Костыгова награждена орденом Трудового красного знамени, так как эта честь падает и на нас, ее товарок по безупречной, ударной работе...»

В 1934 г. ее выбрали в Ленсовет.

И когда она выступает на собраниях, нельзя и подумать, что это та самая Костыгова, которая до революции не знала ни одной буквы...

Она уже седая, тетя Саша, как зовет ее молодежь. Но высоко несет она голову, шагает в колонне рядом с Настей Сидоровой. И со всеми поет:

Никто пути пройденного у нас не отберет...

Никаким пересказом не заменить простых, прекрасных повестей рядовых пролетариев и пролетарок о том, как они росли, с каким трудом и упорством одолевали грамоту, пробивались к науке, как приобретали первые навыки производственного и политического руководства.

В 1920 г. белый генерал расстрелял мужа галошницы А. Н. Мухановой, — большевик с 17-го года, он был послан в Тульскую губернию для хлебозаготовок Петрограду.

Через четыре года жена расстрелянного большевика галошница Муханова подала заявление в партию.

«Партии я принесла глубокое чувство преданности, больше дать было нечего, потому что я была еще неграмотна и неразвита. Нужно было учиться, и я пошла учиться в кружок политграмоты.

В 1928 г. рабочие выдвинули меня инструктором.

Я была в одной из первых ударных бригад по соревнованию и за работу получила грамоту и значок в годовщину четырехлетия соцсоревнования. Мне сейчас вверена мастерская, потому что я хорошо знаю дело и умею научить хорошо работать».

Сотни старых производственников прошли такой же славный путь после Октября. Почти весь низовой административно-технический персонал — мастера, инструктора, бри-

кадры — это выдвиженцы из старых рабочих, выросшие на производстве на партийной или профсоюзной работе.

Каждый год работы на старой «Резиновой мануфактуре» надрывал здоровье, высасывал силы, травил легкие, разрушал нервную систему. А впереди была только одна страшная перспектива: старость и нищета.

И как богат каждый год жизни и труда на социалистическом «Красном треугольнике»!

«В 1924 г. в Ленинский призыв я вступила в партию, — рассказывает галошница Галганова. — В этом же году у меня родился сын, и я дала две клятвы:

— Быть честным ленинцем и вырастить большевика-сына.

С тех пор прошло 11 лет. Мы оба — я и сын — выросли. Сын еще ученик 4-го класса 1-й советской школы, он еще не большевик, но пионер, перед которым широкая дорога к счастью.

Сейчас Ваня радует меня своими отметками по учебе, своей любовью к труду и своим крепким здоровьем.

На груди он носит значок отличника-школьника и мечтает о значке ГТО и значке ворошиловского стрелка. Поэтому он практикуется в беге и набивает меткость глаза бросанием стрелы из детского лука.

Он часто спрашивает меня: «Шибко ли ты, мама, бегала, когда была такая же маленькая, как я?» И мама рассказывает ему: «Так резвиться в детстве мне не довелось».

С 8 лет я пошла работать на фабрику, а в 23 года помню свою рекордную ставку по бегу, это было 9 января 1905 г. Вот тогда я показала пробег, так бежала, что казак на лошади догнать не мог. И я рассказываю сыну о 9 января в 1905 г. и о том, как в эти дни 1924 г. умер товарищ Ленин.

Вместе с другими рабочими я пошла работать в партию, чтобы помочь партии в тяжелую минуту, чтобы продолжать вместе с партией дело Ленина.

П. И. Васильев, директор завода, на первом всесоюзном слете стахановцев-резинщиков со стахановками: Д. Цветковой (завод «Красный треугольник») и Талызиной (завод «Красный богатырь»).

Начала учиться. Партячейка прикрепила ко мне в помощь комсомолку Веру. Каждый вечер она приходила ко мне домой, прорабатывала со мной заданные на дом уроки, помогала мне разбираться в газете.

Политзанятия стали одной из привычек. Окончив первую ступень, я пошла учиться в политшколу второй ступени. Эту школу я окончила уже с большим успехом и пошла на вечерние курсы при клубе Цурюпы.

В ячейке партии я несу нагрузку старосты политкружка.

Сама я в учебе, конечно, пойду дальше — или в комвуз или на какие-нибудь вечерние рабочие курсы. Доказательством того, что я стала политически грамотной, может служить журнал «Работница и крестьянка», где я помещала свои статейки, и даже один из номеров этого журнала открывается моей статьей».

Растет вся масса на разных участках практической работы: через производственные совещания, через изобретательство, на партийной, профсоюзной, советской работе.

Двести сорок три итровца — практики-выдвиженцы. Из 454 мастеров и начальников цехов — 298 коммунистов и коммунисток.

Вот небольшой перечень имен выдвиженцев — из рабочих завода— теперь начальников ведущих цехов:

Рукавишникова Кл. Ив.—начальник III галошного цеха,

Комаров И. М. — начальник II галошного цеха,

Добряков Т. П. — начальник IV галошного цеха,

Дальский И. Н. — начальник вальцовок галошного производства,

Кащеев В. К. — начальник химического цеха,

Журба Г. В. — начальник регенераторного цеха,

Козлов Г. В. — начальник цеха вулканизации покрышек,

Гущинский Пав. Фил. — начальник механического отдела,

Парамонов Б. И. — начальник 2 цеха промтехники,

Решетников А. К. — был начальником утильцеха, направлен учиться в промышленную академию.

...Одиннадцать лет назад в вальцовку поступил двадцатилетний неграмотный парень из деревни И. Филиппов. Давали ему сначала работу такую, где надо только «поднять да бросить», — пишет теперь о себе тов. Филиппов.

«С каким-то непонятным страхом подходил я к каландрам, вызывая вначале усмешки у рабочих.

Помню я, как велика была моя злость, когда я однажды спросил у каландровожатого, как он узнает свою выработку, — и он мне указал на небольшую штучку на каландре и сказал:

— Это счетчик, который отсчитывает количество метров материала. Вот посмотри сам.

Я приподнялся, но кроме быстро передвигавшихся черных значков ничего не увидел. Смешно мне сейчас сознавать, что я не знал тогда, что на счетчике были цифры, которые отсчитывали десятки, сотни и тысячи метров резины.

Смешно сейчас. Тогда же мне стало обидно. Обидно и на людей, которые разбираются в разных цифрах и счетчиках. Зол я стал на машину.

Но всего больше меня взяла злость на самого себя. На мою неграмотность.

А в 1934 г. я окончил райкомвуз с отметкой «отлично».

Таков мой путь. Так меня воспитала партия.

Такова «судьба» каждого рядового рабочего нашей великой родины...»

Почти все рабочие учатся — либо в заводской учебной сети, либо вне завода.

Две тысячи работниц и рабочих охвачены общеобразовательной учебой по линии завкома.

Сотни комсомольцев учатся в средней школе, осуществляя лозунг: каждому комсомольцу — среднее образование.

Через технические кружки и курсы в 1935 г. прошли 6300 рабочих и работниц и несколько сот итровцев.

На «Красном треугольнике» сейчас 3840 членов и кандидатов партии. Из них 2700 человек учатся в партийных кружках, школах и семинарах.

В цехах выросли такие сильные партийцы как Трофимова, Н. Н. Иванова, С. Н. Петров, Г. Г. Григорьев, Ал. Литвинов, З. А. Варзугина, десятки пропагандистов, сотни беседчиков.

В этом громадном коллективе большевиков вырастают партийные руководители, хозяйственники, советские работники. Сто пятнадцать работниц и рабочих завода — члены Ленинградского и районного советов. Органы пролетарской диктатуры являются для них школой государственного управления. В одном лишь 1935 году с завода выдвинуты на руководящую работу: работница Павлова из эбонитовой мастерской руководит райздравсекцией, шинник Алешин теперь председатель оборонной секции райсовета, галошница Светлова — председатель секции народного образования, вальцовщик Абабкин Г. Ф. откомандирован учиться на курсы прокуроров, слесарь Печенев — в Институт советского строительства.

Работают ответственными секретарями парткомов на предприятиях Ленинграда: галошницы Александра Крюкова, Александра Захарова, Мария Иванова. Бывший секретарь парткома промтехники Филатова А. Ф. — теперь отсекр кол-ва завода им. Кирова. При проверке партдокументов партиец Н. Н. Афанасьев выдвинут секретарем парткома завода «Красный химик».

Аркадий Филиппов, один из организаторов комсомола на «Красном треугольнике» и позднее председатель завкома, теперь руководит парторганизацией на «Северной верфи».

Член партии инженер Н. Г. Зоркин — директор резинового завода «Красный богатырь» в Москве.

Многие из руководителей Ярославского резино-асбестового комбината — бывшие рабочие и мастера с «Красного треугольника»: Пименов И. И., инж. Реймарус А. Н., инж. Иванов В. В. и многие другие — все они учились искусству большевистского руководства массой на «Красном треугольнике».

В. И. Невинский — замсекретаря парткома «Красного треугольника» — ряд лет руководил парторганизацией «Электросилы», теперь замсекретаря Московского райкома.

И. С. Каспаров, отсекр парткома завода в 1927 — 1929 гг., теперь ответственный секретарь Ленсовета.

Евгения Николаевна Егорова — председатель ЦК союза рабочих резинохимии.

Колонна с песнями и музыкой вступает на улицу 3 июля.

Почти восемьсот товарищей из этой колонны — студенты, они учатся без отрыва от производства, вне завода, на рабфаках, в техникумах и втузах:

в техникуме резиновой промышленности	138 чел.
на курсах конструкторов-механиков:	
для изобретателей	124 чел.
в промышленной академии	11 »
в Инженерно-экономическом институте им. Молотова (кончают)	19 »
в Химико-технологическом институте	15 »
на курсах по подготовке в вузы	41 »
на вечерних рабфаках	121 »
в Институте хозяйственников	10 »

В годы первой пятилетки завод послал учиться в вузы, втузы, техникумы и на рабфаки тысячи лучших ударников и ударниц. В редкой семье рабочего нет студента. Готовальня, логарифмическая линейка и справочник Hütte так же обычны в рабочей квартире, как сочинения Ленина, Сталина, «Малая энциклопедия».

За 1929/30 г. с «Красного треугольника» было командировано учиться:

в вузы и втузы	111 чел.
техникумы	141 »
на курсы по подготовке в вузы и техникумы	477 »
на рабфаки	154 »

А в 1932 г. было направлено с завода учиться в вузы и втузы и техникумы около двух тысяч человек

Теперь они уже возвращаются на завод — сотни лучших ударников производства, получивших знания и звания техников и инженеров.

В 1931 г. товарищ Сталин говорил:

«Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР».

Подготовка «своей собственной производственно-технической интеллигенции» является одной из наиболее выдающихся побед большевистской партии в годы первой и второй пятилетки.

В 1925 г. на «Красном треугольнике» было 60 инженеров, из них ни одного члена партии.

Теперь на «Красном треугольнике» 376 инженеров и 487 техников, а всего инженерно-технических работников 2093 чел., из них 597 — коммунисты и комсомольцы.

В документах большинства итровцев значится: рабочий или крестьянин, окончил втуз или техникум в 1929—1934 г.

Начальнику ведущего в шинном отделе цеха сырых покрышек, Александру Варенникову, 25 лет. Многие из тех, для кого он является «начальством», носили его на руках или играли вместе в одном дворе. Сестра, старая галошница, устроила его в фабзауч при «Красном треугольнике.

После фабзавуча заводский комсомол выдвинул Варенникова учиться. Дальше — он техник-рационализатор, руководитель производственным обучением студентов для ярославского и других московских заводов, начальник цеха кройки и прорезинки, наконец с 1932 г. — уже третий год — начальник цеха сырых покрышек. В 1930 г. он вступил в партию. Цех, которым руководит т. Варенников, при дневной программе в 2320 покрышек вырабатывал до ста-

хановского движения обычно 2400. В цехе — 42 инженера и техника, 950 рабочих.

Большое, сложное хозяйство. Большой человеческий коллектив.

Цех сырых покрышек — один из первых на заводе, где начало развертываться стахановское движение, и на всесоюзном слете стахановцев-резинщиков рабочие подчеркивали, что молодой начальник цеха не отстает от их запросов, помогает активно росту рабочей инициативы.

Дочь галошницы Анна Чебан — теперь инженер, начальник громадного цеха, в который входят девять мастерских.

Рабочий Гальбах Г. А. — инженер, начальник промцеха, а техноруком промцеха работает бывший фабзавучник, теперь техник Саша Анатолиев. Емельянов Г. Л. — техник по вулканизации шин, Лебедева М. Э. и Шипов Б. Вл. — техники по сырым покрышкам; начальники смен Гирдюк А. Д. — техник технической вальцовки, начальник смены Евсеев В. Сем. — начальник смены цеха грузошин, Попиков П. В. — техник по вулканизации, Рыбак Р. Ф. — заведующий планово-распределительным отделом механического производства, Постнов Н. И. — инженер-конструктор, и т. д. и т. д. — все это вчерашние рабочие или дети рабочих завода.

Все техническое руководство завода, сверху донизу, весь аппарат заводоуправления — в руках лучших людей рабочего класса.

Рабочий класс теперь имеет свою рабочую, производственно-техническую интеллигенцию.

Именно эти успехи по подготовке и по социалистическому воспитанию кадров обеспечили досрочное выполнение заводом планов первой пятилетки и перевыполнение планов первых лет второй пятилетки. План 1933 г. «Красный треугольник» перевыполнил на 16,7%, план 1934 г. — на 5,8%.

Этими победами были созданы и обеспечены предпосылки и условия для стахановского движения, которое

«представляет собой образец той высокой производительности труда, которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм». (Сталин.)

С первых дней завоевания пролетариатом власти коммунистическая партия воспитывала в рабочем классе новое отношение к труду.

За все годы пролетарской диктатуры шло непрерывное нарастание производственного энтузиазма и творческой инициативы рабочего класса.

От коммунистических субботников в годы разрухи и гражданской войны, от зародышей соревнования в виде смотров, конкурсов и перекличек в период восстановления промышленности, через массовый подъем соревнования и ударничества в годы первой пятилетки, — таковы главные вехи на пути к стахановскому движению, которое «призвано произвести в нашей промышленности революцию».

Отсутствие эксплоатации, смена труда подневольного трудом на себя, на свой класс, на свое общество создали возможность невиданно-быстрого материально-бытового и культурно-политического роста рабочего класса.

«Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом прежде всего корень стахановского движения» — говорил И. В. Сталин на первом всесоюзном слете стахановцев.

«Индустриализация нашей страны, реконструкция наших заводов и фабрик; наличие новой техники и нового оборудования послужили одной из причин, породивших стахановское движение.

Но на одной лишь новой технике далеко не уедешь... Новые люди из рабочих и работниц, освоившие новую технику, послужили той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение».

Стахановец Николай Ковалевский с матерью, старой галошницей Марией Николаевной Ковалевской.

Костюм для эпроновцев из резины

За три первых месяца с начала стахановского движения число стахановцев на «Красном треугольнике» с единиц и десятков быстро поднялось до трех тысяч.

Портреты лучших стахановцев украшают ряды колонны.

Одним из первых, кто сломал старые нормы и стал давать три-четыре выработки, был на «Красном треугольнике» токарь-эбонитчик Николай Ковалевский.

Он идет в колонне стахановцев под руку со своей матерью, старой галошницей.

Мария Николаевна Ковалевская десять лет тому назад первой пошла работать на «восьмерки», она научила галошному «искусству» инженера Н. А. Реймаруса и Е. О. Старосельского, была первым инструктором на первой «восьмерке».

Ее сын стал героем завода, одним из тех, которые «полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и двинули вперед».

« — Устаешь, Николай?

— Если материал подается во-время и нет перебоев — устаю меньше, а вырабатываю больше. Тут главное — ритм, плавность в работе. Хуже нет, если сбивают... Больше давать не позволяет мотор — дымить начинает, — приходится останавливать станок и остужать мотор... Прошу сменить мотор — дам больше. Станок у меня старый, шестерни сильно сносились — опять лимит получается. Изделия дают тоже не в порядке — велики допуски, плохо склеены, на больших скоростях работать их нельзя. Потом тормозит то, что в начале месяца работы бывает мало, в середине — хватает, а в конце — опять мало. Если все наладить, можно давать много больше...»

Ковалевский — лыжник, один из лучших бегунов завода. В дни, когда он переходил на стахановские методы, он ежедневно тренировался в беге на 30 километров.

И где больше удовлетворения — у станка или на стадионе — он сказать не может. 20 декабря он дал 1475% нормы, а начал с 300%.

«Я не силой беру, а головой. Работа у нас разная. Я накануне знаю, что завтра буду делать, и пока домой иду — у меня в голове весь план готов. Приду утром — мне не надо примеряться: я уже знаю, как надо приступать, и сразу работаю на полный».

Пример Ковалевского увлек Г. М. Аксенова, Е. А. Филиппову, А. В. Литвинова, а за ними стали думать над улучшением работы, над рационализацией, над организацией труда десятки рабочих и работниц.

Тихая, скромная девушка Е. А. Филиппова пришла на завод из колхоза только год тому назад. Ее считали безинициативной, не замечали. И вот она в числе лучших стахановцев эбонитовой мастерской.

— Ничего такого особенного я ведь не сделала... только пригляделась к работе, и вижу, что можно трубку снять и поставить без остановки станка. Вот и все...

И выработка у нее утроилась. Теперь все работницы на обточке трубок работают по методу Филипповой.

«Секрет» того, что в эбонитовом цехе стахановское движение приняло массовый характер, — в постановке партийно-массовой работы в цехе, в ведущей роли коммунистов. Парт-группорг цеха Алексей Литвинов говорит:

— Мы проводили и беседы и читки, но наряду с этим мы агитировали прежде всего личным примером коммуниста. Боевая работа коммунистов привела к тому, что бригады, которые раньше систематически недовыполняли план, сейчас дают по 200% нормы. Отсталые рабочие, которые были известны своими нездоровыми настроениями, сейчас идут в ряду передовых борцов за социалистическую производительность труда.

Сам А. Литвинов, работающий на изготовлении деталей врубовых машин для стахановцев Донбасса, 11 декабря дал рекорд — 1280% нормы.

Токарь той же мастерской А. М. Александров начал давать выработку в 500 — 600%.

Такое же движение развивается и во всех цехах и мастерских резинового гиганта.

Рабочие цеха сырых покрышек несут портреты своих лучших стахановцев: Ив. Ив. Иванова, В. Н. Королева, И. Н. Зуева. И. И. Иванов пришел впервые на завод из деревни в 1931 г. Что было бы с ним на старом «Треугольнике»?

А на советском заводе за четыре года он вырос культурно, расширился его кругозор, круг интересов, он вошел в общественную жизнь, стал профоргом. Весь 1935 г. он перевыполнял нормы, а когда началось стахановское движение, он устранил все лишние движения в работе, и при всех неполадках, — а их еще много, — дает до 200%, а когда неполадок меньше — 240 и более процентов.

И. Н. Зуев из того же цеха за счет более правильной организации рабочего места достиг выработки в 216%.

Недавно он внес предложение установить на каждом станке каркасника коробки с точным расположением инструмента, и одно это предложение, по подсчету А. Варешникова, повысит производительность труда не менее чем на 5%.

С Ивановым и Зуевым успешно соревнуются В. Н. Королев, Г. Ф. Кошелев, Е. Е. Лунева и другие, помогая друг другу усвоить опыт лучшей работы.

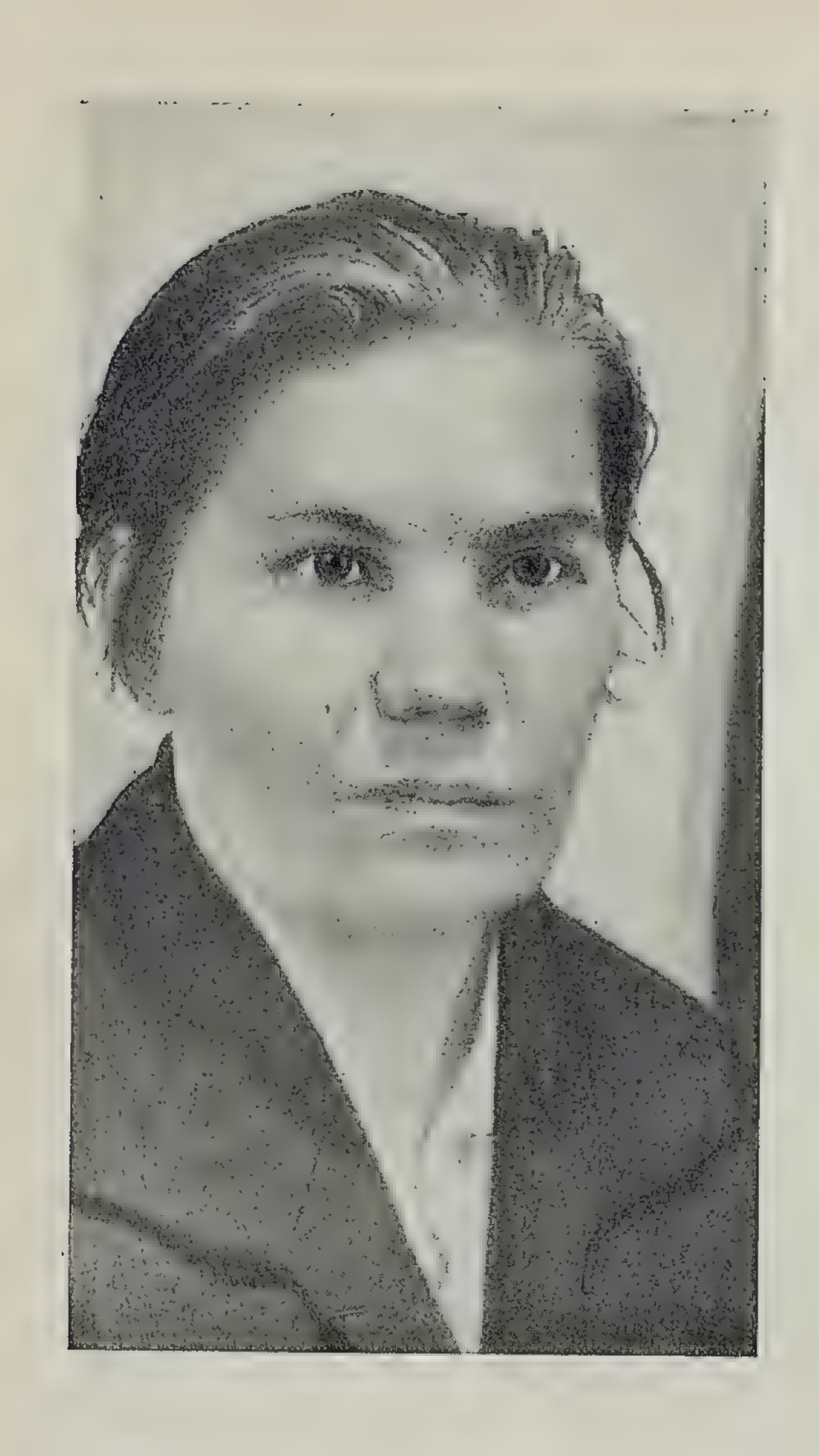
Ксения Банко на автокамерах организовала по-новому рабочее место и выполняет свыше 300% задания.

Галошница Д. Ф. Цветкова на дублировке задников систематически дает теперь две с половиной нормы.

В 4-м галошном цехе галошницы-«одиночки» О. А. Казанкина и партгруппорг Н. К. Рыбина дают по 36 пар вместо 20, а «восьмерка» — стол 107-й смены Б — дает 240%.

На 201 конвейере, где труднее проявиться индивидуальному творчеству, бригадир Н. С. Лебедева и парторг Е. В. Никитина вместе с работницами устранили лишние движения, убрали лишние инструменты, и конвейер начал выпускать четыре тысячи пар туфель вместо нормы в три тысячи пар.

Молодой вальцовщик регенераторного цеха Федор Па-

Стахановка Ксения Антоновна Башко.

житков один стал обслуживать два аггрегата вальца, в то время как до этого на трех вальцах работали два человека. Вместо нормы в 950 килограммов он дает 1100 — 1200 килограммов регенерата. Теперь старые вальцовщицы, у которых он учился, перенимают его приемы работы.

В цехе № 6 стахановка Ольга Серебрянская выполняет три с половиной нормы.

Прессовщик В. П. Кузнецов из того же цеха предложил изменить форму заготовки, сэкономил время загрузки пресса и 17 декабря дал уже 731%.

Товарищи А. В. Быстрова, Федоров, А. А. Андреева перешли с четырех прессов на пять, и легко справляются с работой.

За ними последовали десятки рабочих и работниц, и цех № 6 за два месяца до срока выполнил годовую программу и поэтому идет в первых рядах колонны завода.

С каждым днем появляются все новые и новые имена стахановцев, которыми гордятся рабочие и работницы завода. Сейчас их уже пять тысяч, будет — десять, двадцать тысяч. Движение только началось, и первые победы говорят о громадных возможностях, о громадных неиспользованных резервах.

Надо отметить, что многие из стахановцев — изобретатели: Литвинов, Ковалевский, Башко, Иванов, Зуев—все это изобретатели, которых сейчас на заводе больше трех тысяч человек. Они дали за десять месяцев четыре тысячи предложений, экономия от которых за год выражается в миллионах рублей.

Голова нескончаемой колонны показалась на проспекте 25 Октября. Ее узнают сразу. Каждый цех и мастерская несут модели своих изделий. Над головами плывут гигантские модели автопокрышек. Двухметровая галоша, слон из резины, воздушные шары, резиновый планер...

«Красный треугольник» выпустил в 1935 г. свыше 600 тыс. автопокрышек, 50 млн. пар обуви, на 114 млн. рублей изделий техники для промышленности и массового потребления.

Сто пятьдесят тысяч автошин, больше половины взрослого населения страны обувает завод в этом году: 35%

Стахановец-эбонитчик, парторг эбонитового цеха Алексей Литвинов.

шин, 51% технических изделий и 70% обуви для страны дает «Красный треугольник».

Годовая программа завода выражается в гигантской сумме — четыреста двадцать миллионов рублей. Это почти одна пятидесятая стоимости всей продукции Наркомтяжпрома, больше одной десятой всей ленинградской промышленности.

Самый крупный резиновый завод в мире. Самый крупный по стоимости выпускаемой продукции завод в СССР.

Громадную роль играет «Красный треугольник» в индустриализации страны, в строительстве новой, счастливой, богатой жизни. Нелегка, но и почетна роль руководить этим гигантом...

Колонну ведут секретарь парткома т. Волков Н. П. и директор завода т. Васильев Н. И.

Партия направила их руководить работой и жизнью тридцатичетырехтысячного отряда строителей социализма.

Много воды утекло в Обводном канале с той поры, когда «купался» в нем по милости казаков слесарь Франко-русского завода Васильев. После трех лет гражданской войны он окончил первым Коммунистической университет им. Свердлова и с тех пор работал на хозяйственных постах. В 1926 г. ЦК партии направил его в Резинотрест, пять лет работал он директором «Красного богатыря», а теперь — директор крупнейшего в мире резинового завода.

Партия оставила т. Волкова после гражданской войны на военно-политической работе в Красной армии.

Начальник политотдела Амурского фронта в период славных боев под Волочаевском и Спасском, помощник командующего береговой обороны Балтморя по политчасти, позднее — инструктор ЦК партии Украины и Ленинградского Обкома, — в 1934 г. т. Волков был избран секретарем парткома галошного завода «Красного треугольника».

В марте 1935 г. заводы комбината — Шинный, Промтехники, Галошный, Регенераторный, Механический и Энергозавод, — снова объединились в один завод с одним заводо-

управлением и одним парткомом (вместо шести), и коллектив «Красного треугольника» избирает т. Волкова ответственным секретарем единого парткома.

Усложняется вся обстановка для руководства, растут задачи, новые требования предъявляет к заводу страна. Народное хозяйство, рабочие и колхозники требуют больше изделий, лучшего качества, — изделия советской марки должны быть лучшими в мире! Немалую долю должен давать завод в богатую, радостную и счастливую жизнь миллионов строителей социализма. Большие, ответственные задачи!

Растут, бурно растут люди. Еще быстрее должны расти руководители. Нужно не только удовлетворить сегодняшние запросы рабочего и работницы, но видеть и то, что потребует завтра. В этом один из «секретов» руководства сегодняшнего дня, когда «кадры решают все».

Большие заботы на плечах руководителей. Главная забота о них — об этих тридцати пяти тысячах. Почему ушло с завода за третий квартал 1935 года 2700 человек и столько же новичков пришлось набирать? Почему ряд старых производственников не вернулся из отпуска в августе месяце?

Как будет развертываться стахановское движение в галошном производстве на конвейерах?

Запросы рабочих и работниц растут — чего стоит лишь наладить читки газет так, чтобы охватить ими все 35 тысяч?.. Мал, слишком мал клуб, недостроен стадион, нехватает мест в яслях, — а между тем ежедневно у работниц завода рождается 15—19 новых «граждан»... Во многих цехах еще грязно, неуютно...

Сотни больших и малых дел и забот перед руководителями завода.

Но безгранично выросли и возможности, чтобы разрешить эти дела, выросли безгранично силы, чтобы решительно итти вперед.

Вопрос не в том — будет ли выполнена годовая программа, а в том — насколько раньше срока она будет выполнена...

...Колонна вступает на площадь Урицкого. Издали замечают ее с трибун. Сто красных знамен возглавляют колонну, среди них — первое в Республике Трудовое красное знамя.

Огромные портреты вождей, установленные на автомашинах, разделяют колонну.

Отряды планеристов, будущих пилотов, выстроившись в три треугольника — эмблема завода — несут самолет, планер, сделанный весь из резины, и огромную модель дирижабля.

Парашютисты и парашютистки несут за плечами легкие шелковые ноши, расцветающие в воздухе.

Тысячи штыков стройно сверкают синеватыми огоньками на плечах шинников, вальцовщиков, галошниц.

Их встречает приветственный клич руководителя ленинградских большевиков т. Жданова:

— Да здравствуют работницы и рабочие «Красного треугольника»! . .

И в ответ раздается мощное, радостное, победное:

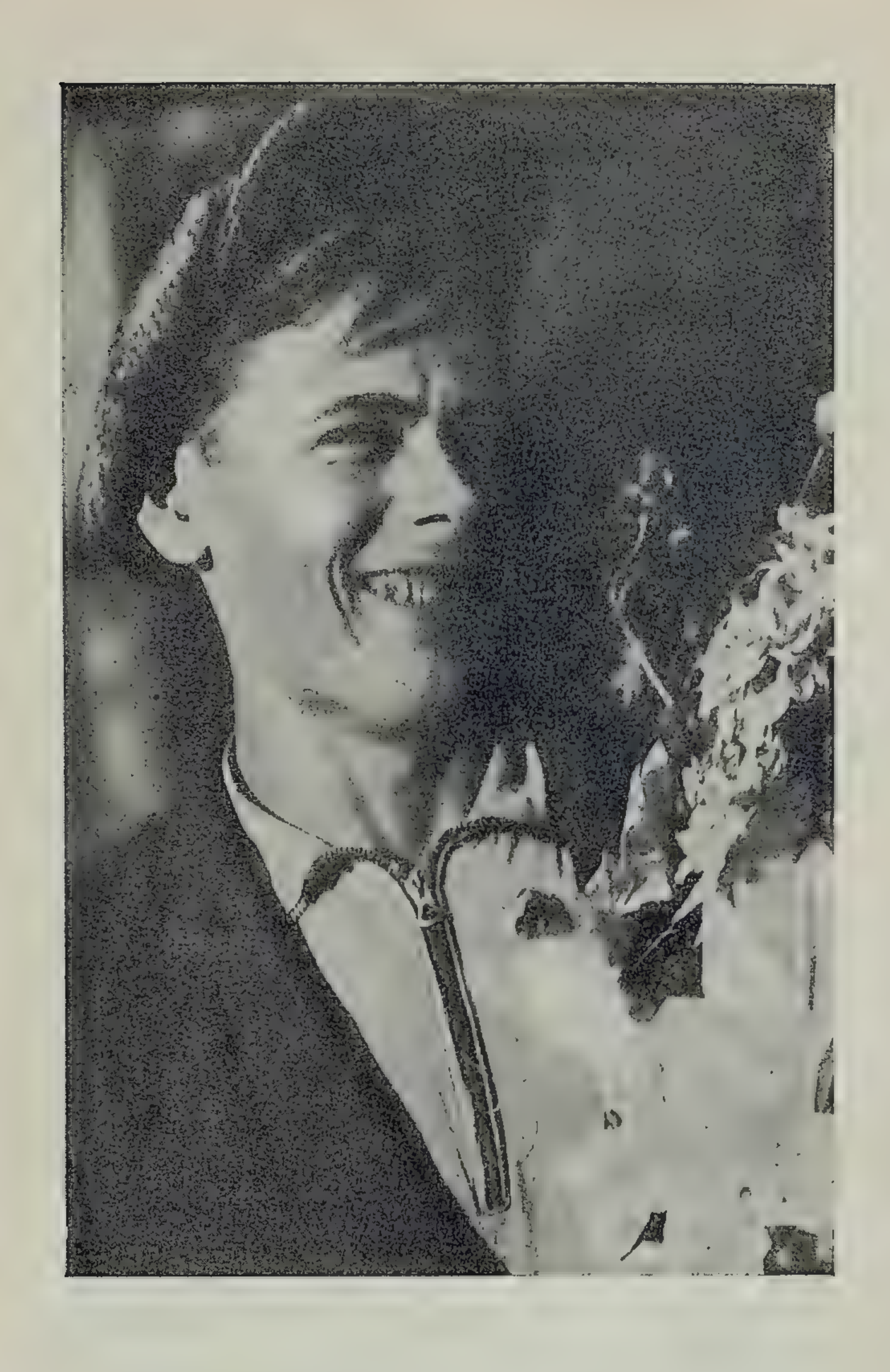
— Да здравствует пролетарская революция!..

Три четверти века существует завод. Из них на наш социалистический «Красный треугольник» приходится только восемнадцать лет.

Три поколения галошниц маялись в этих корпусах, когда они принадлежали эксплоататорам, выматывали силы по 12—13 часов в день, теряли здоровье, румянец, травились бензином. Униженные, забитые, опутанные сетями безграмотности, религиозных предрассудков, они гибли здесь во имя сверхприбылей господ Краузкопфов, Гейзе, Кирштейнов, Нейшеллеров. Их безвестные жизни разошлись по миру в сотнях миллионов пар галош и были растоптаны по цене — две копейки за пару...

Прошло восемнадцать лет, и что осталось от старой «Российско-американской резиновой мануфактуры»?

Разве что стены. Да Обводный канал.

Стахановец В. Н. Королев. Цех сырых покрышек.

Нет, и стены стали другими. И канал уже облицовывается гранитом, расширяется, очищается от грязи, скопившейся за два века.

«...В Ленинграде, — говорил товарищ Киров на XVII съезде партии, — остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, — все остальное стало новым».

... В дни юбилея завод отчитывается перед всей страной. На праздник соберутся многочисленные гости. Среди них те, кто работал и воспитался в большевистской семье «Красного треугольника» и которых партия направила на ответственные посты руководить партийной, советской, хозяйственной, профессиональной работой, переделывать деревню, охранять безопасность родины.

Приедут подшефные колхозники, танкисты и моряки из подшефных частей. Придут ученики из подшефных школ, пионеры из подшефных отрядов, артисты из подшефного академического театра, студенты из подшефных втуза и техникума, научившиеся читать в этих стенах. Из Консерватории придут в родную семью вчерашние галошницы, завтрашние оперные артисты. От союза писателей выступят вчерашние шинники-рабкоры, сегодня известные писатели, — здесь были взращены их таланты...

Стахановское движение, призванное «произвести в нашей промышленности революцию», гигантски ускоряет процесс перевоспитания пролетариата, потому что «оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожению противоположности между трудом умственным и физическим».

И в корпусах «Красного треугольника» — одной из бесчисленных крепостей пролетарской диктатуры — перерабатываются не только тысячи тонн мертвой материи, но и

Партийный комитет завода «Красный треугольник».

Сидят слева направо: 1. Иванова, Н. П., 2. Варзугина, З. А., 3. Васильев, Н. И. (директор завода), 4. Волков, Н. П. (секретарь парткома), 5. Кричевский, С. О. (культпроп парткома), 6. Иванов, И. Д., 7. Сизов, А. А. (секретарь комитета ВЛКСМ), 8. Лукьянова, К. Г., 9. Денисов, М. И., 10. Иванов, Н. В. (председатель завкома), 11. Барминов, Н. И.

изменяются, воспитываются тысячи новых людей, активных строителей бесклассового социалистического общества.

«Как вспомнишь, что пережили мы при царизме и капитализме, — сердце кровью обливается. Только могли для нас приглашать попов, читать проповеди и наставлять, как своего господина нужно уважать и молиться за его «здравие»...» Многие старые работницы говорят часто: «Зачем мы так рано на свет произошли? Сейчас для молодежи все — учись и учись, только не ленись. Да и старух всех переучили. Хотелось бы подольше пожить — а старые становимся, жизнь улучшается — а мы дряхлеем. Но, смотря на молодежь, сердце радуется: веселые, жизнерадостные, а с работы все на учебу. Послушаешь — толковый и серьезный разговор между собой ведут». (Галошница Елизавета Волкова.)

«Наша работа не пропала даром. Мы сейчас на деле видим результаты своих трудов. Мне сейчас 52 года, а я еще молода, чувствую себя бодро, прыгаю с парашюта, работаю сменным мастером, неплохо выполняю программу. Хотелось бы видеть, как будет жить наша смена...» (Галошница Вера Артамонова.)

Ничего не осталось от старой «Резиновой мануфактуры».

Две эпохи, два завода.

Люди десятков национальностей строят социализм на одном из ответственных участков, воплощая живой пример интернационального братства народов.

И эта героическая работа по строительству социалистического общества укрепляет в рабочем классе всего мира веру в свои силы, ускоряет победу и торжество мировой пролетарской революции. «Пример русской революции является всегда нашей путеводной звездой». (Из письма делегации рабочих Англии, Америки, Австрии, Шотландии и Швейцарии к рабочим «Красного треугольника» в 1933 г.)

... На черном фоне полувекового прошлого наш резиновый гигант сверкает, как крупная жемчужина в несметных сокровищах Советской страны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор I части Н. Г. Попов.
Консультант С. Б. Окунь.
Ответственный редактор II части С. П. Тюльпанов.
Руководители по разработке статистического
и архивного материалов
Ф. Я. Дукельская и Н. Ф. Лавров.

Внешнее оформление и полиграфическая редакция Ю. Ф. Слепян.
Технический редактор Л. А. Вакуленко.
Корректор Н. П. Ракова.

Книга отпечатана в Ленинграде
в типографии «Печатный двор»
в количестве 7200 экз.
Цветные вклейки отпечатаны
в типографии им. Ив. Федорова.
Обложка и форзац отпечатаны
в литографии им. Томского.

Книга сдана в набор 27/XI 1935 г.
Подписана к печати 26/XII 1935 г.
Ленгорлит № 35618. Заказ № 3134.
Бумага 62 × 94 см. Авт. листов 13.
В 1 бум. листе 43080 тип. знаков.

